

ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

**Сборник статей
по итогам межвузовской
научной конференции
БРЯНСК 17 октября 2023 г.**

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образова-
тельное учреждение высшего образования
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
(БГУ)

Факультет истории и международных отношений
Кафедра отечественной истории

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Брянск – 2023

УДК 930.85+008:316.77+327

ББК 60.524.224.022+71.045

Г – 65

Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов. Сборник статей по итогам научной конференции 17 октября 2023 г. / Под общ. ред. проф. В.Ф. Блохина, проф. Е.В. Петрова, проф. И.В. Алферовой. – Брянск, 2023. – 186 с.

ISBN

Сборник статей подготовлен на основе докладов научной конференции «**Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов**», проведенной 17 октября 2023 г. на площадке Брянского государственного университета в очно-дистанционном формате. Организаторами конференции выступили: кафедра отечественной истории и отдел международных связей и сотрудничества БГУ и кафедра источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета.

Издание предназначено для студентов и преподавателей исторических факультетов вузов.

Рецензенты:

Акоева Н.Б. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар)

Дубровский А.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Рекомендовано к печати кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Протокол № 4 от 24.10.2023 г.).

© Коллектив авторов, 2023.

© РИСО БГУ, 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧЬЯ

- Рассказчиков П.О.* (Россия, Российская национальная библиотека),
- Петров Е.В.* (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет).
- ТРАНСГРАНИЧНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ТРАДИЦИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЭМИГРАНТСКИХ ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**..... 6
- Сагимбаев А.В.* (Россия, Брянский государственный университет).
- СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ БРИТАНСКОЙ ИНДИИ НАЧАЛА XX В. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНДЖАБА)**..... 27
- Прилуцкий В.В.* (Россия, Брянский государственный университет).
- СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ СТАРЫЙ СЕВЕРО-ЗАПАД В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ (1763–1783 гг.)**..... 41
- Гончаров Е.В., Гончарова Е.С.* (Россия, Брянский государственный университет).
- ЭЛЬЗАС-ЛОТАРИНСКИЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ** 57
- Нарскина С.М., Изотова Н.В.* (Россия, Брянский государственный университет).
- ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ТРАНСГРАНИЧЬЯ РОССИЯ-КАЗАХСТАН**..... 68

- Цумарева Е.П.* (Республика Беларусь, Белорусско-Российский университет». Могилев).
ЛИЧНОСТЬ РАБОТНИКА КАНЦЕЛЯРИИ ВИЛЕНСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА (1844 г.) 77
Пономарев И.И., Ходаковский Е.В. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет).
ДЕРЕВЯННОЕ ХРАМОЗДАТЕЛЬСТВО ВО ПСКОВСКИХ ЗЕМЛЯХ В XVII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ 87
Богданова Т.В. (Россия, Российский государственный исторический архив).
БЫТ ФИНСКИХ КРЕСТЬЯН ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)..... 98

РАЗДЕЛ II

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

- Алферова И.В.* (Россия, Брянский государственный университет).
ПЕЧАТЬ И ВОЕННАЯ ЦЕНзуРА В ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 111
Блохин В.Ф. (Россия, Брянский государственный университет).
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ ЦЕНзуРЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 120
Свиридова А.С. (Россия, Брянский государственный университет).
ВЛИЯНИЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ ЦЕНзуРЫ НА ПЕРИОДИЧЕСКУЮ ПЕЧАТЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 131

Устинова Ю.Н. (Россия, Брянский государственный университет),

Василенко В.В. (Республика Беларусь, Могилевский государственный университет).

«ХЛЕБНАЯ АНАРХИЯ» В ОРЛОВСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В 1915–1917 ГОДАХ..... 141

РАЗДЕЛ III

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Кунаев А.Г. (Россия, ассоциация выпускников СПбГУ).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ ЦИФРОВОЙ БИБЛИОТЕКИ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ 153

Шадоба К.С. (Россия, Брянский государственный университет).

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА БРЯНЩИНЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В РАМКАХ ТРАНСГРАНИЧЬЯ 171

РАЗДЕЛ I СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧЬЯ

УДК 930+352.2

Рассказчиков П.О., библиограф 1-й категории, Российская национальная библиотека (Россия).

Петров Е.В., доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

ТРАНСГРАНИЧНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ТРАДИЦИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЭМИГРАНТСКИХ ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается историографическая традиция разрыва и преемственности идей русского зарубежья в современной российской исторической науке. Авторы обосновывают с точки зрения истории исторической мысли сложности и противоречия восприятия эмигрантских идей в современной исторической литературе. Сопоставляя разные подходы и школы свойственные исторической науке переходного времени, авторы приходят к выводу об однотипности процессов, характеризующих историческое сознание «русского зарубежья» и «перестроечную» мысль постсоветского времени. Данный

феномен, рассматривается в статье как сущностная основа «трансграничной культуры», характеризующаяся высокой степенью социальной мобильности. В данном качестве эмигрантское наследие является неотъемлемой частью новейшей истории России.

Ключевые слова: историческая наука русского зарубежья, история историографии, рецепция эмигрантских идей, зарубежные соотечественники, эмигрантоведение.

«Идеи не придумываются, идеи вспоминаются».

Теоретические аспекты процесса преемственности или «филиации исторических идей» впервые в отечественной историографии обосновал советский историк Николай Леонидович Рубинштейн в учебном пособии «Русская историография» [2]. Рассматривая историографические традиции свойственные разным историческим школам, он проводил типологию и классификацию исторической мысли на основе характеристики процесса филиации (иначе преемственности) исторических идей и взглядов. В сегодняшних обстоятельствах нам представляется небезынтересным рассмотреть сложившуюся ситуацию, когда современная российская историческая наука во многом повторяет повестку развития эмигрантской исторической мысли, реализованную историками русского зарубежья в межвоенный период.

Память русского зарубежья сохранила в изгнании собственное видение трактовок и понимания дореволюционного российского и советского опыта. Труды русских историков-эмигрантов уже давно обрели статус классических работ на Западе. Сегодня многие из них

востребованы и с успехом переиздаются на исторической родине в России [4].

Обращение современников к эмигрантской историографии объясняется разными обстоятельствами, в том числе дефицитом национальной идеи в общественном сознании после распада СССР. Историческая наука в России после 1991 года в своём развитии вынуждена была обращаться к тематике исследований, которые были подняты ранее в русском зарубежье [6]. Нам представлялось важным охарактеризовать этот процесс с точки зрения истории историографии. Так называемая «перестройка» начиналась с изменений в массовом сознании советского общества. В противовес официозу в кругах советской интеллигенции весьма популярным становились темы, обсуждаемые в исторической беллетристике. Особой популярностью в массах пользовались пьесы М Шатрова и роман А. Рыбакова. В русском зарубежье, труды профессиональных историков не находили массового читателя [3]. Эмигрантское сообщество в большей мере было ориентировано на чтение исторических романов, изначально популярностью пользовались книги М. Алданова, позже труды А. Солженицына.

Изучение процесса филиации эмигрантских идей показывает, что исторические диагнозы науки русского зарубежья продолжают работать в нашей сегодняшней реальности. Отечественная историческая наука последних десятилетий вынуждена вернуться к проблематике эмигрантских исследований. В проблемное поле современных дискуссий вернулись идеи «православного возрождения» и требования «покаяния», идеи «единства и неделимости русской культуры», обращение к «истории малых наций, субэтнос и проблем российского федерализма» и др.

Советская историческая наука не разделяла тематику проблемного поля эмигрантских идей. Она кардинально расходилась в оценках и понимании российского прошлого с исторической мыслью русского зарубежья [1]. После распада СССР в интеллектуальное пространство общественных дискуссий вернулись прошлые вопросы о «евразийстве» и «модернизации», изучении «качества как субэтноса» и т.д. Как и тогда, современное российское общество ориентировано сегодня на поиск эталона исторической личности, объединяющей и сплачивающей нацию.

Процесс филиации идей русского зарубежья в современной исторической литературе просматривается по тематике и направленности новейших исторических изданий. Анализ содержательной стороны рецепции прошлых идей русского зарубежья в современной исторической литературе с точки зрения истории историографии позволяет говорить о том, что «идеи не придумываются, а вспоминаются». Историческая память русского зарубежья сохранила для потомков уникальное наследие – это труды и дела учёных-эмигрантов. Они стали сегодня как никогда востребованы в отечественной исторической мысли, к ним всё чаще обращается современное поколение российских историков [5].

Интерес к истории российской диаспоры, в том числе научной, не случаен. В условиях глобальной мировой экономики экспертное сообщество всё чаще рассматривает диаспору в качестве стратегического ресурса [7]. На протяжении последних десятилетий в Российской Федерации регулярно проводятся конгрессы зарубежных соотечественников. Всё чаще в исторических исследованиях начинают поднимать вопросы о деятельности и съездах русской академической группы в изгнании. Налаживание взаимоотношений

с «компатриотами» одно из приоритетных направлений в федеральных программах Россотрудничества. Многие из того, что делалось по реабилитации имен русских учёных-эмигрантов в прежние годы лишь отчасти затронуло профессиональные судьбы представителей петербургской исторической школы [5]. Вопрос о лидерстве научных школ в изгнании ещё предстоит серьёзно исследовать современной историографии истории русского зарубежья. В этом плане вполне уместно говорить о традициях разрыва и преемственности в истории петербургской исторической школы.

В Петербургском Университете справочники о профессорско-преподавательском составе регулярно издавались в дореволюционное время, являясь нормой и доброй академической традицией. Она продолжается и в сегодняшние дни. Усилиями универсантов ведётся работа по изучению академического наследия его выпускников и сотрудников. Результатом этой работы стал выпуск серии книг «Знаменитые универсанты». Тем не менее, судьбы многих студентов, выпускников и сотрудников университета, сумевших отстоять свое имя в эмиграции, не нашли своего отражения в данных изданиях. В сегодняшних условиях представляется важным расширить круг изучения персоналий зарубежных соотечественников за счёт просопографических исследований, посвящённых судьбам учёных русского зарубежья.

Существует достаточно много справочных изданий по истории российской эмиграции, в которых приведены данные о деятелях науки, образования и культуры русского зарубежья. Таковые указатели и справочники имеются о литераторах, правоведах, востоковедах, художниках и других, есть о научных сообществах и диаспоре в разных странах, но крайне мало справочных ука-

зателей, специализирующихся на биографиях историков русского зарубежья [8].

Представители исторической мысли русского вписали «славные странички в историю многих зарубежных университетов». Современное науковедение признает данный факт и переосмысливает феномен науки и культуры русского зарубежья [10]. «Русская академическая группа» (РАГ) в изгнании являлась не только открытой и свободной лабораторией общественной мысли, она отстаивала на международных конгрессах исторических наук право говорить от имени российской науки [11]. Академик М.И. Ростовцев считал труды историков русского зарубежья «неотъемлемой частью русской исторической науки. Он последовательно отстаивал право историков-эмигрантов представлять ее интересы на международных форумах и в организациях европейского и мирового уровня».

Многие из зарубежных соотечественников оказались сопричастными по роду своей профессиональной деятельности к развитию на Западе университетских центров русистики, специализирующихся на изучении русской культуры, истории, языка и литературы. Представляется небезынтересным обратить внимание на биографии тех, кто в русском зарубежье трактовал российский и советский исторический опыт, чьи труды можно соотнести с «исторической мыслью российской научной диаспоры». Подобного рода исследования дают возможность перейти от общих вопросов изучения истории исторической науки русского зарубежья к просопографическим исследованиям, позволяющим провести типологию судеб учёных-эмигрантов.

Качественные и количественные оценки самого явления, как нельзя лучше характеризуют состав академического

сообщества русского зарубежья и тем более говорить о вкладе компатриотов в становление и развитие зарубежной русистики. Русские учёные-эмигранты успешно адаптировались в европейских и американских университетах и подтвердили своей профессиональной деятельностью высокую репутацию отечественной системы дореволюционного образования. Память русского зарубежья до сих пор остаётся значимой темой в современной отечественной историографии. Сегодня много внимания уделяется вопросам выявления, описания и систематизации данных о материалах эмигрантской архивной россики. «Русскими коллекциями» эмигрантского происхождения располагают почти все ведущие университеты Европы и Америки, рукописные отделы крупнейших библиотек, федеральные и муниципальные учреждения, благотворительные фонды и общественные организации. Многие документы стали доступны исследователям после того, как эмигранты отошли от активной общественной работы и передали личные коллекции на рубеже 1950-60-х гг. университетским архивам. У каждого собрания была своя история и судьба.

Историкам и архивистам ещё предстоит уточнить статус хранения большинства из них. Проблема возвращения эмигрантских коллекций на историческую родину требует решения в масштабах государственной политики. В качестве успешного решения можно привести пример возвращения библиотеки Ильина, Зёрнова, Зандера, Голицына, сложнее этот вопрос решается в случае с архивным собранием Музея русской культуры в Сан-Франциско (США).

В 1970-80-е гг. зарубежными специалистами проводилась активная работа по описанию русского архивного наследия. Исследователи до сих пор пользуются разрозненными, а в большинстве случаев единичными

данными различного уровня справочников (Р. Левански, С. Гранта, Д. Брауна, Р. Карловича, К. Лиденхэма) Подготовка указателей велась и силами самой русской диаспоры. В Америке популярными являлись издания Крымского, Вильчура, Бернадского, Окунцова, Александра в Европе Флоровского, Ковалевского, Постникова, Зёрнова и др.

До сих пор в научный оборот вовлекались материалы, касающиеся деятельности видных представителей Петербургской исторической школы, оказавшихся в эмиграции: М.И. Ростовцева, А.А. Васильева, Г.В. Вернадского, Е.Ф. Шмурло и др. В меньшей мере исследовательским поиском затронуты массовые судьбы тех, кто пытался согреть очаг русской культуры и науки за рубежом. Их имена и судьбы описаны в различных публикациях, что позволяет уточнить не только академические биографии большинства из них, но и обновить справочные данные о фондодержателях эмигрантских материалов. Остаются малоизученными персоналии таких универсантов, как И.И. Гапанович, С. Елисейев, С.А. Корф, Г.В. Ланцев, Н.Н. Мартинович, Л.И. Страховский, А.М. Ону и др.

Вопросы уточнения научно-справочного аппарата при изучении эмигрантской историографии предпринимались в новейшей отечественной литературе в работах Г.Я. Тарле, М.Г. Вандалковской, Ю.А. Полякова, Г.М. Бонгард-Левина, Е.И. Пивовара, А.В. Квакина, И.В. Тункиной, Ю.Н. Емельянова, Н.Н. Болховитинова, А.Ю. Дворниченко, П.Н. Базанова и др.

Академическая деятельность учёных-эспатриантов в историко-научных учреждениях диаспоры свидетельствовала о складывании в Великобритании, Германии, Франции, Чехословакии, Америке и Китае самостоятельных центров исторической науки русского зарубежья. Знакомство с мно-

гочисленными данными личных фондов позволяют сделать вывод о том, что процесс формирования профессионального сообщества русских историков-эмигрантов имел свои замкнутые циклы и фазы развития. Он основывался на адресной поддержке гуманитарных фондов и благотворительных организаций, при помощи которых открывались историко-научные общества и учреждения русской диаспоры, русские народные университеты, архивы и периодические издания. После революции большинство историков-эмигрантов консолидировалось вокруг русской академической группы, которая повсеместно вела культурно-просветительскую работу в диаспоре и активно содействовала открытию русских народных университетов.

Русские историки-эмигранты оказали значительное влияние на развитие профессиональной периодики, посвящённой изучению славистики, россики, русистики. Самые большие коллекции материалов по русской истории были собраны крупнейшими западными библиотеками и архивами при непосредственном участии и при поддержке академических сил диаспоры. Многие русские архивисты и библиографы в изгнании содействовали собиранию крупнейших коллекций и материалов зарубежной архивной россики. Благодаря экспатриантам развивались не только перспективные отрасли гуманитарных знаний, но складывалась дидактика и методика преподавания новых дисциплин. Многие из них занимали ведущие позиции в зарубежных университетах и профессиональных ассоциациях, определяя развитие научных школ и направлений.

На протяжении XX века собиранием и описанием русских коллекций в Америке и Европе занимались: Ф. Голдер, Б. Николаевский, А. Бургина, Л. Магеровский, О. Верховская-Данлоп, Л. Фляйшман, М. Раев, Э. Скаруфи, П. Грим-

стед, Т. Чеботарёва, А. Шмелёв, Е.А. Александров. Однако, степень обследованности эмигрантских архивов на сегодняшний день такова, что нельзя с полной уверенностью утверждать о её исчерпанности. Достаточно высокий процент эмигрантских материалов свидетельствующих о судьбах универсантов русского зарубежья, сконцентрирован в собственности наследников и потомков тех или иных эмигрантских семейств. Описание, учет и тем более возвращение данных коллекций вполне укладываются в нормы реституционного процесса [9].

Русскими коллекциями эмигрантского происхождения располагают многие зарубежные архивы. Наиболее важные из них сосредоточены в Гуверском и Бахметевском архивах. Для некоторых коллекций и групп документов русского происхождения в Гувере изданы подробные описания на уровне отдельных дел. Собрание Б.И. Николаевского, издано как оттиск из Библиотечной исследовательской информационной сети (RLIN) и доступно в виде микрофильмов. В Гуверском архиве хранятся депозиты журнала «Russian Review», личные фонды П.Н. Милюкова, В.А. Маклакова, Н.В. Вольского, Д.С. Мореншильда, Д. Буняна, С.Л. Войцеховского, Д. Чавчавадзе.

Эмигрантскими материалами, свидетельствующими о формировании в начале XX века в Нью-Йорке русской научной диаспоры, располагает Бахметевский архив. В разное время на ответственное хранение в архив Колумбийского университета были переданы личные коллекции В.Г. Симховича, С.А. Корфа, Д.Н. Федотова-Уайта, М.Т. Флоринского, И.Н. Шумилина, К.Ф. Штепы, А.Ц. Ермолинского, Н.П. Вакара. Среди документов: данные академических биографий, рукописные варианты лекционного материала, учебные и рабочие тетради, неопубликованные рукописи, мемуары, переписка. До-

статочно информативны материалы архива посла временного правительства в США Б.А. Бахметева. Они свидетельствуют о взаимоотношениях Б.А. Бахметева с лидерами исторической науки российской эмиграции.

Документы, сохранившиеся в фонде Г.В. Вернадского, имеют отношение к его профессиональной деятельности (рукописи трудов и лекций). Данная коллекция изучалась Г.М. Бонгардом-Левиным, И.В. Тункиной и В.Н. Козляковым А.Ю. Дворниченко Материалы фондов М.М. Карповича, М.А. Алданова, Б.И. Николаевского свидетельствуют о том, что в послевоенное время эмигранты активно поддерживали проект описания архивной россики, старинных восточнославянских рукописей и книг, находящихся в фондах зарубежных библиотек. О взаимоотношениях русских историков-эмигрантов с американскими коллегами можно судить по материалам, хранящимся в университетских библиотеках. В архиве университета Иллинойс (University archive, University Library, University Illinois at Urbana-Champaign) обращают на себя внимания документы одного из основоположников советологии Ф.А. Мозли. В библиотеке Чикагского университета (Chicago Historical Society Library, Department of special Collections, University of Chicago Library) среди материалов исторического общества находятся «бумаги» С. Харпера, хорошо знавшего русских профессоров в Чикаго и в Нью-Йорке. В Хоутонской библиотеке Гарварда помимо личных фондов М.М. Карповича, Н.П. Вакара и Г.В. Флоровского хранятся административные документы «Русского исследовательского центра».

Библиотека Висконсинского университета располагает эпистолярным собранием М.И. Ростовцева и А.А. Васильева. Крупные центры по изучению истории им-

миграции располагаются в университете Миннесоты (Immigration History Research Center, University of Minnesota), Мичиганском университете (Center for Russian and East European studies, Lane Hall, University of Michigan, Ann Arbor, Michigan, Directory of recent Soviet Émigrés) и Калифорнийском (Bancroft Library, University of California, Berkeley, Oral History Collection, California–Russian–Émigré series). В Йеле, в архивных бумагах «университетского назначения» имеются официальные документы о научно-педагогической деятельности М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, С.Г. Пушкирева, Н.И. Ульянова.

Самостоятельными центрами хранения специфических материалов, свидетельствующих об организации научной жизни и быта универсантов русского зарубежья, являются архивы и музеи диаспоры. К их числу можно отнести архивы эмигрантских общественных организаций и фондов; архивы русской православной церкви; архивы и коллекции частных лиц, всего более 120 крупных и мелких «коллекций» [1]. Значительное место в них занимают личные фонды, частные коллекции, мемуары и периодика. Особый интерес представляют документы, образовавшиеся в результате деятельности «Русско-американского исторического общества», «Историко-родословного общества», общества «Наука», «Просвещение», «Знамение», «Самообразование», «Общества русских горожан», «Русского клуба в Нью-Йорке», «Общества друзей русской культуры», музея общества «Родина», музея русской культуры в Сан-Франциско, Толстовского фонда и др. Во многих историко-научных учреждениях диаспоры действовали самостоятельные комитеты по изучению русского исторического наследия. Высокие технологии сделали доступными многие архивные описи в цифровом виде, что значительно упрощает работу с зарубежными источниками.

Вопрос о филиации эмигрантских идей в новейшей исторической литературе ещё только начинает предметно и детально обсуждаться. Археографическую основу для его изучения заложили в начале 1920-х гг. представители Русской академической группы в Европе. «Русским европейцам» по праву принадлежит заслуга в том, что они не замкнулись, не изолировались от иных эмигрантских центров, а в тяжелейших условиях занялись упорядочиванием и регистрацией «научных плодов деятельности» коллег по профессиональному цеху. Одним из первых, кто подал пример начинанию, был, по общему мнению, профессор А.А. Кизеветтер. Его труды в данном направлении в большей мере носили библиографическую направленность. Обозначенная, пусть даже в самом общем виде, традиция «историографической рефлексии», впоследствии была продолжена в 1930–1940 гг. стараниями А.В. Флоровского, И.И. Гапановича, Г.В. Вернадского, Т.С. Варшер. Работы вышеперечисленных авторов убеждают нас в том, что русское зарубежье в Европе воспринимало коллег по эмигрантскому историческому цеху на американском континенте, как старших и наиболее ярких представителей русской дореволюционной исторической науки. Её традиции были продолжены в послевоенной Америке Л.Ф. Магеровским, Г.В. Флоровским, С.Г. Пушкаревым, А. Долгошевым, Н.А. Троицким, М.И. Раевым, С.А. Зеньковским, Н.А. Жернаковой и др. Современные оценки творчества историков русско-американского мира во многом базируются на информационно-архивном поле «русских европейцев».

В отличие от Европы в Америке профессиональные судьбы русских историков-эмигрантов чаще всего изучались в контексте общей истории развития американ-

ской славистики. Американцы признают эклектичную природу своих славистических знаний, как и тот факт, что преподавание славистических дисциплин являлось «русской профессией» в Америке. В годы, так называемого «этнического ренессанса» было проведено несколько конференций по истории русской диаспоры, посвященных изучению влияния русских эмигрантов на западную культуру и науку. На них подчеркивалось, что роль русских историков изучена мало, хотя вклад ученых выходцев из России как абсолютно, так и пропорционально другим эмигрантам весьма значителен. Благодаря трудам А. Фергюсона, Ч. Гальперина, М. Раева, Э. Казинца, В. Залевски, Д. Рэйли, А. Дюби, А. Рибера, Э. Скаруфи, Р. Дэвис, Э. Биэли была предпринята попытка, вписать достижения исторической науки российской эмиграции в США в контекст американской «национальной памяти».

В советской историографии первые отзывы на труды историков «русского зарубежья» появились в 1930-е гг. Они были не столько историческими исследованиями, сколько публицистическими откликами «на злободневные вопросы идеологической борьбы». В межвоенный период эмигрантская проблематика была вычеркнута из сферы интересов советской исторической науки как не имеющая реального содержания. Позже, многие отечественные специалисты в своих трудах давали отчетливо понять, что эмиграцию, как явление, можно не замечать или даже игнорировать, но она периодически напоминает о себе. М.В. Нечкина на XII Конгрессе исторических наук по адресу русских историков-эмигрантов заметила, что «в идеологических битвах историков, могут быть убитые, но они часто воскресают». В целом же, в литературе преобладала точка зрения на то, что исто-

рическая память эмиграции не представляла никакой серьезной альтернативы советским общественным наукам. Будущим исследователям вопроса предстояло либо опровергнуть, либо исчерпывающе документализировать подобную точку зрения, но уже в 1950–60-е гг. стало ясно, что творчество историков-универсантов невозможно вычеркнуть из истории отечественной исторической науки.

В 1960-е гг. заметно активизировались контакты советских ученых с зарубежными славистами, этнографами, лингвистами, фольклористами. Работы В.Т. Пашуто, В.В. Комина, Г.Ф. Барихновского, Л.К. Шкаренкова характеризуют стремление советской литературы пересмотреть однозначные и категоричные оценки неприятия эмигрантской проблематики. Если в предыдущие десятилетия история эмигрантской исторической науки рассматривалась советской историографией крайне мало, то для рубежа 1980–90-х гг. можно говорить об определенных подвижках в изучении темы, в равной мере, как и складывании интереса к ней в обществе. Творческое наследие историков-эмигрантов оказалось современным и соответствующим духу времени. В исторической литературе всё чаще стали обращаться к тематике, которой занимались компатриоты. Таким идеям как, «возрождение православной традиции» (Г.В. Флоровский и Г.П. Федотов); «единство и неделимость русской культуры» (П. и Г. Струве); «история малых наций и проблема российского федерализма» (С.А. Корф); «Происхождение украинского сепаратизма» (Н.И. Ульянов); «пушкиниана» (Б. Бразоль) и «казакиада» (С.Г. Пушкарев) как эталоны национальной гордости; «проблемы экономической модернизации» (М.Т. Флорин-

ский); «евразийская» интерпретация отечественной истории (Г.В. Вернадский) и т.д.

Последние работы, посвящённые достижениям исторической науки российской эмиграции, традиционно построены на анализе европейских материалов. Книги М.Г. Вандалковской, Ю.Н. Емельянова, С.А. Александрова познакомили читателя с её лидерами в Париже, Праге, Белграде. Об устойчивости феномена российской научной диаспоры в США свидетельствуют материалы работ (Г.М. Бонгард-Левин, В.Н. Козляков, А.Ю. Дворниченко, П.Н. Базанов, Е.В. Петров).

Изучение академической деятельности русских историков-эмигрантов постепенно становится проблемным полем новейшей историографии. Уточняется роль отдельных личностей в развитии европейского, американского и азиатского центра исторической науки российской эмиграции. Складывается своя библиография по изучению творческого наследия М.И. Ростовцева, А.А. Васильева, Г.В. Вернадского, М.М. Карповича, Н.И. Ульянова и др. В меньшей мере исследовательским интересом и поиском затронуты профессиональные судьбы таких специалистов как А.Н. Авинов, В.И. Алексеев, А.В. Бабин, Д. Бунян, А.Д. Билимович, Г.О. Биншток, Э.И. Бикерман, П.А. Будберг, Д.Н. Вергун, М.З. Винокуров, С.Г. Войцеховский, Н.П. Вакар, А.А. Даллин, А.А. Гольденвейзер, И.М. Гольдштейн, Д.А. Джапаридзе, Л.Л. Домгерр, С.А. Зеньковский, С.Г. Елисеев, А.А. Кайранский, А.Д. Калмыков, Г.В. Ланцев, Г. Ланц, А.А. Лобанов-Ростовский, А.Г. Мазур, Л.Ф. Магеровский, А.А. Малозёмов, Н.Н. Мартинович, О.А. Маслеников, Д.С. фон Мореншильд, В.В. Мияковский, Н.В. Первушин, В.П. Петров, Р.Н. Родионов, Н.В. Рязановский, Л.И. Страховский, М.Т. Флоринский, А.Л. Фовицкий, К.Ф. Штеппа, Д.Н.

Федотова-Уайт, Ю.Л. Фишер, И.Н. Шумилин, А.П. Щербатов, С.О. Якобсон и др.

Перечень попавших в фокус исторического внимания персоналий не является исчерпывающим. Мы надеемся, что будущему поколению исследователей представится возможность расширить круг биографических данных по материалам и документам, хранящимся в европейских, азиатских и американских архивах. Первые начинания в этом направлении можно отнести на счёт В.Т. Пашуто, Н. Эйдельмана, Г.М. Бонгарда-Левина, В.Н. Козлякова, М.Г. Вандалковской, Ю.Н. Емельянова и др.

Имеющиеся в распоряжение специалистов документы позволяют не только ввести в научный оборот новые архивные данные из истории становления профессионального сообщества русских историков-эмигрантов, но и переосмыслить в целом место и роль в нём «универсантов русского зарубежья», существенно дополнив историографию вопроса. В числе приоритетных тем для дискуссий остаётся проблематика, затрагивающая вопросы участие русских эмигрантов в работе академических центров и славистических учреждений. До сих пор мало говорят о рецепции эмигрантских идей в зарубежной русистике, на уровне дидактических приёмов и основ, кадрового обеспечения образовательных славистических программ. Все эти вопросы позволяют понять преемственность и разрывы в развитии традиций исторической науки российской эмиграции, переосмыслить роль и степень влияния российской научной диаспоры на развитие основных концепций зарубежной лингвистрановедческой мысли, изменения контекста восприятия России в общественном мнении западных стран. Более детально обсуждать проблему реституции эмигрантских коллекций и перемещённых архивных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Е.А. Русское культурно-историческое наследие в США. (Музеи, коллекции и парки-заповедники) // Русский американец. Обзорный выпуск. 1995. № 20. С. 125-145.
2. Историческая наука российской эмиграции 20-30-х гг. XX века (Хроника) / сост. С.А. Александров. М., 1998.
3. Квакин А.В. Мухачёв Ю.В. Русская академическая группа // Русское зарубежье: история и современность. Сборник статей. РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции; Ред.-сост. вып. Мухачёв Ю.В., Петрова Т.Г. М., 2015. С. 29-33.
4. Квакин А.В., Ульянкина Т.И. История, растянувшаяся на десятилетие: Русская академическая группа в США (Русский академический союз) (1921 - 1931) (по материалам Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США) // Записки Русской Академической Группы в США. N.-Y., 2008. Т. 34. С. 237-276.
5. Луппол И.К. Об отношении советских ученых к учёным эмиграции // Научный работник. 1928. №12. С. 19-22.
6. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
7. Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2000.
8. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.
9. Русское Зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
10. Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918-1939). М., 2000.

11. Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // Труды V съезда РАОЗГ в Софии 14–21 сентября 1932. Ч. 1. С. 467–484.

12. Ульянкина Т.И. "Дикая историческая полоса...": судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010.

Eugene V. Petrov

Professor, Dr. of History, St. Petersburg State University,
Institute of History
e.petrov@spbu.ru

Pavel O. Rasskazchikov

Bibliographer of the 1st category, National Library of
Russia
rasskazchikov1997@mail.ru

The Trans-border of the Russian Abroad and the tradition of the succession of emigrant ideas in the modern historiography

The article examines the historiographical tradition of the rupture and continuity of the Russian Diaspora ideas in modern historical science. The authors consider the complex and contradictory process of émigré ideas perception in modern historical literature from the point of view of historiography. Comparing different approaches and schools peculiar to the historical science of the transitional period, the authors come to the conclusion about the uniformity of the processes characterizing the historical consciousness of the "Russian abroad" and the "perestroika" thought of the post-Soviet period. This phenomenon is considered in the article as the essential basis of the "cross-border culture", characterized by a high degree of

social mobility. In this capacity, the emigrant heritage is an integral part of the contemporary Russian history.

Keywords: Russian abroad historiography, Russian compatriots, Perceptions of emigrant ideas, Diaspora and Migration studies.

REFERENCES

1. Aleksandrov E.A. Russian cultural and historical heritage in the USA. (Museums, collections and park-reserves) // Russian American. Review issue. 1995. № 20. C. 125-145.
2. Historical science of the Russian emigration 20-30's. XX century (Chronicle) / comp. S.A. Alexandrov. M., 1998.
3. Kvakin A.V. Mukhachev Yu.V. Russian academic group // Russian abroad: history and modernity. Digest of articles. RAS. INION. Center for Complex Research. russ. emigration; Ed.-comp. no. Mukhachev Yu.V., Petrova T.G. Moscow, 2015. Pp. 29-33.
4. Kvakin A.V., Ulyankina T.I. History stretching over a decade: Russian academic group in the USA (Russian Academic Union) (1921-1931) (based on the materials of the Archives of the Hoover Institute for War, Revolution and Peace, Stanford University, USA) // Notes of the Russian Academic Group in the USA. - T. 34. N.-Y, 2008. Pp. 237-276.
5. Luppol I.K. On the attitude of Soviet scientists to the scientists of the emigration // Scientific worker. 1928. No. 12. Pp.19-22.
6. Pashuto V.T. Russian historians-emigrants in Europe. M., 1992.
7. Poloskova T.V. Diasporas in the system of international relations: dis. ... d-r watered. Sciences. M., 2000.
8. Rubinstein N.L. Russian historiography. M., 1941.

9. Russian Diaspora: The Golden Book of Emigration: An Encyclopedic Biographical Dictionary. M., 1997.

10. Starodubtsev G.S. International legal science of Russian emigration (1918-1939). M., 2000.

11. Florovsky A.V. Russian historical science in emigration (1920-1930) // Proceedings of the V Congress of the RAOZG in Sofia 14-21 September 1932. Part 1. Pp.467-484.

12. Ulyankina T.I. "Wild historical streak ...": the fate of the Russian scientific emigration in Europe (1940-1950). M., 2010.

УДК 942.080.1

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия).

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ
БРИТАНСКОЙ ИНДИИ НАЧАЛА XX В.
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕНДЖАБА)**

Одним из важных итогов Первой мировой войны стал сложный процесс деволуции Британской империи, представлявшей к тому моменту крупнейшую в истории колониальную систему. Трансформация традиционного колониализма явилась результатом воздействия целого ряда факторов. В их числе следует особо выделить начавшееся в данный период формирование в ряде британских владений массовых национально-освободительных движений, идеологическая основа которых сочетала, в той или иной степени, элементы традиционализма и ориентированных на западную модель развития модернизационных доктрин. Одним из наиболее характерных примеров такого рода явилась эволюция антиколониального движения в Индии, оказавшая глубокое воздействие на трансформацию всей имперской системы Великобритании в межвоенный период. Важным центром антиколониальной борьбы в этот период становится Пенджаб, представлявший собой своеобразный регион Британской Индии в котором соприкасались индуистская, мусульманская и сикхская социокультурные традиции. Специфическое,

пограничное, с конфессиональной точки зрения, положение Пенджаба накладывало свой отпечаток на характер общественно-политических процессов в регионе.

Ключевые слова: Британская Индия, административно-политические преобразования, этнополитические процессы, трансграничное взаимодействие, Пенджаб.

Раздел Британской Индии на два доминиона и образование на полуострове Индостан двух новых независимых государств явились следствием длительных и сложных этнополитических процессов, связанных как с политикой колониальных властей, так и со специфическими особенностями развития индийского национально-освободительного движения.

С 1861 г. в соответствии с законом, принятым британским парламентом, при губернаторах индийских провинций действовали советы, обладавшие законосовещательными функциями. Состав данных советов являлся частично выборным, при этом основную часть представителей назначали колониальные власти. Важным фактором, влиявшим на политическую ситуацию, продолжали оставаться сложные взаимоотношения между двумя основными конфессиями индийского населения – индуистами и мусульманами.

Новый импульс либеральным преобразованиям был дан на рубеже 1900–1910-х гг., что в немалой степени было связано с успехами политики «нового либерализма» в самой метрополии. Осуществлённая в данный период вице-королём лордом Минто и госсекретарём по делам Индии Дж. Морли административная реформа привела к созданию во всех крупных индийских провинциях совещательных Советов, и введению, впервые в индийской истории, ограниченной курриальной системы голосования [9, р. 119-

122; 10, p. 413]. Тем не менее, политический эффект данной реформы оказался весьма незначительными, поскольку она не смогла объединить вокруг британской администрации индийскую знать и интеллектуальную элиту. В высших слоях индийского общества всё активнее звучали призывы ввести в Индии систему представительной власти и ответственного правительства.

К моменту окончания Первой мировой войны в ключевой британской колонии сложились важные предпосылки, предопределявшие необходимость преобразований. В военный период произошло заметное укрепление экономических позиций Индии, существенно выросли показатели промышленного и сельскохозяйственного производства, появились новые и окрепли ранее существовавшие отрасли индустрии. Наметилась тенденция к диверсификации внешнеэкономических связей, ослаблению зависимости индийской экономики от британского импорта, укреплению самостоятельности индийской буржуазии. С другой стороны, произошли существенные изменения в умонастроениях значительной части индийского населения, в первую очередь, его интеллектуальной элиты. Они были связаны с появившимся убеждением в том, что мировая война и та роль, которую сыграла в ней Индия, неминуемо должны привести к изменению её статуса и положения внутри империи. Показательно, что подавляющее большинство индийцев абсолютно искренне поддержали метрополию в начавшемся военном конфликте и оказали содействие военным усилиям англо-индийского правительства.

Отправной датой начала новой политико-административной реформы считается 20 августа 1917 г., когда госсекретарь по делам Индии Э. Монтэгю в ответ на вопрос одного из членов Палаты Общин сделал важное заяв-

ление, касающееся базовых принципов политики кабинета в крупнейшей британской колонии. Характеризуя содержание будущих преобразований, он подчеркнул: «Политика Правительства Его Величества, в соответствии с которой осуществляется политика Правительства Индии, направлена на увеличение представительства индийцев во всех ветвях администрации и постепенное развитие институтов самоуправления с целью продвижения по направлению к ответственному правительству Индии как составной части Британской Империи» [5, col. 114]. При этом особо оговаривалось, что «...существенные шаги в данном направлении должны быть предприняты как можно скорее...» [5, col. 115]. Основным смыслом предстоящей реформы сводился к расширению представительства индийцев в органах местного самоуправления, а также «продвижению Индии к более самостоятельному статусу в рамках Британской империи».

В целях совершенствования системы управления в рамках плана реформ предполагалось создать во всех регионах Британской Индии кроме Северо-Западной провинции и Бирмы провинциальные законодательные советы. Сфера контроля британского правительства и парламента Великобритании над индийской административной системой должна была быть заметно сокращена.

На фоне активных политических дискуссий, сопровождавших подготовку проекта будущей реформы, ситуация в индийских владениях стремительно осложнялась. Усилившаяся социально-экономическая напряжённость стала катализатором политического кризиса, охватившего Британскую Индию в первые послевоенные годы, масштаб которого современники сравнивали лишь с Великим восстанием 1857-1859 гг. Одним из главных раздражителей, вызывавших недовольство индийцев, стало сохранение введённого в военный период репрес-

сивного законодательства. Тем не менее, несмотря на карательные меры, в 1919 г. протестные выступления охватили ряд индийских регионов. Наиболее напряжённая ситуация при этом сложилась в Пенджабе.

В рамках созданной в 1920 г. избирательной системы сохранялись многие принципы прежней куриальной системы, введённой в период реформы Морли-Минто. Так, в Пенджабе из шестидесяти четырёх округов по выборам в местное законодательное собрание, двенадцать приходилось на долю сикхских городских и сельских избирательных округов. В Бенгалии, а также некоторых других провинциях были созданы отдельные избирательные округа для представителей европейской общины. В Бенгалии и Мадрасе, кроме того, вводились специальные округа для индийцев-христиан, за которыми резервировалось два места в провинциальных парламентах. В то же время, при всём многообразии существовавшей куриальной системы, определяющим в данный период окончательно становится разделение избирательных округов в Британской Индии на индуистские и мусульманские. Оно проистекало из соглашения, достигнутого лидерами Индийского Национального Конгресса (ИНК) и Мусульманской Лиги в Лакноу в декабре 1916 г., в рамках которого предусматривалось определённое процентное соотношение представителей индуистской и мусульманской общины в реформируемых органах представительной власти. Всего в рамках новой системы выборов вводилось шесть типов избирательных округов, два из которых – мусульманский и немусульманский были распространены фактически на всей территории Индии [4, p.16].

Первые выборы в представительные органы власти на основании Акт о реформах правительства Индии бы-

ли проведены в октябре-ноябре 1920 г. Они проходили в весьма непростой обстановке, связанной с бойкотом, объявленным Индийским Национальным Конгрессом и некоторыми другими политическими организациями радикального толка. К бойкоту выборов присоединился и ряд мусульманских политических организаций, протестовавших против навязанных Османской империи условий Севрского мирного договора. В результате наиболее низкой явка зарегистрированных избирателей оказалась в Пенджабе и Бомбейском президентстве. В городах количество принявших участие в голосовании оказалось меньшим, чем в сельской местности. Одной из форм обструкции выборов явилось выдвижение заведомо «непроходных» кандидатур, в том числе, представителей «неприкасаемых» [11, р. 57].

Сформированные в результате выборов провинциальные правительства были представлены в основном индийскими политиками умеренного толка. Лишь в Пенджабе один из избранных министров оказался участником беспорядков 1919 г. попавшим под действие, объявленной после принятия Акта о реформах правительства Индии амнистии [1, с. 26].

Одним из ключевых факторов, оказывавших воздействие на результативность проводимых преобразований, являлся начавшийся после завершения Первой мировой войны подъем антиколониальной борьбы. Межвоенные десятилетия ознаменовались оформлением феномена так называемого «гражданского национализма» в Британской Индии, предполагавшего борьбу за утверждение национального суверенитета страны.

Исторической особенностью, определявшей специфику формирования индийского национально-освободительного движения, являлась сложная полиэт-

ничная структура индийского общества, дополнявшаяся сложным взаимодействием различных конфессиональных групп. Несмотря на первоначально лидирующую роль Индийского национального конгресса в организации антиколониальной борьбы, ему не удалось полностью консолидировать вокруг себя весь широкий спектр индийских социальных сил. Уже в начале XX в. начинается процесс формирования политических организаций, строившихся по этноконфессиональному критерию. Попытки Индийского национального конгресса, занявшего лидирующие позиции среди индийских политических сил, сохранить монопольное положение в формировавшемся национально-освободительном движении не увенчались успехом. В межвоенный период основным конкурентом ИНК становится партия Мусульманская Лига, заметно укрепившая свои позиции благодаря деятельности своего лидера Мухаммеда Али Джинны. На начальном этапе своего развития Мусульманская Лига с точки зрения своих основных программных установок была очень близка ИНК.

Одним из главных центров начавшегося после завершения Первой мировой войны нового этапа антиколониального движения в Индии явилась провинция Пенджаб. Несмотря на надежды британской администрации опереться на занимавшую ключевое положение в социально-политической жизни провинции общину сикхов, весной 1919 г. Пенджаб оказался охваченным волной антибританских протестов, наиболее известным эпизодом которых оказались трагические события в Амритсаре. Институционализация сикхского политического движения на фоне подъема общеиндийского антиколониального движения привела к появлению в декабре 1920 г. первой сикхской политической партии, получившей наименование Широма-

ни Акали Дал. Возникнув в результате развития на территории Пенджаба т.н. «движения Акали», партия Акали Дал с самого начала своего существования являлась конфессиональной по своей идеологической сущности, основываясь на идее о неразрывности политических задач и религиозных ценностей сикхизма.

Массовое протестное движение сикхов на рубеже 1910-х - 1920-х гг. заставило колониальные власти пойти на определенные уступки. Осенью 1922 г. все участвовавшие в компании ненасильственного сопротивления члены партии были амнистированы. В сентябре 1922 г. в Амритсаре состоялось массовое собрание членов партии Широ-мани Акали Дали с участием ее лидеров С. Шраддхананда, Х. А. Хана и ряда др. По его итогам колониальным властям был выдвинут ряд требований, включая требование о совместном расследовании злоупотреблений полиции в период первого хартала. В июле 1925 г. в Пенджабе был принят специальный закон, на основании которого контроль над всеми религиозными святынями сикхов - гурдварами передавался специально созданному избираемому органу, представлявшему сикхскую общину.

«Движение Акали» внесло существенный вклад в становление политического движения на территории провинции Пенджаб, способствовал вовлечению в политические процессы широких народных масс. Как отмечал индийский историк М. Сингх: «Благодаря движению Акали, пробританское руководство сикхов было заменено образованными националистами из среднего класса, а сельский и городской классы объединились на основании общих политических целей». Данное движение на этом этапе вышло за узко конфессиональные рамки приобретая надобщинный характер. По мнению М. Сингха: «Именно эта идея освобождения страны от

иностранным правлением объединила все слои населения Пенджаба и объединила индусов, мусульман и сикхов, живущих в провинции вокруг одной базовой цели» [3, р. 329-330].

Вскоре после завершения первого хартала начался процесс размежевания «движения Акали» на три относительно самостоятельных течения, окончательно завершившийся в середине 1920-х гг. после реформы «гудвара». Первое из выделившихся в сикхском политическом движении течений объединило умеренные силы, ориентированные на сотрудничество с колониальной администрацией и поддерживавшее на общеиндийском уровне Юнионистскую партию. Умеренное крыло «движения Акали» стремилось использовать в своих политических целях традиционную систему религиозных ценностей сикхской общины. Второе направление было в большей степени ориентировано на зарождавшийся сикхский национализм и предусматривало союз с гандистским движением и сотрудничество с ИНК и левыми партиями. Наконец, третья часть «движения Акали» послужила основой для формирования специфичной для Пенджаба версии коммуналистского движения, основанной на единстве религиозных ценностей сикхизма и политических целей сикхской общины, а также предусматривавшей административно-политическое обособление сикхов от индустов и мусульман. Вплоть до раздела Британской Индии на два доминиона в 1947 г. Акали Дал в своей политической деятельности пытался лавировать между ИНК и лоялистски настроенными партиями.

В феврале-марте 1921 г. состоялась первая сессия Индийского Законодательного Собрания. Первым предметом её обсуждения явился закон о военном управлении, введённый в Пенджабе в 1919 г. По итогам обсуждения была принята резолюция, в которой выра-

жалось сожаление в связи с тем, что данный закон нарушает принцип расового равенства и соблюдения интересов индийского населения. Кроме того, члены Законодательного Собрания предлагали вице-королю проявить большую жёсткость в отношении виновных военнослужащих и удовлетворить требования пострадавших в результате событий в Джаллинвала Баг относительно выплаты денежных компенсаций. Обеими палатами Законодательного Собрания была создана специальная комиссия, которая должна была выработать рекомендации относительно смягчения действовавшего в Индии репрессивного законодательства [5, p. 405].

Процесс «индианизации» административной системы породил определённые коллизии, связанные, в том числе, и с профессиональным статусом и материальным обеспечением британских чиновников, получившие довольно широкий общественный и политический резонанс [7, col. 2292]. Немалая часть британских политиков полагала, что политика «индианизации» приводит лишь к дестабилизации административной системы, и напрямую увязывала с ней общее осложнение обстановки в Индии. В материалах, обнародованных в ноябре 1922 г. членом парламентского комитета лордом Сайденхемом отмечалось, что на фоне увеличения количества беспорядков, достигшего за год в различных индийских провинциях от 10 до 50%, произошло резкое снижение эффективности деятельности правоохранительных структур. Подчёркивая сложность сложившегося положения, он отмечал: «В пенджабской полиции [в результате проведения реформы – А.С.] из двадцати девяти районов в четырнадцать не осталось ни одного английского служащего, что не может ни сказаться на моральном состоянии и уровне дисциплины службы в це-

лом. В Мултане, где проживает значительное число фанатично настроенных мусульман, полностью отсутствуют английские полицейские чиновники, и имеется лишь пятнадцать английских судей» [8, col. 72]. Одной из проблем административной политики, по мнению Сайденхема, стало привлечение на работу в Индийскую гражданскую службу молодых образованных британцев, чей опыт и энергия, по его мнению, являлись неперенным условием дальнейшего продвижения Индии по пути развития институтов самоуправления [8, col. 81].

Данные события послужили отправной точкой качественно нового этапа в политической истории Индии, связанного с возникновением массового, имевшего чёткую идеологическую основу движения за самоопределение. В сочетании с событиями, происходившими в других частях империи, ситуация, сложившаяся на рубеже 1910-1920-х гг. в Индии, явилась важным индикатором кризиса прежних императивов британской колониальной политики. Ключевой её особенностью становится акцент на расширение механизмов косвенного управления колониальными владениями. Данная тенденция, в свою очередь, способствовала постепенной децентрализации империи и движению входивших в неё территорий в сторону всё большей политической самостоятельности.

Несмотря на внутреннюю противоречивость, действия Великобритании в данный период, являясь реакцией на возраставшие внутри имперского механизма трудности, отражали формирование важного вектора дальнейшей эволюции её колониальной политики. Он был связан с весьма медленной, непоследовательной, в немалой степени вынужденной либерализацией политико-административного режима в ряде колоний. Данная тенденция, в свою очередь, явилась важнейшей предпосылкой последовавшего после

окончания Второй мировой войны процесса распада крупнейшей колониальной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX в. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 920 с.
2. Asquith H.H. *Memoirs and Reflections. 1852-1927. Vol. II.* Boston, 1928.
3. Chandra B., M. Mukherjee, A. Mukherjee, K.N. Panikkar, S. Mahajan. *Indian's Struggle for Independence.* L.: Penguin UK, 2016. 600 p.
4. Copland I. *India 1885-1947: The Unmaking of an Empire (Seminar Studies in History Series),* Harlow and L., 2001. 154 p.
5. *Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History.* Calcutta: Nabu Press, 2012. 492 p.
6. *Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 65 (1917).*
7. *Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 150 (1922).*
8. *Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1922, vol. 52.*
9. Ilbert, Sir Courtenay Peregrine. *The Government of India. Third Edition revised and updated.* Clarendon Press, 1922. P. 119-122.
10. *Indian constitutional documents, 1757-1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1-3, Calcutta, 1948-49. 406 p.*
11. Tummala K. K. *Public Administration in India.* Mumbai, 1994. 767 p.

Sagimbayev A.V.

Socio-political processes in the north-western regions of British India at the beginning of the XX century in the context of cross-border interaction (on the example of Punjab).

One of the important outcomes of the First World War was the complex process of devolution of the British Empire, which by that time represented the largest colonial system in history. The transformation of traditional colonialism was the result of a number of factors. Among them, it is necessary to highlight the formation of mass national liberation movements that began in this period in a number of British possessions, the ideological basis of which combined, to one degree or another, elements of traditionalism and modernization doctrines oriented to the Western model of development. One of the most characteristic examples of this kind was the evolution of the anti-colonial movement in India, which had a profound impact on the transformation of the entire imperial system of Great Britain in the interwar period. An important center of the anti-colonial struggle during this period was Punjab, which was a kind of region of British India in which Hindu, Muslim and Sikh socio-cultural traditions came into contact. The specific, borderline, from a confessional point of view, the position of Punjab left its mark on the nature of socio-political processes in the region.

Keywords: British India, administrative and political transformations, ethnopolitical processes, cross-border interaction, Punjab.

REFERENCES

1. YUrlov F.N., YUrlova E.S. Istoriya Indii. XX v. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. 920 s.

2. Asquith H.H. *Memoirs and Reflections. 1852-1927. Vol. II.* Boston, 1928.
3. Chandra B., M. Mukherjee, A. Mukherjee, K.N. Panikkar, S. Mahajan. *Indian's Struggle for Independence.* L.: Penguin UK, 2016. 600 p.
4. Copland I. *India 1885–1947: The Unmaking of an Empire (Seminar Studies in History Series),* Harlow and L., 2001. 154 p.
5. *Documents and Extracts Illustrative of the British Period of Indian History.* Calcutta: Nabu Press, 2012. 492 p.
6. *Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 65 (1917).*
7. *Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 150 (1922).*
8. *Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, 1922, vol. 52.*
9. Ilbert, Sir Courtenay Peregrine. *The Government of India.* Third Edition revised and updated. Clarendon Press, 1922. P. 119–122.
10. *Indian constitutional documents, 1757–1939, ed. by Q. Ch. Banerjee, 2 ed., v. 1–3, Calcutta, 1948–49. 406 p.*
11. Tummala K. K. *Public Administration in India.* Mumbai, 1994. 767 p.

УДК 94(73)"1763/1783"

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия).

**СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ СТАРЫЙ
СЕВЕРО-ЗАПАД В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ
(1763–1783 гг.)**

В данной статье рассмотрена англо-индейско-американская конфронтация конца XVIII в. на североамериканском Старом Северо-Западе. Данный конфликт являлся примером классических пограничных войн в Северной Америке, которые имели место в XVII – первой половине XIX вв. В ходе этого конфликта британцы столкнулись с местными племенами индейцев, с которыми вынуждены были пойти на заключение компромиссных соглашений. Впоследствии они поддерживали индейские военно-политические союзы против США и пытались создать буферное квазигосударство коренных американцев. Но двадцатилетнее противостояние (1763–1783 гг.) в итоге завершилось победой США.

Ключевые слова: североамериканский Старый Северо-Запад, американский фронтир, территориальная экспансия США, колонизация Северной Америки, англо-американские пограничные войны, индейские войны в Северной Америке.

По Парижскому договору 1763 г., подписанному после победы Великобритании в Семилетней войне (1756–1763 гг.), Франция уступила ей свои территории к востоку от реки Миссисипи: Иллинойскую землю и долину реки Огайо.

Иллинойс (англ. the Illinois Country, фр. Pays des Illinois), известный в XVII–XVIII вв. также как Верхняя Луизиана (англ. Upper Louisiana, фр. Haute-Louisiane) и «земли конфедерации индейских племен иллинойсов» – обширная территория, на которой в наши дни находятся штаты Среднего Запада США (Иллинойс, Миссури, Индиана). С 1675 г. Иллинойсская земля входила в состав колонии Новая Франция, в 1717 г. была присоединена к французской провинции Луизиана. В 1750-е гг. в регионе Иллинойс проживало около 2,6 тыс. французских поселенцев.

Страна (территория, долина) Огайо (the Ohio Country, Ohio Territory, Ohio Valley) – обширный регион Северной Америки, располагавшийся на западе от горной системы Аппалачи и в северной части района верховьев реки Огайо и ее притока Аллегейни. Регион простирался вплоть до озера Эри, охватывая северо-западную часть современного штата Западная Вирджиния, Западную Пенсильванию, большую часть штата Огайо и юго-восточную Индиану. Название употреблялось вплоть до 1787 г., когда страна Огайо и прилегающие области вошли в гигантскую Северо-Западную территорию США, существовавшую в 1787–1803 гг. В конце XVII – первой половине XVIII вв. контроль над территорией Огайо и торговлей мехом в регионе оспаривался Францией, Великобританией и индейскими племенами (ирокезами, алгонкинами, гуронами, минго и др.). Известны 4 межколониальных (завоевательных) вооруженных конфликта: война короля Вильгельма (1689–1697 гг.), война королевы Анны (1702–1713 гг.), война короля Георга (1744–1748 гг.), Североамериканский театр Семилетней войны (1754–1763 гг.) [5, р. 4–5].

В ходе Семилетней войны Великобритания захватила обширные, но малозаселенные французские колонии в Северной Америке: Новую Францию (Канаду) и земли

на востоке от реки Миссисипи. Иллинойская земля и долина Огайо оккупировались британцами постепенно: часть территории была занята в 1761 г., оставшиеся французские форты и поселения после ратификации мирного договора 1763 г. – в 1764–1765 гг. Новые территориальные завоевания были организованы в три североамериканские колонии Англии: Восточную Флориду, Западную Флориду и Квебек.

Значительная часть североамериканских неколонизированных земель, на которые ранее претендовала или которые контролировала до окончания Семилетней войны Франция, отводилась в соответствии с королевской прокламацией 1763 г. под «Индийскую резервацию» (Indian Reserve). В нее вошла почти вся территория от горной системы Аппалачи до реки Миссисипи и от Флориды до Ньюфаундленда. Все поселенцы-европейцы на данной территории (преимущественно французы) должны были покинуть ее или получить специальное разрешение на проживание. Впоследствии эти ограничения были существенно смягчены. Многие европейские колонисты, не желая попасть под власть Великобритании, переехали в г. Новый Орлеан, в г. Сент-Луис и на французские земли на западном берегу Миссисипи (Луизиана). По франко-испанскому договору в Фонтенбло 1762 г. территории были тайно переданы Испании. Испанцы называли новые территории, вошедшие в состав вице-королевства Новая Испания, «провинцией Луизиана» и «округом (страной) Иллинойс», а г. Сент-Луис – г. Иллинойс. Таким образом, северо-западные территории в начале 1760-х гг. оказались временно разделенными между Англией и Испанией [7, p. 102–103].

Впоследствии в долине Огайо произошло несколько малых пограничных войн англичан с индейцами, наиболее значимыми из которых являлись восстание Понтиака (ап-

рель 1763 г. – июль 1766 г.) и война Данмора (май – октябрь 1774 г.). Восстание во главе с вождем Понтиаком (около 1725–1769) вспыхнуло сразу после окончания Семилетней войны и носила весьма успешный характер для коалиции индейских народов (оттава, потаватоми, оджибве, сенека, виандоты, минго, майами, кикапу, иллинойс и др.). Около 3,5 тыс. коренных американцев противостояли 3 тыс. английских солдат. Были атакованы британские поселения, разрушены 8 фортов, сотни колонистов взяты в плен. Около 4 тыс. поселенцев покинули регион. Индейцы потеряли более 200 воинов убитыми, британцы – 450 чел. убитыми, 450 чел. – ранеными. В итоге Великобритания согласилась признать права аборигенов на их земли, а колонизация европейскими переселенцами Северо-Запада временно замедлилась. Война Данмора не была успешной для коренных народов (шауни, минго) и открыла путь для колонизации территории Кентукки вирджинскими колонистами [3, р. 93–178].

Квебекский акт (Акт о Британской Северной Америке) 1774 г. существенно расширил территорию провинции (колонии) Квебек, ранее охватывавшей область г. Квебек и г. Монреаль. В ее состав были включены страна Огайо (долина реки Огайо) и часть страны Иллинойс. Впоследствии северная часть территорий вошла в провинцию Верхняя Канада, существовавшую в 1791–1841 гг. С 1778 г. американское правительство взяло курс на заключение договоров с отдельными индейскими племенами, рассматривая их как самостоятельные субъекты, «суверенные нации». Целью была концентрация коренных американцев в резервациях и их выселение на Запад. Наибольших масштабов подобная политика достигла после 1830 г., в период президентства Эндрю Джексона (1829–1837 гг.) [1, с. 162–163, 174–178].

Исторически на огромные северо-западные территории Северной Америки, простирающиеся «от моря до моря», т.е. от Атлантического до Тихого океана (включая современную Калифорнию), претендовала колония Вирджиния. Они были дарованы ей королевской хартией 1609 г. На практике вирджинцы вплоть до 1784 г. претендовали на гораздо меньшую территорию Старого Северо-Запада вплоть до реки Миссисипи на западе и Великих озер на севере. В период Войны за независимость США Вирджиния включила значительную часть Старого Северо-Запада в свой состав, образовав округ Кентукки (1776–1780 гг.) и округ Иллинойс (1778–1782 гг.).

На Иллинойс высказывали притязания штаты Коннектикут и Массачусетс. В конечном итоге Иллинойс и другие регионы были переданы в 1784 г. Вирджинией правительству молодой американской Конфедерации, которая учредила в 1787 г. на этих землях Северо-Западную территорию [1, с. 164].

На территорию Кентукки претендовал земельный спекулянт из Северной Каролины Ричард Хендерсон (1735-1785), купивший у племени чероки в 1775–1783 гг. большой участок земли в Центральном и Западном Кентукки и Северном Теннесси. Он планировал создать на нем колонию Трансильвания. Однако земельные сделки были признаны недействительными в 1778 г. и 1783 г. штатами Вирджиния и Северная Каролина, также претендовавшими на эти территории. Колония Трансильвания так и не была учреждена. В 1792 г. Кентукки выделился из Вирджинии в самостоятельный штат. Известен также еще один проект колонизации американского Запада – создание колонии или штата Вандалия (известной также как Питсильвания, Вестсильвания, Шарлотина, Шарлотиана, Шарлотта) (1748–1783 гг.). Вандалия должна была нахо-

даться преимущественно на территории современных штатов Западная Вирджиния и Огайо с включением небольших районов Кентукки, Вирджинии и Мэриленда. Проект так и не был реализован в связи с войнами и территориальными притязаниями штатов Пенсильвания и Вирджиния, по соглашению между которыми спорный пограничный регион был окончательно разделен в 1780 г.

Отдельно необходимо остановиться на проектах создания Индейского барьерного государства (Indian barrier state), разрабатывавшиеся полвека (1755–1814 гг.). В основе данного государственного образования должны были находиться индейские союзы, создаваемые коренными американцами племен Старого Северо-Запада. Индейское буферное государство, на предполагаемой территории которого проживало около 45 тыс. аборигенов, планировалось учредить в регионе, расположенном западнее Аппалачей, ограниченном Великими озерами, а также реками Огайо и Миссисипи. Впервые британцы предложили создать подобное барьерное государство на переговорах с Францией в 1755 г. Великобритания надеялась в результате закрепить свое присутствие на Северо-Западе после победы в Семилетней войне с Францией в 1763 г. Она стремилась уменьшить враждебность племен аборигенов в отношении британской армии, подразделения которой расположились в ряде фортов региона [6, р. 39–60].

После передачи Старого Северо-Запада Соединенным Штатам в соответствии с Парижским договором 1763 г. британские чиновники не смирились с этим фактом. Они продолжили усилия по созданию индейской квазигосударственности, независимой от США. Британия стремилась сохранить и защитить свою торговлю мехом в регионе и воспрепятствовать дальнейшей территориальной экспансии Америки на Запад. Под эгидой англичан в 1763–1765 гг.

была сформирована Северо-Западная (Западная) индейская конфедерация (в которую вошли ирокезы и еще 29 племен), оказавшая ожесточенное сопротивление американцам. Подобные межплеменные объединения существовали в регионе Великих озер еще в 1740-е гг. и даже ранее, но данная конфедерация носила беспрецедентный характер в американской истории. В нее вошли полностью или частично (отдельными деревнями, родами или общинами) почти все местные племена: гуроны, ирокезы, шауни, делавары (ленапе), иллинойсы, чероки, верхние крики, чикамога-чероки, меномини, сауки, фоксы, Конфедерация Вабаш (майами, веа, кикапу, маскутены, пианкашо), Совет трех огней (оджибве, оттава и потаватоми) [2]. Окончательно британское правительство отказалось от попыток создать индейское государство, подписав с США в конце 1814 г. Гентский договор, завершивший 2-ю англо-американскую войну 1812–1815 гг. [1, с. 162–169]. Во многом такое решение британцев было вызвано потерей военного контроля над регионом.

Боевые действия Войны за независимость США (1775–1783) на территории Старого Северо-Запада получили известность как Западный театр Войны за независимость США. Первоначально Британия и Америка стремились не допустить участия индейцев пограничного лесного региона в военных действиях. Тем не менее, логика войны привела к активному вовлечению американских аборигенов в боевые действия [5, р. 146–169]. В 1775–1776 гг. представители некоторых племен коренных американцев (шауни, минго) совершили ряд набегов на территорию будущего штата Кентукки, вынудив белых поселенцев и охотников мигрировать на Восток. Американцы планировали совершить ответную экспедицию в страну Огайо, но отказались от этой идеи, опа-

саясь втягивания в войну нейтральных ленапе (делава-ров) и шауни. В июле 1776 г. произошли несколько сражений патриотов-ополченцев и небольших подразделений регулярной армии США с проанглийски настроенными отрядами чероки, закончившихся неудачно для последних. В 1777 г. произошла резкая эскалация пограничного конфликта [4, р. 54–68]. Англичане, наступая из Канады на Саратогу, вооружали и вербовали индейцев для осуществления операций в тыловых районах американцев. Индейцы в ходе рейдов на территории современных штатов Кентукки, Западная Вирджиния и Пенсильвания истребили и взяли в плен сотни американских колонистов. Последовали ответные акции с участием ополченцев в долине реки Огайо. Одним из наиболее известных подобных сражений стала 11-дневная осада укрепленного поселения Бунсборо (в котором проживали 135 поселенцев) на территории Кентукки (7-18 сентября 1778 г.). Осада завершилась неудачно для союзников Британии – воинов племени шауни и небольшого числа представителей народов чероки, майами, минго, делаваров и виандотов (444 чел.) и лоялистов (франко-канадцев из детройтской милиции, 12 чел.). Они потеряли только убитыми 37 чел. Из 40 защитников Бунсборо было убито 2 чел. и ранено – 4 чел. Попытки индейцев поджечь деревянные постройки в форте и прорыть туннель с целью минирования и подрыва стен завершились неудачно, поскольку проливные дожди помешали осуществить задуманное. Сказалось также отсутствие у британских сил артиллерии, без которой невозможно было штурмовать подобные укрепления.

Знаковым событием на Западном театре Войны за независимость США (истинное значение которого было преувеличено американцами из-за патриотических со-

ображений) стала Северо-Западная (Иллинойская) кампания Кларка (июль 1778 г. – февраль 1779 г.). В ходе кампании в Иллинойскую землю был осуществлен поход небольшого отряда вирджинских ополченцев (по разным оценкам от 175 чел. до 350 чел.), при поддержке французских ополченцев из Иллинойса, а также группы индейских воинов из племен кикапу и пианкашо. Американские силы под командованием генерала Джорджа Роджерса Кларка (1752-1818), ставшего в США одним из первых героев Войны за независимость, действовали на территории современных Иллинойса и Индианы. Американцы захватили несколько британских постов и временно установили контроль над Иллинойской землей, провозглашенной в декабре 1778 г. частью (округом) штата Вирджиния [3, р. 228–247]. Но англичанам, действовавшим из района форта Детройт, удалось мобилизовать до 500 чел. (солдаты, канадская милиция и союзники-коренные американцы из народов шауни, оттава и ленапе) и отбить часть захваченной территории.

В 1780–1782 гг. происходили взаимные рейды и ожесточенная пограничная война на Северо-Западе между регулярными и нерегулярными войсками США, Испании, Великобритании и их индейскими союзниками, французскими поселенцами, канадскими ополченцами, американскими лоялистами-тори. В ходе кровавого пограничного конфликта создавались новые индейские союзы. Среди шести племен Ирокезской Конфедерации произошло разделение. Ирокезские племена мохоков, сенеков и кайюга активно воевали на стороне британцев вместе с небольшой частью тускарора и онандага, большинство которых сохраняло нейтралитет. Народ онейда оказался единственным военным союзником американцев из ирокезов в долине реки Огайо и подвергся атакам со стороны других ирокезских племен.

В мае – августе 1780 г. британцы временно восстановили контроль над некоторыми северо-западными территориями в результате вторжения из Детройта отряда капитана Генри Бёрда. В этой экспедиции участвовали 150 солдат регулярных королевских войск и канадских ополченцев, а также около 1 тыс. индейцев из племен шауни, майами и делаваров. Американцы потеряли до 470 чел. убитыми и пленными. Но попытка в мае 1780 г. союзников британцев – индейцев из племен сиу, виннебаго, оджибве, сак-и-фокс, хо-чанк, оттава, маскутен, меномини, кикапу, потаватоми (до 1,5 тыс. воинов) захватить поселок Сент-Луис на территории современного штата Миссури (в нем проживало около 700 жителей) завершилась неудачей. Американские солдаты и местные ополченцы – французские и испанские креолы сумели отстоять форт Сан-Карлос, потеряв до 100 чел. (считается, что погибли преимущественно мирные жители). Потери индейцев составили 4 чел. убитыми и 4 чел. ранеными. Битва при Сент-Луисе была единственным сражением к западу от Миссисипи в контролируемой испанцами Луизиане в период Войны за независимость США [7, р. 95–96].

Американцы мечтали овладеть важным британским фортом Детройт на Великих озерах (через который происходило вооружение враждебных американцам индейцев). Но они не сумели собрать достаточных для осуществления этой операции сил. В ноябре 1780 г. вождь народа майами Маленькая Черепаха (1747–1812) почти без потерь разгромил отряд французских колонистов-ополченцев. Французы выступали на стороне США, стремясь достичь форта Детройт. Они потеряли до 40 чел. убитыми. Испанцам в ходе данной войны в приграничье сопутствовал успех: в 1779–1781 гг. им удалось на Юго-Востоке разбить англичан и оккупировать Западную Флориду. Ключевой опорный пункт британцев –

форт Сен-Жозеф на юге современного штата Мичиган стал объектом нападения американцев в 1780 г. В феврале 1781 г. его временно захватили и разорили испанцы.

24 августа 1781 г. около 100 аборигенов из союзного британцам племени мохоков (могауков, Ирокезская Конфедерация) на территории современного штата Индиана разгромили отряд из 105 пенсильванских ополченцев под командованием полковника Арчибальда Эндрю Локри (1733-1781). Вождь мохоков Джозеф Брант (Тайенданегеа) (1743-1807) заманил пенсильванскую милицию в засаду. В ходе короткого боя индейцы убили 41 американца и взяли в плен до 64 чел., т.е. уничтожили или пленили всех участвовавших в стычке ополченцев. Данные события вошли в американскую историю как «поражение Локри» или «резня Локри».

В 1781–1782 гг. в пограничье американские войска вынуждены были вести жестокую войну с восставшими делаварами, сопровождавшуюся массовыми убийствами мирных жителей. В марте 1782 г. отряд пенсильванских ополченцев (160 чел.) устроил резню «молящихся индейцев» в миссии моравских братьев Гнаденхюттен в долине реки Огайо. Они убили и оскальпировали 96 крещеных делаваров-манси (ленапе) и могикан (28 мужчин, 29 женщин и 39 детей). Индейцы отомстили, разгромив в мае – июне 1782 г. экспедицию полковника Уильяма Кроуфорда (1722-1782). Кроуфорд возглавил отряд пенсильванской милиции (около 500 чел.), намеревавшейся атаковать и уничтожить поселения виандотов (один из ирокезских народов) в районе реки Сандаски (страна Огайо). Сопоставимые с американцами силы индейцев (ленапе, виандоты, шауни, оджибве, оттава, потаватоми) и британских рейнджеров заманили в засаду, окружили и заставили бежать американцев. Пенсильванские опол-

ченцы потеряли 70 чел. убитыми. Потери индейцев составили 6 чел. убитыми. В отместку за Гнаденхюттенскую (Моравскую) резню индейцы 2 часа пытали взятого в плен Кроуфорда и потом заживо сожгли его на костре. В июле 1782 г. сенеки (племя ирокезов) атаковали один из городов Пенсильвании, убив и захватив в плен 21 чел. В это же время виандоты напали на форт в Кентукки.

Значимую победу британско-индейские силы одержали в битве при Блю-Ликс 19 августа 1782 г. в лесистой северной части современного штата Кентукки. Это было одно из последних сражений Войны за независимость США. Отряд из 50 британских солдат, канадских рейнджеров и американцев-лоялистов, а также 300 коренных американцев (преимущественно озерных индейцев: виандотов (гуронов), минго, оджибве, оттава, потаватоми, шауни, а также майами) заманил в засаду 182 ополченцев Кентукки. Исход сражения решили меткий огонь из укрытий и рукопашный бой. Индейцы, вооруженные томагавками и дубинками, в ближнем бою одержали верх над кентуккийскими ополченцами, на ружьях которых не оказалось прикрепленных штыков. 72 ополченца были убиты, 11 чел. – взяты в плен. Индейцы и лоялисты потеряли 7 чел. убитыми, 10 чел. – ранеными. 11–13 сентября 1782 г. на границе современных штатов Западная Вирджиния и Огайо произошла осада форта Генри. Она считается последним крупным сражением Войны за независимость США на Американском континенте. Форт осаждали 260 индейцев – виандотов, шауни, сенеков и ленапе и 50 ополченцев – нью-йоркских провинциальных рейнджеров-лоялистов. Однако 40 бойцов вирджинской милиции (среди которых только 1 чел. получил ранение) сумели отразить все атаки и предотвратили попытки поджечь форт. Коренные

американцы и американские лоялисты, понеся потери убитыми и ранеными, вынуждены были отступить.

Победа американцев в сражении у форта Генри поставила под сомнение влияние Британии в регионе. 1782 год вошел в историю американского фронта как «кровавый год». Обе стороны разоряли и уничтожали поселения и укрепления врага, но закрепиться на оккупированных территориях не могли [3, р. 248–276]. Завершению военного конфликта на границе положило подписание между Англией и Соединенными Штатами Парижского мирного договора 3 сентября 1783 г. Британцы уступили США территорию на юге от современной Канады, а Испании отдали Флориду. Местные индейцы не участвовали в переговорах и не были упомянуты в условиях мирного соглашения, поэтому продолжили вооруженную борьбу с американцами.

Таким образом, в данном международном конфликте проявились характерные для англосаксов способы ведения опосредованной войны чужими руками (войны по доверенности) в колониях. Эти методы также применялись Британией в новое и новейшее время в Индии, странах Африки и Азии. Первоначально по итогам Семилетней войны большая часть североамериканского Старого Северо-Запада (долина Огайо и Иллинойсская земля) формально вошла в состав Британской колониальной империи. В 1761–1765 гг. британцы взяли под контроль бывшие французские поселения и форты в регионе. Часть территории Луизианы оказалась в составе колониальных владений Испании.

Британцам противостояли местные индейские племена, которые после провозглашения независимости США стали союзниками вчерашних врагов. В конечном итоге спорная территория в 1783 г. оказалась в составе

США, но ее границы не были точно определены. Вопрос о ее принадлежности не был решен окончательно, поскольку часть районов контролировалась Великобританией и враждебными Америке индейскими племенами. Британцы сохранили форты, которые блокировали пути к Великим озерам. Потребовались десятилетия англо-индейско-американского противостояния (1783–1815 гг.), чтобы Старый Северо-Запад был полностью интегрирован в состав Соединенных Штатов. Уникальность ситуации в Северной Америке в конце XVIII в. заключалась в том, что одни англосаксы (англичане) вели долгую прокси-войну против других англосаксов (американцев).

ЛИТЕРАТУРА

1. История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / В.Н. Плешков, А.А. Фурсенко, Н.Д. Луцков и др. Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М: Международные отношения, 1994. 381 с.

2. Dowd G.E. *A Spirited Resistance: The North American Indian Struggle for Unity, 1745–1815*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. 261 p.

3. Downes R.C. *Council Fires on the Upper Ohio: A Narrative of Indian Affairs in the Upper Ohio Valley until 1795*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1940. 384 p.

4. *Frontier Defense on the Upper Ohio 1777–1778* / Edited by R.G. Thwaites, L.P. Kellogg. Madison: Wisconsin Historical Society, 1912. – 329 p.

5. Grenier J. *The First Way of War: American War Making on the Frontier, 1607–1814*. Cambridge University Press, 2005. 248 p.

6. Sosin J.M. *The Revolutionary Frontier, 1763–1783*. N.Y.: Holt, 1967. 241 p.

7. Quaife M.M. *Chicago and the Old Northwest, 1673–1835: a study of the evolution of the northwestern frontier, to-*

gether with a history of Fort Dearborn. Chicago (Ill.): University of Chicago Press, 1913. 480 p.

Vitaly V. Prilutskiy, Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of General History
and International Relations, Bryansk State University named
after Academician I.G. Petrovsky (Russia).

The North American Old Northwest in International Politics (1763–1783)

This article examines the Anglo-Indian-American confrontation of the late XVIII-th century in the North American Old Northwest. This conflict was an example of the classic border wars in North America, which took place in the XVII-th – first half of the XIX-th centuries. During this conflict, British forces encountered local Indian tribes, with whom they were forced to enter into compromise agreements. Subsequently, they supported Indian military-political alliances against the United States and tried to create a buffer quasi-state of Native Americans. But the twenty-year confrontation (1763–1783) eventually ended with the victory of the United States.

Keywords: North American Old Northwest, American frontier, US territorial expansion, colonization of North America, Anglo-American border wars, Indian wars in North America.

REFERENCES

1. Istoriya vneshnej politiki i diplomatii SSHA, 1775–1877 / V.N. Pleshkov, A.A. Fursenko, N.D. Luckov i dr. Otv. red. N.N. Bolhovitinov. M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 381 s. [The history of US foreign policy and diplomacy, 1775-1877 / V.N. Pleshkov, A.A. Fursenko, N.D. Lutskov, etc. Ed. by N.N. Bolkhovitinov. Moscow: International Relations, 1994. 381 p.]

2. Dowd G.E. *A Spirited Resistance: The North American Indian Struggle for Unity, 1745-1815*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. 261 p.

3. Downes R.C. *Council Fires on the Upper Ohio: A Narrative of Indian Affairs in the Upper Ohio Valley until 1795*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1940. 384 p.

4. *Frontier Defense on the Upper Ohio 1777-1778* / Edited by R.G. Thwaites, L.P. Kellogg. Madison: Wisconsin Historical Society, 1912. 329 p.

5. Grenier J. *The First Way of War: American War Making on the Frontier, 1607-1814*. Cambridge University Press, 2005. 248 p.

6. Sosin J.M. *The Revolutionary Frontier, 1763-1783*. N.Y.: Holt, 1967. 241 p.

7. Quaife M.M. *Chicago and the Old Northwest, 1673-1835: a study of the evolution of the northwestern frontier, together with a history of Fort Dearborn*. Chicago (Ill.): University of Chicago Press, 1913. 480 p.

УДК 94(430).081

Гончаров Е.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского (Россия).

Гончарова Е.С., студентка 4 курса филологического факультета Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского (Россия).

ЭЛЬЗАС-ЛОТАРИНГСКИЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

В статье рассматривается проблема аннексии провинции Эльзас и большей части Лотарингии Германией после войны 1870–1871 гг. Аннексия стала предметом длительных разногласий между Францией и Германией до начала Первой мировой войны. Авторы отмечают, что это событие имело значительные политические, культурные и экономические последствия для обеих стран. Французы рассматривали захват как удар по национальной гордости и положению страны, что вызвало сильное негодование во французском обществе и привело к нарастанию националистических настроений. С другой стороны, многие немцы считали Эльзас-Лотарингию исторически «немецкой» территорией и видели в этом событии символ победы и становления Германии как единого народа. Авторы приходят к выводу, что несмотря на все мирные предложения, компромисс, устраивавший обе стороны, так и не был найден. Франция и Германия придавали провинциям слишком большое символическое значение, чтобы каждая из сто-

рон могла пойти на уступки. Эльзас и Лотарингия превратились из промежуточной зоны, связывающей культуры Франции и Германии, в барьер между странами.

Ключевые слова: Франко-германская война, Первая мировая война, общественное мнение, пропаганда, образ врага, стереотипы, Эльзас и Лотарингия.

Провинция Эльзас и большая часть Лотарингии, аннексированные Германией после войны 1870-1871 гг., стали одним из вопросов для разногласий между двумя странами до начала Первой мировой войны. Как описывал эту проблему в 1910 г. французский писатель-путешественник эльзасского происхождения Ж. Дюкорк «потеря провинций оставила "плохо заживающую рану" в коллективной французской памяти» [9, p. 64].

Французы считали аннексию невыносимым ударом по национальной гордости и по положению своей страны среди великих держав. Многие немцы, напротив, рассматривали аннексию как возвращение исторически «немецкой» территории, поскольку до 1648 г. обе провинции входили в состав Священной Римской империи. В 1871 г. Эльзас-Лотарингия стала для большинства немцев символом победы и становления Германии как крупнейшей континентальной державы, хотя Бисмарк осторожно высказывался насчет их присоединения [15, p. 26]. Следует отметить, что значительная часть немецкого населения считали эльзасцев такими же немцами, а большинство лотарингцев разговаривало на немецком языке. В течение почти полувека после франко-германской войны эти две провинции оставались источником разногласий, и справедливое решение проблемы не представлялось возможным. За это время Эльзас и Лотарингия превратились из промежуточной зоны, свя-

зывающей культуры Франции и Германии, в барьер между противоборствующими сторонами.

Во французском обществе упорно сохранялось идеализированное представление о судьбе потерянных провинций. Тема утраченных территорий и их отождествления с Францией была излюбленной в программе по истории начальной школы, и школьникам постоянно напоминали о судьбе их восточных соотечественников [17, р. 214].

Более того, французские писатели, побывавшие на аннексированных территориях, популяризировали заветный образ двух провинций, томящихся под «тевтонским игом» и жаждущих возвращения французов. Реальность была гораздо сложнее. После первоначального периода непримиримого сопротивления эльзасцев аннексии, когда многие надеялись, что Франция вновь отвоюет провинцию, надежды на избавление от «немецких штыков» угасли, и насущные проблемы повседневной жизни все больше вовлекали местное население в участие в политической системе Германской империи [19, р. 172].

Географическое положение Эльзаса делало его естественным связующим звеном между французской и немецкой культурой, и он продолжал в определенной степени служить таковым и в условиях немецкой аннексии. Французский историк А. Бургелин отмечал, что эльзасские интеллектуалы в Германии, такие как писатель Р. Шикеле, стремились донести до немецкой обществу информацию об эльзасской и французской культуре. В то же время эльзасцы во Франции, особенно в высших учебных заведениях, такие как профессор Сорбонны А. Лихтенбергер, знакомили своих многочисленных студентов с немецкой культурой и т.д. [5, р. 76].

Однако, несмотря на их усилия, популярные рассказы о жизни в провинции, романы и карикатуры,

опубликованные во Франции, продолжали разжигать враждебность к немецкому владычеству. Многие французские политики и интеллектуалы, лотарингцы по происхождению, такие как Р. Пуанкаре и М. Баррес, были склонны к еще более националистическому и непримиримому отношению ко всему немецкому, чем их эльзасские единомышленники.

Территория Эльзас-Лотарингии почти пятьдесят лет оставалась под властью Германии, получив статус «Рейхсланда» в составе империи. В этом качестве она не имела федеративного статуса, предоставленного другим землям. Особый режим не устраивал большинство жителей, которые не чувствовали себя полноценными гражданами Германии. Долгожданная конституция 1911 г. не предоставила провинциям полной автономии, что стало горьким разочарованием для тех, кто к тому времени, вероятно, в большинстве своем смирился с постоянным немецким правлением [16, р. 152]. На этой стратегически важной приграничной территории было размещено большое количество военных, и зачастую высокомерное поведение солдат вызывало напряженность в отношениях с жителями, которое вылилось во взрывные события в Заберне в 1913 г. Иммиграция немцев из других частей Рейха была значительной. До 1914 г. в обе провинции прибыло более 240 тыс. человек. К 1910 г. немцы составляли шестую часть населения, и их растущая численность также вызывала дополнительную тревогу у многих местных жителей [2, р. 46].

Важно отметить, что если эльзас-лотарингский вопрос и существовал, то он был преимущественно французским. Германия последовательно отказывалась признавать наличие хоть малейшей неопределенности в статусе аннексированной территории. По мнению

большинства немцев, Франкфуртский договор 1871 года окончательно определил будущий статус провинций. Социалист Г. Эрве отмечал, что немецкие политические партии достигли редкого единства в своем практически единодушном отказе признать существование эльзас-лотарингского вопроса [13, р. 46]. Тем не менее первоначальный энтузиазм, вызванный возвращением эльзасских собратьев, сменился недоверием и скептицизмом перед лицом их сопротивления германизации. В самой Германии к населению провинций относились с недоверием, а в офицерском корпусе они вообще были исключены. Вестмарк, как его иногда называли более романтически настроенные жители Германии, оказался совершенно не готов к приобщению к своему немецкому наследию. Когда видный пангерманист Г. Класс называл эльзасцев «франко-германскими национальными гермафродитами», он всего лишь выразил разочарование и досаду, которые испытывали многие немцы по отношению к своим «неблагодарным» соотечественникам в возвращенных провинциях [7, р. 84].

Книг об Эльзасе и Лотарингии в Германии вышло меньше, чем во Франции. На наш взгляд, увлечение французов культурой Эльзаса и Лотарингии связано главным образом с аннексией, поскольку до 1871 г. они практически не обращали внимания на эти две провинции. Многие французские авторы в своих произведениях представляли искаженную картину жизни населения этих территорий. Хотя миф об эльзасцах, стойко хранящих верность Франции и упорно сопротивляющихся германизации, преобладал во французских представлениях, однако в реальной жизни они сталкивались с подозрительностью и дискриминацией со стороны многих, кто сомневался в их «французскости». Опасение, что

эльзасец, проживающий во Франции, может оказаться прусским шпионом, имело широкое распространение. В своих воспоминаниях о пленении в Германии во время войны 1870-1871 годов, Л. Дезире писал, что пленные эльзасцы пользовались благосклонным отношением со стороны немцев, и что некоторые из них почти наверняка служили осведомителями против своих соотечественников-французов [8, р. 81].

Когда в 1897 г. председатель Сената Франции и видный эльзасский эмигрант А. Шерер-Кестнер высказался о пересмотре процесса А. Дрейфуса, правые антидрейфусарские критики яростно осудили его как «немецкого» предателя. Адвокат Дрейфуса Ж. Рейнах, также эльзасец по происхождению, подвергся еще более суровому обращению со стороны французских патриотов. Хотя многие французы с гордостью отмечали большое количество эльзасцев, записавшихся в Иностраннный легион, лишь немногие фиксировали предвзятое и враждебное отношение к ним со стороны офицеров [14, р. 23].

Дело Дрейфуса и сопровождавший его яростный антисемитизм стали шоком для эльзасских евреев. В антисемитских карикатурах Дрейфус обычно изображался и как еврей, и как эльзасец, говоривший по-французски с немецким или идишским акцентом. Как отметила в своем труде историк В. Карон, лояльность евреев Эльзаса по отношению к Франции была поколеблена проявлением расовой ненависти. В результате оставшиеся в провинции евреи, все больше демонстрировали желание работать в рамках Германской империи [6, р. 128]. Аналогичным образом эльзасские католики были встревожены антиклерикальным законодательством, принятым во Французской республике после 1903 г., что сделало сотрудничество с Германией более выгодным. Таким об-

разом, евреи и католики Эльзаса, под влиянием событий во Франции, дрейфовали к фактическому взаимопониманию с немецкими властями.

Миф о верных эльзасцах и лотарингцах, терпеливо страдающих под властью Германии в ожидании освобождения, тем не менее, оставался мощным и устойчивым образом во французских представлениях о потерянных провинциях до 1914 года. Многие французские романисты такие как А. Доде внесли свой вклад в формирование мифа о героическом эльзасце. К примеру, в его произведении «Последний урок» [18, р. 49], опубликованном в 1873 г., показан последний урок учителя французского языка из маленького эльзасского городка. По указу немцев языком преподавания становится немецкий, и на следующий день учитель должен покинуть свой пост. Его ученик, Франц, не зная о предстоящих переменах, с удивлением замечает, что преподаватель одет в свою лучшую одежду, а в школе присутствуют и взрослые жители. Когда преподаватель сообщает классу о приказе из Берлина, Франц сожалеет об уходе своего строгого учителя. После окончания урока, под звуки труб, доносившихся из окон, он пишет на доске «Vive la France» и в последний раз отпускает своих учеников.

В книге, посвященной потерянным провинциям, М. Баррес также показал бедственное положение бывших преподавателей французского языка в Эльзасе и Лотарингии, многие из которых стали нищими из-за потери средств к существованию [3]. Образ изгнанного преподавателя французского языка явно пришелся по душе народу как символ вытеснения французов из провинций и последовавшего за этим жесткого немецкого культурного угнетения.

Старшие поколения эльзасцев, сохранившие память о французском правлении, по общему мнению, их современников, были во Франции оплотом сопротивления

«пруссачине». В сборнике поэм Т. Ботрель представляет идеализированную фигуру старика, ветерана наполеоновских войн [4]. Воспоминания о победах Наполеона Бонапарта над Пруссией резко контрастируют с мыслями о поражениях императора Наполеона III. Это шокирует старого эльзасца, который, «ложась спать французом, проснулся пруссаком!». В конце концов, старика арестовывают и отвозят в Страсбург, где немецкие власти обвиняют его в разговорах о реванше и ношении французского триколора, а также в насмешливых высказываниях о немцах. Приговоренный к тюремному заключению, старик умирает с разбитым сердцем, став эльзасским мучеником.

Несмотря на резкие высказывания, связанные с эльзаслотарингской проблемой, по обе стороны границы раздавались голоса, призывавшие к мирному урегулированию франко-германских споров. Журналист Дж. Гран-Картрэ верно заметил, что, хотя культ Эльзаса процветал во Франции, французское общество не решилось бы на реванш только ради того, чтобы вернуть потерянные провинции. Поэтому он считал мирное урегулирование неизбежным [11, р. 4]. Писатель Ж. Хамме признавал невозможность прочного мира в Европе на основе статус-кво и, кроме того, считал франко-германское сближение необходимым перед лицом растущей угрозы со стороны англо-американского могущества [12, р. 5]. Он был готов признать важность Рейхсланда для Германии и как оборонительного плацдарма против Франции, и как символа германского единства [12, р. 8]. Его компромиссным решением была автономия двух провинций в составе Германской империи. Пацифист А. Адерер надеялся на франко-германское примирение путем переговоров с возможной передачей франкоязычной территории Франции в обмен на колониальные уступки [1, р. 25]. А Гоба, обеспокоенный призраком европейской вой-

ны и огромными затратами на гонку вооружений, утверждал, что мирное урегулирование эльзас-лотарингского вопроса является главной необходимостью для обеспечения мира на континенте [10, р. 24]. Социалист Г. Эрве считал возможным договориться об обмене двумя провинциями взамен на крупные экономические уступки Германии со стороны Франции [13, р. 137].

Таким образом, несмотря на все эти предложения, компромисс, устраивающий обе стороны, так и не был найден. Франция и Германия придавали провинциям слишком большое символическое значение, чтобы каждая из сторон могла пойти на уступки, и в итоге вопрос был решен только путем вооруженного конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aderer A. Vers la fin d'une haine. Paris, 1907. P. 25–30.
2. Baechler C. Das Verhalten der Elsafi-Lothringer im Deutschen Reich (1871– 1918) // Eine ungewöhnliche Geschichte: Deutschland, Frankreich seit 1870. Bonn, 1988. 51 p.
3. Barrés M. Alsace-Lorraine. Paris. 1906. 110 p.
4. Botrel T. Coups de clairon: chants et poèmes héroïques. Paris, 1903. 319 p.
5. Burgelin H. Le mythe de l'ennemi héréditaire dans les relations franco-allemandes // Revue des questions allemandes. Paris. 1979. 85 p.
6. Caron V. Between France and Germany: The Jews of Alsace-Lorraine. California. 1988. 289 p.
7. Clafi H. Wenn ich der Kaiser war!: Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig, 1913. 84 p.
8. Désiré L. Souvenirs d'un prisonnier de guerre en Allemagne 1870–1871. Paris, 1899. 236 p.
9. Ducrocq G. La blessure mal fermée: notes d'un voyageur en Alsace-Lorraine. Paris, 1900. 212 p.

10. Gobât A. Le cauchemar de l'Europe. Paris. 1911. 89 p.
11. Grand-Carteret J. Le rapprochement franco-allemand par l'amélioration du sort de l'Alsace-Lorraine. Bonn, 1911. 87 p.
12. Heimweh J. Allemagne, France, Alsace-Lorraine. Paris, 1899. 47 p.
13. Hervé G. L'Alsace-Lorraine. Paris, 1913. 175 p.
14. Hinzelin E. L'Alsace sous le joug. Paris, 1914. 199 p.
15. Leroy M. L'Alsace-Lorraine: porte de France, porte d'Allemagne. Paris, 1914. 306 p.
16. Mayeur J.M. Autonomie et politique en Alsace: la constitution de 1911. Paris, 1970. 209 p.
17. Ozouf M. L'école de la France: essais sur la Révolution, l'utopie et l'enseignement. Paris, 1984. 424 p.
18. Schmidt M. Chansons de la revanche et de la Grande guerre. Nancy. 1985. 176 p.
19. Silverman D. P. Reluctant Union: Alsace-Lorraine and Imperial Germany 1871–1918. Pennsylvania, 1972. 272 p.

Evgeny V. Goncharov,

candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, History and Political Science, Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky.

E-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

Elizaveta S. Goncharova,

a 4th year student of the Philology Department of the Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky.

E-mail: mahabrayn2002@gmail.com

THE ALSACE-LORRAINE QUESTION IN RELATIONS BETWEEN FRANCE AND GERMANY

This article examines the problem of the annexation of the province of Alsace and most of Lorraine to Germany after

the war of 1870-1871. The annexation of this territory was the subject of a longstanding controversy between France and Germany before the First World War. The authors note that this event had important political, cultural, and economic consequences for both countries. The French saw the annexation as a blow to the country's national pride and position, which caused strong resentment in French society and led to a rise in nationalist sentiment. On the other hand, many Germans regarded Alsace-Lorraine as historically "German" territory and saw the event as a symbol of victory and the establishment of Germany as a united nation. The authors conclude that despite all the peace proposals, no compromise satisfactory to both sides was ever found. France and Germany attached too much symbolic importance to the provinces for either side to make concessions. Alsace and Lorraine went from being an intermediate zone linking the cultures of France and Germany to a barrier between the countries.

Keywords: Franco-German War, World War I, public opinion, propaganda, enemy image, stereotypes, Alsace-Lorraine.

УДК-327.83

Нарскина С.М., студентка 2 курса Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

Изотова Н.В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ТРАНСГРАНИЧЬЯ РОССИЯ-КАЗАХСТАН

Статья посвящена вопросам взаимовлияния русского и казахского языков в рамках социокультурного пространства трансграничья России и Казахстана. Представлен анализ причин заимствования лексических единиц из русского языка в казахский. Рассмотрены конкретные примеры заимствования из русского языка в казахский (русизмы), а также из казахского языка в русский (казахизмы).

Ключевые слова: Трансграничье, мультилингвизм, межкультурная коммуникация, Казахстанский регион, Костанайская область, лексико-семантическая интерференция, калькирование

Россия – многонациональная страна с богатой историей. По данным всероссийской переписи населения на 18 апреля 2023 на территории РФ проживают представители 195 народов [2]. У каждого из этих народов свой язык, свои обычаи и традиции, многие из них находятся в тесном кон-

такте с другими регионами и народами их населяющими. Язык, как сложная, динамическая, открытая и саморазвивающаяся структура также отражает национальные особенности, культуру его носителей.

Русский язык – официальный язык Российской Федерации [1], сформированный на стыке культур и этносов. Русский язык имеет официальный статус государственного языка в 5 государствах, а на территории Казахстана, Киргизии и Абхазии он является официальным языком с правовым ограничением. Распространённость русского языка и его межгосударственный статус способствуют полноценному взаимодействию указанных регионов, обеспечивая взаимопроникновение культур, а, значит, и языковых норм, ценностей и социокультурного опыта.

В связи с этим в науке рассматривается явление *мультилингвизма* – социокультурного феномена, базирующегося на возможности людей говорить на нескольких языках в рамках одной географической области [3]. Этот термин объединяет людей, которые имеют возможность выражать свои мысли и общаться на двух или более языках, закреплённых на официальном уровне. Владение двумя и более языками означает способность осуществлять мыслительные операции в рамках этих языков, что невозможно без учета культурологического аспекта, ведь язык – неотъемлемая часть культуры, культуры личности и основа её социальной общности.

Основа мультилингвизма – общение, в ходе которого, один из участников может говорить на неродном языке, способствуя установлению прочных межязыковых контактов. Межкультурная коммуникация представлена не только в субъект-субъектных контактах между людьми, но и в опосредованных формах коммуникации, например, посредством СМИ [4], при этом центральное

место в этих процессах занимает межлингвистическое взаимодействие.

Многие субъекты Российской Федерации являются территорией взаимовлияния языков и культур, что объясняется геополитическими особенностями России, а также историческими процессами закрепления ее территориальных границ. Многие регионы, ранее входившие в состав России, в процессе исторического развития получили политическую автономию. Это существенным образом предопределило взаимодействие народов, населяющих эти регионы. Некоторые регионы на современном этапе рассматриваются как транграничные, то есть приграничные территории государств, характеризующиеся определенным природным, экономическим, социокультурным, этническим единством [8].

Говоря о феномене транграничья, стоит упомянуть, что термин вышел за рамки политологии лишь в середине прошлого столетия и стал рассматриваться, как «сложно-структурированное социокультурное пространство, включающее несколько взаимозависимых, но разных по своей природе слоёв: физико-географический, культурно-исторический, функциональный и политический слой» [9, с. 33–34].

Расширение понимания данного феномена способствовало его вхождению в филологическую науку, где транграничье рассматривается как контекст культурного и языкового взаимовлияния приграничных регионов.

В современном мире мультилингвизм и межкультурная коммуникация являются магистральными направлениями в развитии художественного слова, культуры речи. Мультилингвизм рассматривается учёными как способ обогащения языка за счёт *лексико-семантической интерференции*. Лингвистическая интер-

ференция подробно освещается в труде У. Вайнрайха «Одноязычие и многоязычие» [10, с. 25]. Учёный подчёркивает, что *лингвистическая интерференция* – это следствие влияния одного языка на другой, представляющее нарушение языковой нормы в языке-рецепторе. У. Вайнрайх выделил два подхода к изучению интерференции: анализ лингвистического поведения конкретного индивида и поведения языковой общности. Учитывая сущность данного явления, можно утверждать, что интерференция характерна для всего трансграничного региона, а также для каждого её представителя.

Исходя из фундаментальных филологических знаний о том, что язык является многоуровневой структурой, заимствования традиционно рассматриваются на всех уровнях системы языка. В нашем исследовании будет рассмотрен феномен лингвистической интерференции на фонетическом и лексическом языковых уровнях.

Несмотря на то, что русский язык относится к индоевропейской языковой семье, а казахский – к алтайской языковой семье, оба языка, функционируя в контексте трансграничья, естественным образом влияют друг на друга, при этом наиболее ярко взаимовлияние языковых норм и речевых обычаев прослеживается на лексическом уровне языка.

Следует отметить, что *языковое заимствование* – процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется иноязычный элемент [5]. Данный процесс приводит к качественным и количественным изменениям лексического состава языка за счёт расширения значения слов и закрепления в языке качественно новых лексических единиц.

Описывая заимствования русского происхождения в казахском языке, т. е. *русизмы*, лингвисты выделяют два этапа

их проникновения в казахский язык, каждый из которых определяет специфику заимствованной лексики:

1 этап: заимствование, появившееся перед Октябрьской революцией;

2 этап: заимствование, появившееся после Октябрьской революции.

Первый этап характеризуется заимствованиями лексики хозяйственно-бытового содержания, т. е. названия жилищ, блюд, транспорта и т. п. Многие из этих слов в процессе заимствования сохранили своё лексическое и грамматическое значения. Например, “шал” – *шалі*. В рассматриваемых языках слово имеет следующий набор грамматических характеристик: женский род, единственное число, исчисляемое и неодушевлённое. Лексическое значение: «пуховый платок».

Слова, заимствованные на втором этапе, связаны с современными технологиями, а также терминами сельского хозяйства. Процесс этих заимствований обусловлен геополитическим фактором: с 1936 года Казахстан входил в состав СССР. Приведём примеры рассматриваемого вида заимствований: *пелшер* – «фельдшер», *бригат* – «бригада».

Особого внимания заслуживает тип заимствования – *калькирование* – словообразовательное явление, при котором слово получается «поморфемным» переводом иностранного слова. Примером могут послужить следующие лексические единицы: *агроном* – «агроном», *қолқоз* – «колхоз». Процесс калькирования, который играет ведущую роль в процессах заимствования, позволяет носителям казахского языка устанавливать этнолингвистический контакт с носителями русского языка.

Важно отметить, что механизм заимствования осложняется *сингармонизмом* казахского языка – фонети-

ческим законом, основанным на качественном уподоблении гласных звуков [7]. Например: *тыйатр* – «театр», *қазына* – «казна», *обымыс* – «область».

Одним из ближайших Казахских регионов, граничащих с Российской Федерацией, является Костанайская область. Костанай принадлежит к Северному Казахстану, что предопределяет казахского-русское двуязычие особого вида, с преобладанием русского языка. Эта территория может рассматриваться как трансграничный регион. На территории данного региона широкую распространённость получили два вида интерференции: фонетическая и лексическая.

Лексические единицы, заимствованные на основе фонетической интерференции, зачастую рассматриваются как отклонения от нормы, поскольку появляется «акцент» в речи реципиентов, объяснимый *фиксированностью ударения* на последнем слоге в казахском языке. В речи казахоговорящих жителей Костанайской области можно услышать следующие лексические единицы русского происхождения: псе (все), пещеие (печень), светы (цветы). Посредством русского языка в казахский язык была заимствована интернациональная терминология.

В рамках устойчивых и долговременных политических, экономических, социальных контактов между жителями трансграничных регионов рассматриваемых государств русский язык выступал не только источником заимствования, но и сам принимал новые лексические единицы. Например, словарный состав русского языка пополнился следующими лексическими единицами: *ай-ран* (кислое молоко), *кумыс* (исходное: *кымыз*, «кисло-молочный целебный напиток из кобыльего молока»). Эти слова называются *казахизмами* [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что политические, географические, социальные и этнические контакты явились основой для формирования социокультурного пространства трансграничных областей России и Казахстана. В рамках этих взаимодействий русский язык стал причиной количественного и качественного увеличения языкового состава казахского языка, за счёт чего происходит расширение семантической основы существующих слов, то есть меняется старое и приобретает новое значение, появляется полисемия в результате расширения значения слова. Русский язык явился источником современной научно-технической и бытовой лексики казахского языка в силу геополитических и исторических особенностей развития рассматриваемых областей. Одновременно, русский язык выступает реципиентом различных языковых единиц их казахского языка, что, в свою очередь, также способствует обогащение словарного состава языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Определение русского языка. [Электронный ресурс]: Большой Энциклопедический словарь URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/259770> (дата обращения: 6.10.2023).
2. Национальный состав России 2023 (перепись 2020). [Электронный ресурс]: Население России 2023: статистика. URL: <https://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii> (дата обращения: 6.10.2023).
3. Понятие билингвизма. [Электронный ресурс]: Развитие и коррекция речи. URL: <http://www.log-center.ru/hints/dvuyazichie/bilingvizm> (дата обращения: 6.10.2023).

4. Понятие межкультурной коммуникации. [Электронный ресурс]: Большой академический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/87518> (дата обращения: 6.10.2023).

5. Понятие заимствования. [Электронный ресурс]: Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/>

6. Понятие сингармонизма. [Электронный ресурс]: Словарь лингвистических терминов Жеребило. URL: https://gufo.me/dict/linguistics_zherebilo (дата обращения: 6.10.2023).

7. Понятие трансграничного региона. [Электронный ресурс]: Политическая энциклопедия. URL: <https://politike.ru/termin/transgranichnyi-region.html> (дата обращения: 6.10.2023).

8. Названия блюд казахской кухни. [Электронный ресурс]: Материал из книги С.Кенжеахметулы «Быт и культура казахского народа». URL: <https://ummet.kz/ru/articles-ru/370-mudrost-narodnoj-traditsii/4509-nazvaniya-blyud-kazakhskoj-kukhni.html> (дата обращения: 6.10.2023).

9. Бакланова П.Я. Шинковский М.Ю. Трансграничный регион: понятие, сущность форма. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 33–34.

10. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. Новое в лингвистике. М.: Прогресс. 1972. Вып. VI.

S.M. Narskina,
Student, 2 year

Bryansk State University named after academician I.G.
Petrvovsky (Russia).

Scientific supervisor **N.V. Izotova,**

Associate Professor of the Department of English Language Theory and Translation Studies, Candidate of Pedagogical Sciences (Russia).

INTERACTION OF THE RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES IN THE CONTEXT OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE RUSSIA-KAZAKHSTAN TRANSBOUNDARY

The article is devoted to highlighting the interaction of Russian and Kazakh languages within the context of the created socio-cultural space of the border regions of Russia and Kazakhstan. Here is an analysis of the reasons of the adoption of lexical units from Russian into Kazakh languages. The particular examples of adoptions from Russian into Kazakh languages (Russisms) and the examples of adoptions from Kazakh into Russian (Kazakhisms) are considered in the article.

Key words: Transboundary, multilingualism, intercultural communication, Kazakhstan region, Kostanay region, lexico-semantic interference, tracing.

УДК 94(476)

Цумарева Е.П., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет». Могилев (Республика Беларусь).

ЛИЧНОСТЬ РАБОТНИКА КАНЦЕЛЯРИИ ВИЛЕНСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА (1844 г.)

Статья посвящена изучению личности работника канцелярии Виленского цензурного комитета. В основе исследования положен многомерный подход, учитывающий такие признаки, как происхождение, образованность, средний стаж работы в канцелярии, заслуги в системе цензуры и за ее пределами, что в комплексе позволяет охарактеризовать уровень компетентности чиновника. Исследована основная занятость чиновников и работа, осуществляемая помимо службы в канцелярии цензурного комитета.

Ключевые слова: Виленский цензурный комитет, канцелярия, секретарь, А.И. Виноградов, С.И. Гуца, К.А. Модзелевский, Ю.К. Тымовский, С.О. Шостаковский.

Проблеме исследования личности и деятельности чиновника в системе цензуры Российской империи XIX в. посвящены работы Н.Г. Патрушевой, Д.А. Эльяшевича, Н.А. Гринченко [1, 2, 3]. В данных трудах представлены некоторые материалы о биографии и деятельности цензоров, а также секретарей канцелярий цензурных комитетов. В диссертации А.А. Загорного «Цензурная политика самодержа-

вия в Беларуси и первой половине XIX в.» в отношении интересующего нас вопроса представлена общая характеристика делопроизводственной практики Виленского цензурного комитета [4, с. 15–16]. С нашей точки зрения, необходимо расширить знания о личности и деятельности работников цензурного ведомства.

Большинство данных о личности и статусе работника канцелярии Виленского цензурного комитета вводятся в научный оборот впервые.

Цель статьи – провести историко-социологическое исследование личности работника канцелярии Виленского цензурного комитета в 1844 г.

Историко-антропологический метод позволил выявить и описать групповые характеристики работников канцелярии Виленского цензурного комитета.

В изучаемый период органом профессиональной цензуры на территории белорусско-литовских губерний являлся Виленский цензурный комитет. Согласно цензурному законодательству, например, Уставу 1826 г. п. 26, при каждом цензурном комитете находился секретарь, избираемый попечителем учебного округа. Кандидатуру утверждал министр народного просвещения. Также при каждом комитете была канцелярия и печать [5, с. 759–762].

Секретарь вел общую опись всех поступавших в комитет рукописей и книг и выдавал цензору на просмотр, о чем делал запись. После работы цензора, под расписку передавал просмотренную рукопись автору [5, с. 759].

Согласно документам отчета 1844 г., в Виленском цензурном комитете в 1844 г. работниками канцелярии числилось 5 человек, включая секретаря и внештатного сотрудника. Средний возраст служителя канцелярии составлял 34 года, самому младшему было 26 лет, самому старшему – 51 год. Средний стаж работника канцелярии

на момент составления отчета в 1844 г. начитывал 9,8 лет. Наиболее продолжительный стаж был 15 лет, наименьший – 3 года. Отметим, что у 80 % работников канцелярии стаж работы в Виленском цензурном комитете был более 9 лет.

По происхождению 3 человека были из дворян, 2 человека из духовного звания. Образовательный статус у работников канцелярии был высоким: 1 человек окончил Главный педагогический институт, 3 человека – гимназию, 1 человек – уездное училище. Только два человека имели запись об имуществе, но это было не личное состояние, а имущество родителей, также неразделенное с родней имение.

По вероисповедному признаку большинство работников канцелярии были римско-католического вероисповедания (80 %), 1 человек исповедовал православие. На вероисповедание работников цензурного комитета периодически указывали те, кто подавал жалобы в вышестоящие инстанции, требовали ужесточить цензурную политику в отношении печати римско-католического вероисповедания.

Особенностью работы канцелярского служащего, хотя и в меньшей степени, чем у цензоров, было совмещение занятости в цензурном комитете с другой работой. У трех человек из пяти работа в канцелярии была основной.

Отметим, что среди работников канцелярии были два коллежских асессора и один коллежский регистратор. Среди наград, не связанных с работой в канцелярии, только один человек, работавший старшим учителем русского языка и логики, за службу и успехи воспитанников в русском языке имел благодарность министра народного просвещения и премию 300 руб., а позже получил премию 700 руб. Основной наградой за работу

служителя канцелярии в цензурном комитете была премия 50 руб. и 90 руб.

Таблица 1 – Анализ состава служителей канцелярии Виленского цензурного комитета (в том числе секретарь и внештатный работник, 5 чел.) [6, л. 25–58].

Вопросы для сравнения	Канцелярские работники (количество чел.)
Возраст	26 лет – 1 чел., 28 лет – 1 чел., 34 года – 2 чел., 51 год – 1 чел.
Происхождение	Из дворян – 3 чел., из духовного звания – 2 чел.
Собственность	Неразделенное с родней имение – 1 чел. В имуществе у родителей крепостные – 1 чел.
Вероисповедание	Римско-католическое – 4 чел. (80 %), Православное – 1 чел. (20 %).
Образовательный ценз	Гимназия – 3 чел., Уездное училище – 1 чел. Главный педагогический институт – 1 чел.
Чин, статус	Коллежский ассессор – 2 чел., коллежский регистратор – 1 чел.
Личные награды за деятельность, не связанную с цензурой	За службу и успехи воспитанников в русском языке благодарность министра народного просвещения и премия 300 руб., премия 700 руб. – 1 чел.
Премирование за службу в ВЦК	За усердную службу премия 90 руб. – 1 чел. За успешную службу премия 50 руб. – 2 чел.

Основная работа	Старший учитель русского языка и логики – 1 чел. Судья межевого суда – 1 чел. Канцелярский служащий – 3 чел.
Стаж на момент составления отчета в 1844 г.	С 1841 г. – 1 чел. – 3 года. С 1835 г. – 2 чел. – 9 лет. С 1831 г. – 1 чел. – 13 лет. С 1829 г. – 1 чел. – 15 лет.

Секретарем Виленского цензурного комитета в 1844 г. являлся Виноградов Андрей Ильич. Он был православным, из духовного звания, сын коллежского асессора, в 1844 г. ему было 34 года. По профессии старший учитель русского языка и логики в Виленской губернской гимназии. Дослужился до звания коллежского асессора. Окончил Васанскую семинарию (Вифанскую православную духовную семинарию) в Москве, поступил в Главный педагогический институт в Санкт-Петербурге, где учился с 1829 по 1832 гг.

С 1832 г. преподавал в младшем отделении этого института. В 1832 г. уволен с прежней должности и поступил на службу по части воспитания юношества с обязанностью прослужить 8 лет по Уставу института. По предложению министра народного просвещения от 27 июля 1832 г. был перемещен в Белорусский учебный округ и определен в Витебскую гимназию младшим учителем русского языка.

Работал в Витебской семинарии приходских учителей, помимо преподавания русского языка, осуществлял надзор за воспитанниками. В 1835 г. по представлению попечителя Белорусского учебного округа Н.А. Протасова за службу и успехи воспитанников в русском языке получил благодарность министра народного просвещения и был награжден

премией 300 руб. Предписанием правления Белорусского учебного округа № 2/21 был переведен старшим учителем русского языка в Ковенское уездное для дворян училище.

В 1838 г. был переведен в Виленский дворянский институт. В 1839 г. по собственному прошению перешел работать в Виленскую губернскую гимназию учителем русского языка и логики. В 1839 г. по представлению помощника попечителя Белорусского учебного округа был награжден 700 руб. С 1841 г. работал секретарем Виленского цензурного комитета с оставлением при прежней должности. В 1841 г. ему был присвоен чин 9 класса и объявлена Признательность министерства народного просвещения. Указом Сената № 153 в 1843 г. произведен в коллежские асессоры со старшинством с 1841 г.

Сверхштатным канцелярским служителем Виленского цензурного комитета был коллежский регистратор Станислав Игнатович Гуца. В 1844 г. ему было 28 лет. Дворянского происхождения, римско-католического вероисповедания. В имуществе имел неразделенное с родней имение Довторы и Новый Двор с 165 душами в Тельшевском уезде.

Окончил Хвалонскую гимназию, с 1835 г. был на службе в канцелярии Виленской палаты Гражданского суда. В 1838 г. перемещен в Виленский губернский межевой суд. По выборам дворянства Тельшевского уезда избран в Виленский губернский межевой суд судьей в 1840 г. С 1841 г. по его прошению был определен в число сверхштатных канцелярских служащих Виленского цензурного комитета без жалованья. По представлению Виленской палаты Гражданского суда указом Сената с 10 апреля 1842 г. был произведен в коллежские регистраторы.

Канцелярским служителем работал Модзелевский Константин Антонович. Дворянского происхождения,

римско-католического вероисповедания, на момент составления отчета ему был 51 год [л. 42]. Он являлся самым опытным служителем канцелярии. После окончания Виленской гимназии он работал помощником частного землемера в Троцком уезде. В 1814 г. предводителем дворянства Троцкого уезда был командирован для сопровождения рекрутского отделения из Вильно в Псков. По возвращении, с 1815 по 1819 гг. был частным землемером Троцкого уезда. В 1817 г. по указу Литовско-Виленского губернского правления занимал должность заседателя Троцкого нижнего земского суда. В 1827 г. вступил в канцелярию Императорского Виленского университета, с 1829 г. был перемещен в Виленский цензурный комитет. В 1842 г. за усердную службу был награжден премией в 90 руб.

Канцелярским служителем в Виленском цензурном комитете состоял Тымовский Юлиан Карлович. На момент составления отчета ему было 26 лет, дворянского происхождения, римско-католического вероисповедания, по семейному положению холост [л. 50]. В имуществе у его родителей в Опшмянском уезде в д. Кушляны числилось 62 души. Окончил Виленскую губернскую гимназию и в 1835 г. поступил на службу сверхштатным канцелярским служителем в Виленский цензурный комитет. В 1840 г. был переведен на должность штатного канцелярского служителя с зарплатой 400 руб. в год. В 1843 г. за успешную службу был награжден премией 50 руб.

Канцелярским служителем Виленского цензурного комитета был также Шостаковский Семен Осипович. Дворянского происхождения, римско-католического вероисповедания, ему было 34 года, был женат [л. 58]. Окончил Виленское уездное училище. В 1831 г. поступил на службу в Виленскую Римско-католическую Духовную Консисторию копиистом,

но в том же году был уволен по собственному желанию. В 1831 г. начал работу в Виленском цензурном комитете канцелярским служителем. За усердную службу в 1843 г. получил премию 50 руб.

Социальный статус работника канцелярии являлся важной составляющей организации функционирования цензурного комитета. Канцелярские работники Виленского цензурного комитета – состоявшиеся чиновники, являвшиеся выходцами из привилегированных сословий, имевшие награды не только за деятельность в сфере цензуры. Высокий уровень образованности и опыт канцелярской работы в других сферах являлись наиболее полезными в сфере цензуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринченко Н.А. Цензоры Вильно XIX и начала XX века : (материалы для биобиблиогр. справ.) / Н. А. Гринченко // Белорусский сборник : ст. и материалы по истории и культуре Белоруссии. СПб., 2005. Вып. 3. С. 209–235.

2. Патрушева Н.Г. История цензурных учреждений в Виленской губернии в XIX – начале XX века / Н. Г. Патрушева // Кнуготура. 2004. Т. 43. С. 58–86. (Совместно с Гринченко Н.А., Измозиком В.С., Эльяшевичем Д.А., Раскиным Д.И.).

3. Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века : биобиблиогр. справ. / Рос. нац. б-ка ; авт. коллектив: О.Ю. Абакумов, В.В. Антонов, Ф.А. Аракелян, Н.А. Гринченко, В.С. Измозик, Н.Г. Патрушева, Д.И. Раскин, В.А. Сомов, И.П. Фут, Д.А. Эльяшевич; рук. работы Н.Г. Патрушева ; науч. ред. Д.И. Раскин ; ред. М.А. Бенина. СПб., 2013. 480 с.

4. Загорнов А.А. Цензурная политика самодержавия в Беларуси в первой половине XIX в. : автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Мн., 1997. 22 с.

5. Журнал Министерства народного просвещения. Октябрь 1866 г. (четвертое десятилетие). Часть СXXXII. СПб.: тип. Ф. С. Сущинского, 1866. 1143 с.

6. Алфавитный список Виленского цензурного комитета // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. Д. 286.

Alena P. Tsumarava,

Ph.D. in History, assistant professor Inter-state educational institution of higher education 'Belarusian-Russian university' (Republic of Belarus)

E-mail: tsumarava.alena@gmail.com

IDENTITY OF A CLERK OF THE VILNA CENSORSHIP COMMITTEE (1844)

The article is devoted to the study of the personality of a clerical worker of the Vilna Censorship Committee. The research is based on a multidimensional approach that takes into account such attributes as origin, education, average length of service in the chancellery, merits in the censorship system and beyond, which together allows to characterize the level of competence of the official. The main employment of officials and the work carried out in addition to service in the office of the censorship committee is investigated.

Keywords: Vilna Censorship Committee, office, secretary, A.I. Vinogradov, S.I. Gushcha, K.A. Modzelevsky, Y.K. Tymovsky, S.O. Shostakovsky.

REFERENCES

1. Grinchenko N.A. Censors of Vilna of the XIX and early XX century : (materials for biobibliogr. reference) / N.A. Grinchenko // Belarusian Collection : articles and materials on the history and culture of Belarus. St. Petersburg, 2005. Issue. 3. P. 209-235.
2. Patrusheva, N.G. History of censorship institutions in Vilna province in the XIX - early XX century / N.G. Patrusheva // Knygotyra. 2004. T. 43. P. 58-86. (Together with Grinchenko N.A., Izmozik V.S., Eliashevich D.A., Raskin D.I.).
3. Censors of the Russian Empire, late XVIII - early XX century : a biobibliographical reference. / Ros. nats. bibliography; author's team: O.Y. Abakumov, V.V. Antonov, F.A. Arakelyan, N.A. Grinchenko, V.S. Izmozik, N.G. Patrusheva, D.I. Raskin, V.A. Somov, I.P. Foot, D.A. Elyashevich ; edited by N.G. Patrusheva ; scientific editor D.I. Raskin ; edited by M.A. Benina. St. Petersburg, 2013. 480 p.
4. Zagornov A.A. Censorship policy of autocracy in Belarus in the first half of the XIX century. Abstract of the dissertation. ... cand. hist. nauki: 07.00.02. Mn., 1997. 22 p.
5. Journal of the Ministry of Public Education. October 1866 (fourth decade). Part CXXXII. St. Petersburg: type. F. S. Suschinsky, 1866. 1143 p.
6. Alphabetical list of the Vilna Censorship Committee // Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1349. Op. 4. D. 286.

УДК 94(470)+726-035.3(470.25)

Пономарев И.И., студент, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Научный руководитель: **Ходаковский Е.В.**, д-р искусствоведения, доц. Санкт-Петербургский государственный университет (Россия).

ДЕРЕВЯННОЕ ХРАМОЗДАТЕЛЬСТВО ВО ПСКОВСКИХ ЗЕМЛЯХ В XVII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

В статье предлагается рассмотрение региональной традиции деревянного зодчества в XVII – начале XIX столетий на территории Псковских земель (Псковщины), то есть земель, исторически относившихся ко Пскову и его пригородам. Затрагиваются ключевые источники по теме, предлагаются хронологические рамки традиции (упомянуты и причины избранных границ). Сделана попытка выделить архитектурные типы, намечена хронология появления типов, иногда их связь культурными явлениями (например, с униатством).

Ключевые слова: русское деревянное зодчество, храмовая архитектура XVII – XIX веков, Псковский регион.

Псковское деревянное храмовое зодчество – самобытная региональная традиция, широко распространённая по пригородам Пскова и по территориям некогда Псковской губернии, а ныне области. В литературе тема освещена лишь эпизодическими статьями краеведческого толка об отдельных памятниках, отсюда возникает необходимость целостного рассмотрения явления.

Временем формирования самобытной среды деревянного храмоздательства во Пскове видится период после Ливонской войны либо после Смуты. В XVI в. многие деревянные церкви самого Пскова (чаще – «обыденные», то есть обетные храмы, возводившиеся «в один день») оказались утрачены вследствие пожаров, а десятки погостных храмов, как можно судить по Писцовым книгам, опустели или были разрушены при нашествии войск Стефана Батория в 1581 – 1582 годах. Например, в «Писцовой книге города Порхова и Порховского уезда» писца Григория Бундудова и подьячего Алабухова 1584 – 1585 годов – обнаруживаются сведения о деревянной церкви Николы Чудотворца «в околородье Порховском Старого городища»: храм был сожжён «литовскими воинскими людьми» [5, л. 5].

Подобного рода записи встречаются на протяжении всей книги – однако архитектурные особенности утраченных памятников в источнике не затрагиваются. Изредка, впрочем, встречаются записи и такого рода: «Село Хтино над озером над Хтином а в нём храм Дмитрея Мученика да на полатех придел Сергии предодобны Радонежский Чудотворец церковь деревянная» – типичная для этой писцовой книги информация здесь дополнена [5, л. 22]. Становится ясно, что храмовое древоделье региона ещё в конце XVI века обращалось к таким решениям, как хоры и приделы на хорах – что выдаёт специфику местного строительства, уже тогда не схожую, например, с северорусской.

Что же до церковного зодчества уже XVII века, то первые свидетельства о нем получаем из материалов путешественников-иностранцев, проезжавших через Псков. Особенную ценность имеют зарисовки Августина фон Меерна (барона Меерберга), посетившего Россию в

1661 г. В своём «Путешествии в Московию» подданный императора Леопольда обрисовывает важную для темы часть маршрута следующим образом: посланцы на пути в Москву прибыли в Печоры, далее во Псков, а из Пскова через Сольцу и по реке Шелонь к Новгороду. Автор «Путешествия» освещает, пусть и слишком обобщённо, церковные интерьеры («образа размещаются по внутренним стенам», «кругом повешанные набожностью частных лиц») [8, с. 50].

Примечательны зарисовки Мейерберга, где зафиксированы деревянные храмы Псковщины, причём обнаруживается несколько типов. Первый тип – храмы прямоугольного плана с двускатными каскадными покрытиями (в Печорах и Дубровно), в обоих известных случаях с одним переломом кровель. По пропорциям эти храмы сравнительно близки жилым зданиям – вертикальная ось не выражена, клинчатых завершений нет. Второй тип (хотя есть сомнения из-за неточности изображений) – двухскатные храмы без каскадных завершений, но со врубленными завершающими объёмами различной высоты. Судя по размерам, объёмы скорее декоративны, нежели конструктивны. Представлен этот тип церковью в Сольцах и постройкой в Кляпово. Врезанные объёмы имеет и первый тип, но в случае с первым типом это очень небольшие и точно декоративные главки – хотя трудно установить, четвериками или восьмериками сделаны срубы этих главок: на рисунках барон «скругляет» и мало прорабатывает форму.

Псковское деревянное храмовоздательство той поры уже знакомо с повалами как приёмом, что можно видеть по завершению сруба церкви Сорока мучеников в Печорах. Отчасти прослеживается подход к пространственному расположению деревянных церквей: вблизи ос-

новой застройки, но часто вне выраженных линий улиц, как бы среди домов (возможно, дело в близости к домам причта). Что же до звонниц, то они в этот период делались как в связи с храмом (выражаясь в дополнительных врубленных главках с запада, по размерам главки невелики), так и отдельно, в виде нескольких деревянных столбов и перекладины между ними (на перекладину вешались колокола).

Известный путь барона Мейерберга позволяет судить о распространённости определённых архитектурных форм именно в пределах речных и сухопутных маршрутов. Интересно, что ближе к Новгороду, начиная с деревни Голино, церкви чаще завершаются той необычной врезной ромбовидной шейкой, которая ни для одной из изображённых деревянных церквей Псковщины не характерна (вероятно, данная форма была специфична в основном для Новгородской земли).

Фиксируются деревянные храмы и в русских визуальных источниках – к примеру, созданная около 1686 – 1689 годов, «Икона Жиглевича» из собрания Псковского Государственного музея-заповедника – «отражает топографическую ситуацию» именно последней четверти XVII века [4]. Из деревянных церквей на иконе представлена только одна – храм близ ансамбля Псково-Печорского монастыря. Церковь Сорока мучеников, если это она, показана с трёх главами и без каскадных завершений – то есть по типу архитектуры, это уже не та постройка, которую зафиксировал Августин фон Мейерберг. Если это не церковь Сорока мучеников, то становится актуальным поиск храмов в Печорах или на погостах близ Печор, которые можно было бы связать с данным неизвестным памятником. Заменить деревянную церковь Сорока мучеников Севастийских новой,

каменной решено было лишь в 1778 г., а до этого никаких письменных сообщений о перестройке церкви встретить не удалось. Подтверждает ли икона, что когда-то между 1661 и 1689 годами церковь перестраивалась? Или же стоит предполагать показанные архитектурные формы обобщением – либо некой переработкой в манере иконописца? Или, наконец, в иконе просто пространственное приближение какой-нибудь погостской церкви к монастырю (возможно, приписанной)? Все эти вопросы среди исследователей, включая Ю.Г. Малкова, обходились стороной – и пока остаются без ответа.

Фиксируется и создание церквей с одинаковыми посвящениями, особенно к 1710 году, когда написана была «Переписная книга г. Великие Луки и Великолуцкого уезда» полковника И.Л. Войейкова. Возможно, новые храмы со старыми посвящениями устраивались для замены обветшавших деревянных (и тогда отметим, что в начале XVIII века принцип возведения новой церкви на прежнем месте, актуальный прежде для средневекового Пскова – если и соблюдался, то не всюду). Или, возможно, перед нами случай временной деревянной церкви около основного места – или, наконец, ситуация двух постоянных храмов с одинаковыми посвящениями на одном погосте? Не зная пока точного ответа, ограничимся примером – цитатой о двух памятниках погоста Дуняни: «Церковь Архистратига Михаила деревянная да на том же погосте, – неразборчиво, – выбучена каменная церковь Архистратига Михаила в приделе Александра Свирского» [6, л. 555].

Видимо, речь о том, что по крайней мере фундамент под новое строение уже заготовлен – не исключим, что отмеченная тут деревянная церковь вскоре оказалась разобрана: появляется причина полагать датой разборки

приблизительно 1710 год. Возможно, замену деревянных храмов каменными стоит связывать с восстановлением региона после оборонительных работ, инициированных Петром I во Пскове и в окрестностях.

Важными источниками по теме деревянных церквей начиная с середины XVIII века представляются фонды Государственного архива Псковской области, в частности фонды 38 (фонд Межевой конторы Псковской губернии), 39 (фонд Духовной консистории Псковской губернии, в котором содержатся помимо прочего – дела о постройке церквей и колоколен, клировые ведомости и близкие к ним документы, описи имущества храмов) и некоторые иные, среди которых – многочисленны фонды отдельных церквей или уездов, часто также демонстрирующие клировые ведомости.

Обратимся к примерам. На листе 70, дела 39, описи 1145 – упомянута церковь Великоустинского погоста Псковского уезда – храм Георгия Победоносца, без придела (наличие или отсутствие придела практически всегда отмечается), деревянная – «побрана с 1759 году» [3, л. 70]. Последняя формулировка нестандартна для ведомостей и не вполне ясна: перенесена ли церковь с другого места, поновлена или же возведена в 1759? Так или иначе, хронологическую границу составитель отмечает.

Там же, на листе 212 читаем о Кулейском погосте Псковского уезда, где стоит Ильинская церковь, твёрдая, деревянная, без придела. Кем и когда храм построен – неизвестно. Одну из хронологических границ в датировке храма предоставляет список документов о церкви, хранящихся в ней же – самой ранней по времени в списке упомянута обыскная книга 1780 года [3, л. 212]. Изредка в клировых ведомостях есть свидетельства о фундаменте храма: на листе 230 [3, л. 230] – сказано о Неру-

котворного Образа в Корытово близ Пскова; церковь деревянная, на каменном фундаменте; также описана история владельцев храма (бывшего домовою церковью). То есть отдельные архитектурные решения памятников, их история и состояние в обобщённой форме освещены в клировых ведомостях.

Важны как источник и межевые карты, преимущественно екатерининского времени. Один из примеров – дело 7 из 34 фонда ГАПО, представленное планом погоста Лакновато Великолукского уезда – с деревянной церковью Богоявления Господня [2]. План датируется 1786 годом. Карта передаёт расположение церкви в селении относительно построек и улиц, водных пространств озера Лакновата и даже сторон света (алтарь скорее на северо-восток, чем на восток), намечены примерные границы погостской ограды. Вероятно, поскольку среди условных знаков не указан крест, а крест на карте может быть принят и как изображение именно архитектурных очертаний, то источник свидетельствует, что в основе плана Богоявленской церкви лежал крест. Карты межеваний обнаруживаются и в РГАДА.

Менее систематизированные, но не менее важные сведения встречаются в «Записках» Леонтия Автономовича Травина, составленных в начале XIX века, в 1806 – 1808 годах, но освещающих погостное деревянное храмоздательства середины XVII столетия [7, 36–129]. Впоследствии получивший дворянские права, выходец из крестьян С.П. Ягужинского повествует в своих «Записках» и о своей службе управляющим в деревне Велье Опочецкого уезда. Л.А. Травин по собственному решению инициировал замену прежнего деревянного храма в Велье на новый каменный [8, 36–129] – но, разбирая деревянную церковь, нашёл на погоревшем месте близ

неё свидетельства её постройки священником Романом Фёдоровым в 1635 году – освящение было означено на доске, прибитой над иконостасными поясами: вероятно, тут прочитываем и частичное указание на тябловый иконостас, и узнаём о разбивавшейся в 1762 году деревянной церкви, и даже о её предшественнице, ещё более ранней деревянной церкви, некогда погоревшей. Вскоре деревянный храм из Велья был пересобран на месте упразднённого монастыря; после переноса храм переосвятили в Преображенский (Крестовоздвиженским стал новый вельский каменный храм); сумма за «строение, тёс и за крышу» составила 150 рублей, а произошло освящение в 1763 году. Любопытно, что в записи Л.А. Травин выделяет связь нового места и с упразднённым монастырём: традиция постановки нового храма на место прежнего здесь прослеживается дважды – и на примере каменного строения, и на примере деревянного.

Судя по сохранившимся и фотографически зафиксированным памятникам, с начала XVIII века в пригородах и окрестностях Пскова распространяются новые типы. Среди них – тип, в котором основной объём представлен клетью, крытой на четыре ската, а трапезная крыта на два ската (церковь Николая в селе Заянье Плюсского района (1699), храм с тем же посвящением на Гавриловой горе в Струго-Красненском районе, 1770 г.). Другой тип – ярусные церкви, верхние ярусы которых представлены ступенчато убывающими восьмериками. Нижние ярусы церквей этого типа иногда крестообразны в плане (утраченная в 1941 году Никольская церковь во Гдове (перевезена в город в 1753 г.), Георгиевская церковь в селе Кицково Себежского района (1703 г. или 1762 г.) – оба этих храма прежде принадлежали униатской церкви и, возможно, традиция нижнего яруса крестом восходит именно к униатской традиции). В других случаях в

основании таких ярусных храмов – четверик (церковь Рождества Богородицы в деревне Коровск Пыталовского района, 1760 г.), церковь Ильи пророка в Ильинском Красногородского района Псковской области, 1717 г.).

Что же до интерьеров, то известно, что в ряде деревянных церквей в середине XVIII века ещё оставались тябловые иконостасы. Таковы были иконостасы старой Крестоводвиженской церкви в Велье (затем Преображенской) и деревянной Никольской церкви Святогорского монастыря (в описи упомянут «врезной» иконостас в два пояса) [1, л. 8].

Запрет 1801 года на деревянное храмоздательство и последующее развитие типовых проектов, не позволил традиции целостно продолжиться до 1825 года.

Источники (сохраненные памятники, фотографии, писцовые книги и клировые ведомости, воспоминания путешественников XVII века, личные записки и прочее) позволяют выявить ключевые тенденции псковского деревянного храмоздательства. В XVII веке удаётся выделить типы клетских церквей с клинчатými завершениями и со врезными завершающими объёмами, в XVIII столетии получают распространение тип с четырёхскатным покрытием и ярусный тип, верхние ярусы которого представлены восьмериками – а нижний либо восьмериком, либо крестообразным в плане объёмом (последний вариант может быть связан с униатской архитектурой). Региональные вариации традиции, многие отдельные памятники, соотношения типов – ещё требуют разработки в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 328. Оп. 1. Д. 9.
2. ГАПО. Ф. 38. Оп. 7. Д. 34.

3. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1145. Д. 1.

4. Малков Ю.Г. План Пскова конца XVII века («икона Жиглевича») // Ямщиков С.В. (сост.). Древний Псков: История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1988.

5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 819.

6. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8401.

7. Травин Л.А., Софийский Л.И. (подг.) «Записки» // Труды Псковского Археологического общества за 1913 – 1914 годы. 1913. Вып. 10. С. 36–129.

8. Шемякин А.Н. (пер.). Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М., 1874.

Ilya I. Ponomarev, Saint Petersburg State University
(Russia).

E-mail: st087891@student.spbu.ru.

Scientific adviser: **Evgeny V. Khodakovsky**, alentino-
vich, Grand PhD in Arts, Assoc.
Saint Petersburg State University. (Russia).

WOODEN CHURCH ARCHITECTURE IN THE LANDS OF PSKOV IN XVII - EARLY XIX CENTURIES

In the article, it is supposed to overview the regional wooden church building tradition in XVII – early XIX centuries in the lands of Pskov. The lands of Pskov are the territories historically associated with Pskov and its suburban cit-

ies. The article touches the main sources on the topic; the chronological framework is suggested (the causes of chosen chronological borders are mentioned). The author makes an attempt to extract the architectural types, outlines the history of the types' appearing, the connection between the types and cultural phenomenon (such as Uniatism).

Key words: Russian wooden architecture, temple architecture in XVII – XIX centuries, the region of Pskov.

REFERENCES

1. State Archive of the Pskov Oblast (GA-PO). F. 328. Op. 1. D. 9.
2. GAPO. F. 38. Op. 7. D. 34.
3. GAPO. F. 39. Op. 1145. Д. 1.
4. Malkov Y.G. Plan of Pskov at the end of the XVII century ("icon of Zhiglevich") // Yamshchikov S.V. (co-author). Ancient Pskov: Is-tory. Art. Archaeology. New researches. M., 1988.
5. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Op. 1. D. 819.
6. RGADA. F. 1209. Op. 1. D. 8401.
7. Travin L.A., Sofiisky L.I. (sub.) "Notes" // Proceedings of the Pskov Archaeological Society for 1913 – 1914 years. 1913. Vyp. 10. P. 36–129.
8. Shemyakin A.N. (per.). Journey to Muscovy of Baron Augustin Mayerberg, member of the Imperial Court Council and Horace Wilhelm Calvucci, cavalier and member of the Government Council of Lower Austria, ambassadors of the August Roman Emperor Leo-Pold to the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich, in 1661, described by Baron Mayerberg himself. M., 1874.

УДК 93/941

Богданова Т.В., заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург).

БЫТ ФИНСКИХ КРЕСТЬЯН ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)

Культура любого народа включает в себя и материальную среду, в том числе жилище, пищу, одежду, все то, что человек использует в своем ежедневном быту. Род деятельности финских крестьян являлся главным фактором, влияющим на развитие их бытового уклада, сказывался он и на обрядах, складывал традиции. В статье описан быт крестьян, проживавших на территории Выборгской губернии в конце XVIII в. Основой изучения быта финских крестьян стало экономическое описание Выборгской губернии, сохранившие в фонде Межевого департамента Правительствующего Сената РГИА.

Ключевые слова: Выборгская губерния, Старая Финляндия, финские крестьяне, материальная культура, жилище, пища, обряды, одежда.

В результате Северной (1700–1721) и Русско-шведской войн (1741–1743) в состав Российской империи вошли финские территории, ранее принадлежавшие Швеции, в результате чего была образована Выборгская губерния. До присоединения финны проживали преимущественно по береговым линиям Ладожского озера и Финского залива, а в конце

XVIII в. внутренние территории Выборгской губернии были заселены уже более плотно. За последнюю четверть XVIII в. население губернии увеличилось почти на 56 000 человек, что было очень существенно. В 1799 г. там насчитывалось 92 574 мужчин, 91 693 – женщин, всего 184 267 человек [5, л. 8 об.]. Сословный состав населения в губернии был следующим: купцов – 376, ремесленников – 167, мещан – 1531, дворовых людей – 199, государственных крестьян – 52 172, удельных крестьян – 1968, экономических крестьян – 7246, помещичьих крестьян – 27 834, не состоящих в окладе и не платящих податей – 1081 человек [5, л. 24]. Таким образом более 96% населения губернии составляли крестьяне.

В Российском государственном историческом архиве в фонде Межевого департамента Правительствующего Сената, высшего органа межевания и высшей судебной инстанции по межевым делам, сохранились атласы губерний и экономические примечания к атласам за 1777–1802 гг. [1, с. 122–123] Среди документов хранится «Описание Выборгской губернии», в котором подробно описан быт финских крестьян в конце XVIII в. [5, л. 1–104 об.]

Суровый климат Финляндии сыграл главенствующую роль в формировании быта ее населения. В конце XVIII в. многие болота были осушены, дремучие леса вырублены. Климат для проживания стал более терпимым. Зимой мороз достигал 30 градусов, иногда и более, летом, особенно в июле месяце, температура поднималась до 26 градусов тепла. Зима длилась с конца октября до конца апреля.

Главным занятием финских крестьян, конечно, было земледелие. Выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречу, горох, бобы, репу, белокочанную капусту, брюкву, лен, коноплю, хмель, земляные яблоки (картофель). В конце XVIII в. финны пользовались трехпольной системой земле-

деля. Первая часть земель засеивалась рожью, вторая – ячменем, овсом, льном, коноплей, горохом и бобами, а третья часть каждый год находилась под паром, т.е. отдыхала [5, л. 11]. Среди крестьян широко были распространены сельские промыслы, они занимались охотой, рыбной и тюленьей ловлей. В свободное от земледелия время финны занимались на работу на пильные мельницы, выжигали смолу, занимались ломкой дикого камня и мрамора, который отвозился в Санкт-Петербург и Кронштадт, и которым благоустраивали берега рек. На продажу в города, в том числе в столицу, финские крестьяне привозили коровье масло, баранье, говяжье и тюленьё сало, хлеб, овес, капусту, репу, дичь, рыбу, хмель и меха. А увозили с собой соль. Специально на продажу крестьяне более ничего не производили, изготавливали одежду и бытовые предметы только для собственного пользования [5, л. 37]. В городах Выборгской губернии на постоянной основе устраивались ярмарки.

Финские крестьяне не были сильно зажиточными, обычно урожая и дохода от промыслов хватало только на то, чтобы оплатить подати и сборы, и содержать себя и свою семью в течение года. Крестьяне, проживавшие на севере Выборгской губернии, из-за частых неурожаев, не всегда могли самостоятельно себя содержать, поэтому жили намного беднее [5, л. 56 об.].

Финны исповедуют евангелическо-лютеранскую веру. После присоединения финских земель к России была создана Выборгская консистория, а впоследствии и Фридрихсгамская. Обе консистории подчинялись Консistorиальному заседанию Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел. После присоединения Новой Финляндии (Великого княжества Финляндского) и объединения ее с территорией Старой Финляндии (Выборгской губернией) была образована Боргоская епархия. До сих пор православ-

ная церковь в Финляндии празднует Пасху и переходящие праздники в одно время с евангелическо-лютеранской церковью Финляндии, чтобы среди населения было меньше противоречий.

Самым чтимым праздником у финских крестьян всегда было Рождество Христово. Испокон веков существовала финская рождественская традиция. Накануне первого дня праздника на крестьянский стол в избе клали большой хлеб, который лежал на столе все дни празднования, и никто из домочадцев не имел права к нему притронуться. Затем этот хлеб бережно хранился в закромах, где находилась рожь до тех пор, пока весной крестьяне не начинали пахать землю. После хлеб съедался.

Рождество Христово праздновалось в кругу ближайших родственников. Рождественские праздники обычно затягивались на 5–6 дней. Самые беднейшие крестьяне, благодаря своим более зажиточным родственниками, в Рождество всегда имели «вино, пиво и мясо без недостатка» [5, л. 22].

Новый год обычно отмечался так же, как и Рождество Христово. По сравнению с ними Святая Пасха и Троица у финнов были в меньшем почете, а 1 и 2 ноября – широко праздновался День жатвы. На этот праздник приглашали всех родственников и друзей.

Финны жили отдельными семействами в небольших деревянных домах, которые располагались на довольно большом расстоянии друг от друга. Дом обязательно стоял на каменном фундаменте, камня в Финляндии всегда было достаточно. Крыша крылась тесом или дранками. Сама изба делилась на две половины широкими сенями. Хозяину дома была выделена небольшая комната, в которой он принимал и угощал гостей. Остальную часть дома занимали домочадцы. В каж-

дой избе обязательно имелись священные книги, которые бережно хранились [2].

Дома зажиточных финских крестьян отличались большим количеством надворных построек. У них имелись не только сараи для скота и хранения корма, но и рига, летняя кухня, баня. Иногда строилось несколько жилых домов, в каждом из которых проживали родственники отдельными семействами. Со второй половины XVIII в. среди зажиточных крестьян становятся популярным строительство двухэтажных домов [3].

В финских домах всегда располагалась большая печь, довольно сложной формы, соединенная с открытым очагом. Печь не только обогревала долгими зимними вечерами семью, на ней финны готовили пищу. Главным пищевым продуктом была рожь. Из нее готовили кашу и пекли хлеб. Хлеб выпекался с отверстием посередине, хлебцы нанизывались на специальный шест, который подвешивался к потолку избы и там хранился. Также употребляли в пищу крестьяне ячмень, картофель и молоко. Мясо употребляли крайне редко [4].

В крестьянском доме хозяйством управлял хозяин и хозяйка. Решения в важнейших делах, касавшиеся земледелия и прочих общественных нужд, без совета с другими старшими домашними приниматься не могли. Общей казной дома заведовал хозяин. Каждая супружеская пара, проживавшая в большой семье, имели также свою малую казну.

Отдельное внимание в «Описании Выборгской губернии», хранящемся в архиве, уделено свадебным обычаям финских крестьян. Молодой финн, когда входил в возраст заключения брака, право выбора невесты предоставлял своей матери, тете или старинной приятельнице дома. Невеста отбиралась по следующим критериям:

здоровье, твердое сложение тела, «добрый и видный рост». Особое внимание обращалась на то, трудолюбива ли молодая девушка. Главным преимуществом, конечно, считалась из какой семьи будущая невеста. А вот на девичью красоту в конце XVIII века обращали внимание очень мало.

Сватовство начиналось с преподнесения избранной невесте небольших подарков: серебряного перстня и денег (около одного рубля), которые мать будущего жениха клала «в пазуху невесты». Если невеста оставляет у себя подарки, значит она была согласна на замужество. Далее совершалось официальное обручение. Обычно оно происходило поздней осенью.

Отец жениха или кто-нибудь вместо него (старший сват или брат, или свояк в лице младшего свата) верхом вместе с женихом приезжали в дом невесты. Подойдя к двери избы, старший сват трижды стучал в дверь кнутом. В ответ с внутренней стороны избы невеста со своим сватом также стучали равномерно кнутом три раза в дверь со словами: «Будьте готовы, друзья!». После этого сваты с женихом входили в дом.

Невестин сват давал младшему свату жениха один конец своего кнута. Младший сват становился по одну сторону от кнута, напротив невесты, а она оставалась на другой стороне. Далее старший сват жениха спрашивал у невесты: «Хочет ли она представленного ей жениха иметь своим мужем с властью над половиной ее постели и блюд?». Такой же вопрос задавал невестин сват жениху. После получения обоюдного согласия, жених давал невесте поверх кнута перстень, а невеста под кнутом передавала жениху шерстяные рукавицы. После этого невеста выходила из «дверей вон». Затем обязательно следовало угощение гостей, и наконец старший сват жени-

ха делал всем в доме небольшие денежные подарки для того, чтобы помочь родственникам невесты в день свадьбы гостям подготовить небольшие подарки для семьи жениха [5, л. 40].

Свадьбу обычно устраивали под Рождество, венчание проходило в последнее воскресенье перед праздником или на другой день после праздника. В церковь жених и невеста приходили в обыкновенной праздничной одежде, без всякого дополнительного убранства. У финнов существовало суеверие: «Кто из них (или жених, или невеста) во время венчания неприметным образом другому наступить может на пята, тот в браке иметь будет господство». Также существовало поверье, что после бракосочетания жених и невеста «неразлучно должны следовать друг за другом чрез три порога, потому что в случае упущения сего опасаются несогласия и раздора в браке». Свадьба не всегда совпадала с венчанием. Праздновать свадьбу могли и спустя несколько недель после него [5, л. 40].

За день до свадьбы жених со своими сватами приехал в дом к невесте, чтобы ее отвезти туда, где жених с приглашенными гостями «тот вечер и следующий день угощаться кушаньем, вином и пивом будет, покуда настанет время отъезда, который так назначается, что они около полуночи или с утра приедут в дом жениха, где и празднуется свадьба».

После ужина невеста готовилась к отъезду. Она сперва шла в баню, а после одевалась в лучшее новое платье, на голову надевала чепец, а на него белый платок, висящий вместо фаты на лице. Все ее вещи укладывались в сани сватами жениха. Когда все к отъезду было готово, невеста сперва на коленях прощалась со своими родителями и получала от них благословение, а после

обнимала и прощалась с прочими домашними и гостями. После этого младший сват вел ее к жениху за стол. За ним все выпивали еще раз за счастье молодых, хозяин дома начинал петь духовные стихи, во время пения сперва старший сват жениха, потом жених и невеста, а следом младший сват, уже ни с кем не прощаясь, друг за другом выходили из избы, садились в сани и отправлялись в дорогу [5, л. 21].

Рассчитывать на имущество родителей невесты жених не имел права, за невесту отдавали лишь небольшое приданное, которое состояло «обыкновенно в одной корове, одной овце, в сундуке, шерстяном одеяле и обыкновенных платьях невесты» [5, л. 20]. Молодая семья впоследствии гостила в семье жены на церковных праздниках: Рождества Христова, Пасхе, Троице и т. д.

После того как жених и невеста прибыли в дом жениха, а гости, после приветствия садились за стол, одна из женщин приносила невесте маленького мальчика, которого сажала ей на колени со словами: «Вот тебе мальчик, будь мать девяти сыновьям и одной дочери!». После, начинался ужин. На следующее утро под духовные песни молодоженов проводжали завтракать, после завтрака молодой жене показывали дом и знакомили с хозяйством. Затем в избу вносили мешок с подарками для новых родственников, и молодая жена начинала их раздавать.

Свекр и свекровь получали рубахи, другим ближайшим родственникам дарили шерстяные чулки, рукавицы и передники, а остальным гостям подвязки и платки из холста. Далее в избу приносили ведро пива, молодой муж наливал пиво в небольшой бокальчик, а его супруга сначала подносила его тому, кому дала первый подарок. Выпив, родственник дарил «по произволу денег» или обещал молодым в ближайшее лето дать корову, овцу и т. д. Таким образом, бо-

кал подносился всем, получившим от новобрачной подарок. Собранные деньги каждый раз громко вслух пересчитывались, кто и какую сумму дарил было известно всем собравшимся. Своему супругу новобрачная последнему подносила бокал, а он, выпив, «обещал ей за то самого себя в собственность». Далее празднование свадьбы продолжалось, иногда свадьбу праздновали еще и на следующий день [5, л. 22].

Воспитанием и обучением крестьянских детей как дома, так и в приходских училищах редко уделялось большое внимание. Дети обучались чтению и «получали соразмерное способностям их наставление в законе» [5, л. 19 об.]. При этом физическому воспитанию уделялось особенное место, благодаря чему дети «с самых юных лет укрепляются и оттого твердое получают телесное сложение» [5, л. 19 об.]. С 7–8 лет крестьянские дети становятся помощниками родителям по хозяйству, около двух лет они пасли овец, потом рогатый скот, а с 14 лет детей привлекали к сельскохозяйственным работам, при этом юноши с 15–16 лет «принимаются за соху» и другие крестьянские работы.

В «Описании Выборгской губернии» уделено внимание и одежде финских крестьян. Большая часть финского населения Выборгской губернии носила карельское платье. Все, что было для него необходимо, изготовлялось в каждой избе самостоятельно. Мужчины одевались в серые кафтаны сермяжного сукна (грубого толстого сукна из простой шерсти) без фалд по сторонам, овчинные шубы, холстяные балахоны, длинные до самых пят висящие штаны, также изготовленные из сермяжного сукна, или из холста, чулки и полусапоги.

Одежду обязательно подвязывали кожаными поясами, которые украшали медными пряжками. Рубахи не имели воротников и не в ходу были нашейные платки

[5, л. 22 об.]. Зимой носили шапки, подбитые мехом, а летом белые шерстяные вязанные колпаки или шляпы с низкой тульей и опущенными полями. Вокруг тульи обвязывали красную или другого цвета ленту.

Финские крестьянки одевались почти как мужчины. Они носили кафтаны, но не такие длинные, как у мужчин, шубы, балахоны, чулки, башмаки, опоясывались кожаными поясами, обшитыми или синим, или красным сукном, и украшенными литыми оловянными бляшками. К поясу прикреплялся крючок, на котором впереди висел в медном кольце игольник и нож в кожаных ножнах. На женских рубахах внешняя обшивка была сделана из синей или красной шерсти, а на груди застегнута большой широкой серебряной пряжкой. Также в некоторых селениях женщины носили на плечах полушерстяные полосатые епанчи (длинный широкий плащ без рукавов), перевязанные широкими шерстяными лентами таким образом, что эти ленты сходились на груди крестообразно.

Волосы на голове у женщин были разделены ровным пробором. Каждая часть волос обвязывалась лентой, потом обе были завернуты по голове в кружок так, что на узел они завязывались на затылке. Оба конца ленты украшались большими красными, синими и белыми шерстяными кистями, длиной около трех вершков, которые свисали по спине. На связанных таким образом волосах женщины носили большой четырехугольный белый холстяной платок, сложенный в треугольник и завязанный так, что один угол висел внизу по спине, а два других угла, были завязаны к затылку узлом. Зимой женщины надевали сверх платка еще платок, обшитый кружевами собственной работы.

Обязательным атрибутом одежды финских крестьянок являлся короткий белый передник, обшитый по нижнему краю кружевом. На шее они носили большие хрустальные бусы в несколько ниток.

Незамужние девушки одевали также, как и замужние, с одной лишь разницей, что они не носили на голове платка и вообще ничем голову не покрывали, завязывая волосы на голове в кружок и украшая их разноцветными лентами [5, л. 23 об. – 24].

Сохранившиеся в РГИА «Описание Выборгской губернии» [5] позволяет заглянуть в прошлое и помогает понять эволюцию общества, культуры и традиций финский крестьян, раскрывает их бытовую жизнь. Без этих сведений грамотно управлять территориями Выборгской губернии в конце XVIII в. было бы очень сложно, а их изучение в современности дает возможность лучше понять политику, проводимую российскими императорами, по сохранению этнической идентичности финского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив: Путеводитель: в 4 т. 2-е издание, дополненное и исправленное – Т. 1: Фонды высших государственных учреждений. СПб.: Лики России, 2012. 240 с.

2. Из истории финского жилища. [Электронный ресурс] <https://e-finland.ru/info/history/iz-istorii-finskogo-zhilischa.html?ysclid=lompxj6v649619384><https://e-finland.ru/info/history/iz-istorii-finskogo-zhilischa.html?ysclid=lompxj6v649619384> (дата обращения: 15.09.2023).

3. Крестьянское жилище финнов. [Электронный ресурс]. <http://www.arhplan.ru/history/building/krestyanskoe-zhilische-finnov> (дата обращения: 15.09.2023).

4. Меч С. Финляндия. Пища. [Электронный ресурс] <https://old-cookery.livejournal.com/368757.html> (дата обращения: 15.09.2023).

5. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 200 – Описание Выборгской губернии. [1800 г.].

Tatyana V. Bogdanova,
Deputy Head of the Department of Information and Scientific Use of Documents
of the Russian State Historical Archive (Russia),
E-mail: taitiana@yandex.ru

**EVERYDAY LIFE OF FINNISH PEASANTS IN
VYBORG PROVINCE
IN THE END OF THE XVIII C.
(BASED ON THE MATERIALS OF
THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE)**

The culture of any people includes the material environment, including housing, food, clothing, everything that a person uses in his daily life. The type of activity of Finnish peasants was the main factor influencing the development of their way of life; it also affected rituals and formed traditions. The article describes the life of peasants living on the territory of the Vyborg province at the end of the 18th century. The basis for studying the life of Finnish peasants was the economic description of the Vyborg province, preserved in the fund of the Land Survey Department of the Government Senate of the Russian State Historical Archive.

Key words: Vyborg province, Old Finland, Finnish peasants, material culture, housing, food, rituals, clothing.

REFERENCES

1. Russian State Historical Archive: Guide: in 4 volumes. 2nd edition, supplemented and corrected - Vol. 1: Funds of higher state institutions. – St. Petersburg: Faces of Russia, 2012. 240 p.
2. From the history of Finnish housing. [Electronic resource] <https://e-finland.ru/info/history/iz-istorii-finskogo-zhilischa.html?ysclid=lompdxj6vb649619384>
3. Finnish peasant dwelling. [Electronic resource]. <http://www.arhplan.ru/history/building/krestyanskoe-zhilische-finnov>
4. Sword S. Finland. Food. [Electronic resource] <https://old-cookery.livejournal.com/368757.html>
5. RSHA. F. 1350. Op. 312. D. 200 - Description of the Vyborg province. [1800].

РАЗДЕЛ II

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

УДК 94(100)"1914/1919"+356.2+002(05)

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия).

ПЕЧАТЬ И ВОЕННАЯ ЦЕНзуРА В ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Автора прежде всего интересует не общепринятый механизм принимаемых оценок, и она акцентирует свое внимание не столько на показе элементов возможного искажения реальности из-за цензурных вмешательств в деятельность печати, сколько на поиске новых сложных контекстов Первой мировой войны, дающих возможность расширить представление о самых разных составляющих ее реалий. В данном случае речь идет о специфике взаимоотношений цензуры и печати на трансграничных территориях. До сих пор многие из этих аспектов не получили заслуженного изучения, поэтому главное внимание уделе-

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900) «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)».

но возможностям, которыми обладала в рассматриваемый период периодическая печать в деле формирования суждений и оценок в сфере наиболее значимых и актуальных проблем, событий и фактов.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, Великое княжество Финляндское, периодическая печать, трансграничные территории, военная цензура.

В последнее время, на фоне расширения тематического и концептуального спектра исследований, становится еще более очевидной необходимость объединения усилий представителей разных научных направлений для реализации междисциплинарных проектов. Особенно это актуально для изучения особенностей становления и существования трансграничных территорий в рамках различных государственных образований [1].

«Трансграничье» (приставка «транс» – от лат. *trans*, через, за) изначально понималось, как территория, объединяющая приграничные области двух и более государств, в рамках которой происходили и происходят политические, экономические, культурные и другие формы взаимодействия. Очевидно, что такое понимание относится ко времени становления современных национальных государств и, соответственно, определения их государственных границ, которые с учетом часто меняющейся геополитической обстановки, также соответственно видоизменялись. При этом население приграничной территории, испытывая многовекторное влияние граничащих между собой политических образований, вырабатывало особую форму бытования, элементы которого сохранялись во времени.

Таким образом, транграничный регион – это феномен, который возник в результате сложных, взаимовлияющих процессов в прошлом, т. е. имеющий определенную историю, что предполагает его изучение в аспекте исторической науки.

Необходимо отметить, что изучение истории феноменов, возникавших и развивающихся в трансграничье, только начинает привлекать внимание исследователей. Для воссоздания подлинной картины происходивших на трансграничных территориях процессов необходимо использовать не только междисциплинарные методы исследования, но расширять объем вводимого в научный оборот источникового материала. В рамках данной статьи объектом изучения становится периодическая печать, ее особенности функционирования в условиях военной цензуры, которая с началом Первой мировой войны вводилась во всех странах – участницах конфликта (даже в тех, в которых она была запрещена).

В России «Временное положение о военной цензуре» в условиях войны начало свое действие с 20 июля 1914 г. и среди важных ее предписаний для фронтовых, армейских и окружных штабов выступала проверка всех материалов, отправляемых в периодические издания и получаемые от них в прифронтовых районах [3, № 192, ст. 2057].

Необходимость военной цензуры была очевидна, поэтому она и применялась всеми воюющими государствами. Однако при этом никак не исключалась и велась борьба против ее очевидных недостатков и издержек с точки зрения вмешательства в политическую жизнь страны. Точнее, в те ее направления, которые никак не были связаны с задачами сохранения военной тайны.

В тех регионах Российской империи, которые являлись трансграничными, деятельность военной

цензуры и ее взаимоотношения с печатью имели свои особенности [2].

Наиболее показателен в этом аспекте пример Великого княжества Финляндского, территория которого не представляла стратегического интереса, так как достаточно скоро после начала войны стало очевидным, что боевые действия здесь вестись не будут. Однако граница между Финляндией и Швецией с начала военных действий становилась чуть ли не единственным сухопутным коридором между Российской империей и Европой, поэтому контрразведки противоборствующих держав прикладывали значительные усилия: с одной стороны, чтобы создать агентурную сеть на ее территории, с другой – чтобы обезвредить ее.

Другой особенностью Великого княжества Финляндского, которую необходимо было учитывать при организации здесь военной цензуры, было наличие определенных сепаратистских настроений среди местного населения, которое проявилось в возникновении «егерского движения». Главной целью сепаратистов было получение независимости Финляндии в результате вооруженного восстания, организованного при помощи Германии [3, с. 131-147]. Соответственно военной цензуре необходимо было прилагать особые усилия чтобы выявить материалы, которые могли подпитывать «автономный сепаратизм», недопустить их появление в печати.

Однако, как показало исследование, в ходе реализации этой задачи возникали многочисленные трудности. Военное командование, точнее, штаб 6-й армии, в чьем подчинении находилась Особая финская военно-цензурная комиссия, испытали большие кадровые проблемы. Согласно Временному положению о военной цензуре, военными цензорами могли быть или отставные военные, или государственные

служащие, причем в Финляндии из них предпочтение отдавалось русскоязычным, но знавшим иностранные и местные языки [5, л. 221].

Студенты Гельсингфорского университета, которые были первоначально привлечены к цензурованию писем и периодической печати, были отстранены, под влиянием традиционного недоверчивого отношения к студенческой молодежи. Работники финляндской администрации и русские учителя были загружены работой и не соглашались на дополнительные занятия в цензуре из-за нехватки времени, или же из-за небольшого жалования. Эвакуированные по ранению офицеры по состоянию здоровья не могли прибывать продолжительное время в Финляндии из-за необходимости периодически проходить медицинское обследование в Петрограде. Севернее Гельсингфорса кроме русских войск, единичных чиновников и представителей духовенства и жандармских учреждений практически не проживало русское население. Здесь к работе военной цензуры приходилось привлекать делопроизводителей воинских начальников и младших служащих жандармерии [5, л. 226].

Кадровый дефицит, а также поставленная руководством задача уменьшить количество финнов-цензоров, предопределили привлечение к работе в военную цензуру женщин, прежде всего «русских женщин патриотов, вдов, сирот офицеров, служивших в Финляндии» [5, л. 312].

Международные транзитные почтовые отправления не проверялись финской цензурой, они подвергались досмотру в Петрограде. Однако в Финляндии цензурировались письма, посылки, присылаемые с фронта и из-за границы местным жителям. Согласно воспоминаниям полковника Д.Л. Казанцева, служившего в годы войны в морской контрразведке в Финляндии, уже за

два месяца работы здесь было задержано несколько писем германских шпионов [4, с. 220].

Цензурирование печати также вызывало немалые сложности, в том числе из-за довольно большого количества периодических изданий, которых насчитывалось несколько десятков. Значительная часть из них издавалась на финском и шведском языках. Военные цензоры должны были не только знать местные языки, чтобы разобраться с контентом предъявляемых для проверки материалов, но и для выявления нарушений ориентироваться в текущем положении дел во внутренней и внешней политике, что не всегда удавалось, учитывая их относительную удаленность от центров принятия решений.

В свою очередь, редакторы финских газет зачастую шли на нарушение и публиковали запрещенные материалы. Последующие разбирательства демонстрировали неприятие ими положений, ограничивающих свободу слова, к которой они привыкли за многие годы относительной автономии. Тем не менее, только в августе 1914 г. против финляндских газет было возбуждено 12 дел.

Таким образом, даже краткая оценка ситуации, связанной со спецификой отражения социальных процессов в периодической печати периода Первой мировой войны, особенно на трансграничных территориях, показывает необходимость более детального рассмотрения истории этих регионов с точки зрения участия их в общегосударственных процессах.

Пресса в период Первой мировой войны являлась главным средством всеобщего вовлечения населения для участия в решении проблем, возникавших во всех странах, вступивших в войну. Она, являясь основным информационным каналом, должна была способствовать распространению и упрочению необходимых общественных настроений.

ний и играла заметную роль не только в процессе информирования общества, но и при выработке новых представлений о сложившейся действительности. Государство при этом достаточно реально оценивало ее роль и пыталось направить деятельность прессы в нужное для себя русло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферова И.В., Блохин В.Ф. Историографический аспект общественно-политических настроений и практик периода Первой мировой войны // Вопросы истории. 2022. № 5 (2). С. 129-139.

2. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3(61). С. 29-43.

3. Васара В.Т. «Новый» активизм в Финляндии в годы Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Тринадцатой ежегодной научной конференции (5-7 апреля 2011 г.). СПб., 2012. 392 с.

4. Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914-1917. М., 2016. 320 с.

5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488.

6. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914.

REFERENCES

1. Alferova I.V., Blokhin V.F. Historiographic aspect of socio-political attitudes and practices of the period of the First World War // Voprosy istorii. 2022. № 5 (2). P. 129-139.

2. Blokhin V.F. Military censorship of the Minsk Military District and the beginning of the First World War // New Historical Bulletin. 2019. № 3 (61). P. 29-43.

3. Vasara V.T. "New" activism in Finland during the First World War // St. Petersburg and the countries of Northern Europe: Proceedings of the Thirteenth Annual Scientific Conference (April 5-7, 2011). St. Petersburg, 2012. 392 p.

4. Kazantsev D.L. Memories of service in Finland during the First World War. 1914-1917. M., 2016. 320 p.

5. Russian State Military History Archive (RGVIA). F. 2003. Op. 1. D. 1488.

6. Collection of decrees and orders of the Government, published under the Governing Senate. 1914.

THE PRESS AND MILITARY CENSORSHIP IN CROSS-BORDER AREAS: PECULIARITIES OF INTERACTION DURING THE FIRST WORLD WAR

The author is primarily interested not in the generally accepted mechanism of accepted assessments, and she focuses her attention not so much on showing elements of possible distortion of reality due to censorship interventions in the activities of the press, but on the search for new complex contexts of the First World War, which provide an opportunity to expand the understanding of the most diverse components of its realities. In this case, we are talking about the specifics of the relationship between censorship and the press in cross-border territories. So far, many of these aspects have not received the study they deserve, so the main attention is paid to the opportunities that the periodical press had in the period under consideration in forming judgments and assessments in the sphere of the most significant and topical problems, events and facts.

Keywords: Russian Empire, World War I, Grand Duchy of Finland, periodicals, cross-border territories, military censorship.

Irina V. Alferova

Doctor of History, Professor, Department of National
History

Bryansk State University (Russia)

alferovairi@yandex.ru

УДК 94(100) "1914/1919"+356.2

Блохин В.Ф., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия).

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В статье рассматриваются проблемы трансграничных территорий, проявившиеся в годы Первой мировой войны. Речь в первую очередь идет не о территориальных аспектах, а о социокультурных обстоятельствах, влиявших на формирование информационного пространства, связанного с войной. Российская периодическая печать в условиях сложной организационной системы военной цензуры была все же в состоянии решать комплексные задачи информирования тыла о проблемах масштабной войны. Рассмотренные в статье примеры проливают свет на особенности взаимодействия редакций газет и отдельных корреспондентов с органами военной цензуры.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, периодическая печать, трансграничные территории, военная цензура, информационная сфера.

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900) «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

На протяжении длительного времени одна из ведущих ролей в осуществлении общественной функции публичных комментариев важнейших событий, имевших социальную значимость для государства, диалога между правительством и обществом, принадлежала периодической печати. Именно этой важнейшей функции российской прессы периода Первой мировой войны посвящена эта статья, но не только...

В истории любого крупного периода развития Российской империи существовал конфликт между личностью и властью, обществом и государством. На отдельных стадиях, в первую очередь связанных с крупными изменениями в жизни страны, он проявлялся со всей очевидностью, в других случаях не был столь заметен, но всегда выступал в качестве важнейшей составляющей общественного развития. Именно поэтому на каждом историческом этапе формировалась особая модель государственного управления, которой были свойственны своеобразные средства и методы, используемые государством для решения главной задачи – управляющего воздействия государственных структур на общество.

Успех реализации поставленных проблем зависел от множества факторов объективного и субъективного свойства, поэтому совокупные свидетельства господства государства над обществом при помощи относительно слаженной, направленной на это системы, в полной мере соотносятся с проявлениями закоснелости, всевозможных сбоев и неувязок, активного или пассивного сопротивления со стороны самых различных слоев населения и даже тех, кто входил в состав самих государственных институтов. Соответственно разнообразие высказываемых мнений в средствах информации, расширение публичной сферы, в которой можно было услышать не

только «голос государства», приводил к росту общественного самосознания, формированию национальной идентичности.

При анализе истории взаимодействия государства и печати в России определяющим тезисом в отечественной историографии долгое время являлось утверждение о том, что правящие силы полностью (или почти полностью) контролировали средства информации, а те, в свою очередь, активно этому сопротивлялись. Иными словами, эти отношения представлялись в виде постоянного противостояния и активной борьбы двух непримиримых сторон. Между тем, их характер отличался большей сложностью и не был одинаковым на различных этапах.

В этих условиях особое значение приобретали возможности саморазвития, которые в свою очередь зависели от наличия массового читателя и перспективы формирования при помощи печати информационного пространства. Активный интерес россиян к событиям, происходившим в годы Первой мировой войны, оптимизировал эти требования и создал уникальные возможности, которые, однако, были ограничены военной цензурой и строгостями введения военного положения. Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, гласили: «Во время войны, мобилизации и демобилизации местности Российского государства, входящие в район театра военных действий, или же имеющие для военных интересов государства особо важное значение, могут быть объявляемы состоящими на военном положении» [6, д. 89, л. 12]. Помимо обеспечения порядка на подконтрольной территории, здесь вводилась военная цензура в полном объеме [7, д. 715, л. 1], что предусматривало просмотр всей внутренней и

международной корреспонденции, «печатных изданий, эстампов, рисунков, фотографических снимков, конспектов публичных речей и докладов» [10].

Изучение трансграничных территорий является относительно новым направлением научных исследований и для России весьма актуальным не только с точки зрения комплексных географических и экономических вопросов, но и, вероятно, еще в большей степени в сфере проблем политических, социально-культурных и, наконец, исторических. От позиции политической власти напрямую зависели правила существования и перспективы развития трансграничности, а в условиях Первой мировой войны для части этих территорий, превратившихся в прифронтовые – сохранения в старых пределах.

«Солдаты, генералы, пехотинцы, автомобилисты, лётчики, свистки мотоциклеток, гудки автомобилей, эшелоны с войсками на вокзале, где постоянно давка и нет мест. Неужели это тот Псков, в котором десять месяцев назад на главных улицах самыми элегантными кавалерами были одни почтово-телеграфные чиновники?» – таково описание одного из прифронтовых городов, кардинально изменивших свой облик в условиях войны. В приведенной выдержке из статьи в газете «День» были перечислены и другие города Российской империи, сохранившие на тот момент, в отличие от переходящих из рук в руки населенных мест Царства Польского, статус «ближайших городов тыла» [2]. Среди них значились Минск, Двинск, Рига, Киев, Каменец-Подольск и все они имели общие отличавшие их от других городов черты: на всех улицах преобладал защитный цвет, переполненность военными, в гостиницах не было свободных номеров, во всех магазинах предметы для военных, почти на каждой улице учреждения с вывесками военного характера, на то-

варной станции мешки, повозки, санитарные двуколки, горы мотков колочей проволоки [9, д. 448, л. 15].

Даже из этого краткого описания следует, что часть прифронтового приграничья с самого начала войны превратилась не только в материальную базу, благодаря которой происходило снабжение фронта необходимыми ресурсами, но и в центры военного и гражданского управления территориями, которые ранее имели подчиненное значение. Движение фронтов изменило и окружающую систему, созданную до начала войны. Бывшие Виленский и Варшавский были включены в образованные в двадцатых числах июля 1914 г. Двинский и Минский [5, д. 1851, л. 7]. Причем в состав, например, тыловых районов Минского военного округа вошли территории Орловской, Тверской, Калужских губерний, находившихся весьма далеко от непосредственных военных событий.

Прифронтовое пригранижье превратилось также в особый центр притяжения основных сил, обеспечивавших публичность проводимой государственной политики [11]. Условия войны позволяли, благодаря принятому 20 июля 1914 г. Временному положению о военной цензуре, во многом ограничивать освещение принимаемых политических решений. Однако, поскольку эти распоряжения позиционировались как считавшиеся с интересами общества, то они подлежали, пусть и с большими ограничениями, общественному контролю, без которого во многих случаях была невозможна их легитимация, а шире – легитимность самой власти. Для российских властных структур, после некоторых сомнений и попыток урезаний возможностей участия прессы в решении этих проблем, стало очевидно, что без информационного освещения со стороны периодических изданий обойтись будет сложно.

Попытки представить полученную из разных доступных источников информацию в виде репортажей собственных корреспондентов с места событий, решительно пресекались военными властями. «В виду того, что по повелению Верховного Главнокомандующего, – говорилось в телеграмме, направленной в штаб Главнокомандующего армиями Западного фронта, – корреспонденты в действующую армию не допущены, появление в печати корреспонденции из действующей армии не допустимо» [8, д. 896, л. 29].

В итоге проявилось недовольство прессы, связанное с желанием выйти за рамки установленной системы общения с «авторитетными источниками информации» из Главного управления Генерального штаба, находившегося в Петрограде, и установить непосредственную связь со Ставкой (с начальником штаба генералом М.В. Алексеевым), через что «поднять доверие общества к печати» [3, с. 84]. В значительной степени решить проблему оживления информации, поступавшей с фронта и сделать ее более достоверной призваны были военные корреспонденты.

В конце сентября 1914 г. последовало особое разрешение Верховного главнокомандующего, предусматривавшее коллективное посещение журналистами отдельных участков фронта. Для этого был намечен специальный маршрут при сопровождении штабных офицеров. В 1915 г. происходили и индивидуальные визиты корреспондентов в прифронтовые районы.

Таким образом, в первые два года войны в непосредственной близости от военных действий получил оформление процесс становления традиций новых форм общения военных властей и представителей российских и зарубежных изданий. В качестве общей тен-

денции при этом, несмотря на опеку со стороны армейских штабов, можно назвать превышающий дозволенные рамки доступ периодических изданий к источникам информации. Главным образом это происходило за счет индивидуальных способностей журналистов, прилагавших активные усилия для добычи и трансляции интересных, живых новостей.

Еще одной особенностью выступало сознательное, с учетом ограничений, которые вносила военная цензура, сдерживание (приглушение) описаний происходивших военных событий. Помимо осуществляемого негласного наблюдения, обязательную проверку проходили корреспонденции для газет, отправляемые фотографии. В итоге в умеренных тонах велась речь о сложностях фронтовой обстановки, трудностях и лишениях службы. Впрочем, возникали также ситуации, которые не вписывались в установленные правила.

В качестве примера можно привести информацию из газеты «Виленский листок» со ссылкой на петроградское «Новое время». Там была опубликована статья под названием «Газетные мародёры»: «Война родит героев, она объединяет, но, с другой стороны, она порождает мародёров, и что хуже всего, даже мародёров печати» [1]. Приводился пример статьи с крупным заголовком «Последние телеграммы», в которой одна из таких «мародёрствующих газет» оповещала: «Япония объявила войну Германии»; «Гибель 40 военных судов Германии»; «Сербы обратили в бегство австрийскую дивизию»; «Италия отказалась воевать с немцами». А дальше шли самые невероятные телеграммы из Парижа, Рима, Брюсселя, Копенгагена, Токио и прочих городов с одним «откровенным» заголовком – «От собственного корреспондента». Практически газета сама сообщала о том, что у

неё в редакции сидит «не разбирающийся в средствах господин», который строчит телеграммы со всех концов мира. Другое издание сообщало о морском бое и на следующий день после думского заседания успела уже получить обширные корреспонденции из Брюсселя, Парижа, Рима и Лондона о том впечатлении, какое произвели депутатские речи в Таврическом дворце [1].

Само по себе посещение прифронтовых районов не обеспечивало достоверности информации. Так, по словам известного историка русской журналистики, штабс-капитана Михаила Константиновича Лемке, служившего в тот период военным цензором в Ставке Верховного главнокомандующего, корреспондент московской газеты «Русское слово», например, посылал в редакцию материал о жизни армии в форме телеграмм, выдавая сведения двухмесячной давности, почерпнутые из иностранных газет, за самые последние новости [3, с. 574]. Однако здесь речь шла о недобросовестности журналиста, а не о потенциальной возможности получения достоверной информации.

Вместе с тем использовались многочисленные попытки обойти эти запреты, подтверждением чему служат новые распоряжения военных властей. Например, было отдано распоряжение для служащих железных дорог под угрозой увольнения и предания суду не принимать и не доставлять любые письменные сообщения из фронтовых районов, поскольку некоторые корреспонденты пользовались для отправки своих сообщений в московские и петроградские газеты не почтой, а кондукторскими бригадами, минуя цензурные отделы [8, д. 896, л. 151]. Широко использовались возможности опросов военнослужащих, оказавшихся в командировке, в отпуске, в увольнении или в госпитале, и на этот счет также предпринимались ограничительные меры воен-

ного командования. Однако, судя по рассылке в адрес военно-цензурных отделений специальных сведений по вопросу о пребывании посторонних лиц на этих территориях [4, д. 1484, л. 218], многочисленные преграды, создаваемые для проникновения в фронтовые районы, успешно преодолевались.

Все эти сложности приходилось преодолевать практически ради одной цели – для получения более или менее достоверной информации, которая затем проходила при пересылке в редакцию дополнительную проверку и утверждалась в виде гранок статьи при помещении в номер газеты. Однако, несмотря на все эти трудности, в конечном итоге читатель мог получить информацию, близкую к отраженным в ней реалиям, а, благодаря многочисленным подробностям, сопровождавшим излагаемую проблему, создавал иллюзию или реальное отражение освещаемого вопроса. Решающую роль в этом играл «эффект присутствия» в районах, максимально приближенных к военным событиям, совпадавшими с пределами трансграничных территорий.

Таким образом, история взаимоотношений отечественных средств информации с государственными органами не сводилась к отчаянному противодействию или кроткому смирению перед суровостями цензуры. Специфические условия, основанные на отсутствии равенства прав сторон, в которых существовала российская печать, отличались не в лучшую сторону в сравнении с обстановкой бытования западноевропейской прессы. Однако они всё же давали возможность не только для ее функционирования, но и для отстаивания определенных принципов, которыми руководствовались те или иные издания, а подвижные из-за борьбы за контроль над ними трансграничные территории, служили основой формирования информационной сферы на территории империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газетные мародёры // Виленский вестник. 1914. № 3348. 2 августа.
2. День. 1916. № 150. 3 июня.
3. Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. 859 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1.
5. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1.
6. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1.
7. РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1.
8. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 2.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1914. Отдел I. № 192. Ст. 2057.
11. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4 (54). С. 7–15.

Valerij F. Blokhin,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia).

E-mail: blohin.val@yandex.ru

CROSS-BORDER TERRITORIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CONTEXT OF MILITARY CENSORSHIP DURING THE FIRST WORLD WAR

The article deals with the problems of cross-border territories manifested during the First World War. It is not primari-

ly about territorial aspects, but about socio-cultural circumstances that influenced the formation of information space related to the war. The Russian periodical press under the conditions of a complex organizational system of military censorship was still able to solve complex tasks of informing the home front about the problems of a large-scale war. The examples considered in the article shed light on the peculiarities of interaction of newspaper editorial offices and individual correspondents with the military censorship authorities.

Keywords: Russian Empire, World War I, periodicals, cross-border territories, military censorship, information sphere.

REFERENCES

1. Newspaper looters // *Vilensky Vestnik*. 1914. No. 3348. August 2.
2. *Den*. 1916. No. 150. June 3.
3. Lemke M. 250 Days in the Tsar's Bet (September 25, 1915 – July 2, 1916). Pg., 1920. 859 p.
4. Russian State Military History Archive (RGVIA). F. 2003. Op. 1.
5. RGVIA. F. 2000. Op. 1.
6. RGVIA. F. 2005. Op. 1.
7. RGVIA. F. 2019. Op. 1.
8. RGVIA. F. 2048. Op. 1.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 778. Op. 2.
10. Collection of decrees and orders of the government, published under the Governing Senate. 1914. Division I. No. 192. Art. 2057.
11. Alferova I.V. Military censorship practices during the First World War (on the materials of the Grand Duchy of Finland) // *Bulletin of Bryansk State University*. 2022. № 4 (54). P. 7-15.

УДК 94(100)"1914/1919"+355.40+002(05)

Свиридова А.С., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ВЛИЯНИЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ ЦЕНЗУРЫ НА ПЕРИОДИЧЕСКУЮ ПЕЧАТЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В статье предпринят анализ материалов периодической печати стран-участниц Первой мировой войны. Значительная часть газетных материалов этого периода подвергалась предварительной цензуре, в результате чего многие темы удалялись из печати, оставляя в результате на страницах изданий «белые пятна». Автором статьи осуществлен анализ влияния военной цензуры с точки зрения ее предпочтений при выборе тем публикаций, подвергнутых в наибольшей степени изъятиям. Предпринята попытка выяснить причины действий цензоров, показано влияние результатов деятельности цензуры на периодическую печать Первой мировой войны. В статье также проанализировано, какие темы и по каким причинам чаще всего подвергались превентивной цензуре среди периодической печати стран-участниц Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная цензура, превентивная цензура, периодическая печать, «белые пятна».

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900) «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

С введением цензуры в Европе во время Первой мировой войны пресса получила многочисленные цензурные инструкции, которые носили временный или постоянный характер. В дальнейшем эти инструкции сводились в единые цензурные книги, которые дают возможность более подробно рассмотреть особенности трансляции информации о театре военных действий на страницах периодической печати стран-участниц Первой мировой войны в условиях превентивной (предварительной) цензуры.

Число актуальных вопросов, подверженных ограничениям в освещении со стороны военной цензуры, было весьма велико, но различалось по своей направленности и численности во всех воюющих странах. Время от времени могли меняться и инструкции относительно запрета на освещение в печати различных актуальных вопросов, вызванных войной. Как правило, в наибольшей степени ограничения касались событий, которые могли, по мнению военной цензуры, вызывать среди населения тревожные настроения. Не допускались к публикации или смягчались с точки зрения остроты поставленных в газетных статьях вопросов, сообщения о забастовках и о других трудовых конфликтах, о демонстрациях, мятежах, недовольствах, вызванных продовольственным снабжением. Особое внимание было также направлено на освещение различного рода мирных инициатив, настроений, связанных с сомнениями в предстоящей победе.

Исследованием особенностей функционирования военной цензуры в период Первой мировой войны занимались отечественные и зарубежные ученые [1, 3, 4, 5, 6].

Исходящие от иностранных корреспондентов сообщения фильтровались цензорами так, что, например,

прогерманские газеты в Южной Америке теряли 50-80 процентов своих сообщений. Газеты, выходившие из Соединенных Штатов, также подвергались цензуре, чтобы не создать неправильного впечатления о своей стране и не вызвать антагонизма в отношении иностранных государств. Так, все новости с европейского театра военных действий в Соединенные Штаты проходили через Великобританию. Связано это было с тем, что с началом военных действий британцы перерезали немецкие морские кабели, взамен которых стали использоваться британские. Разумеется, вся информация, поступающая в Великобританию и уходящая из страны, подвергалась цензуре. Поэтому сведения, поступающие в США, уже были проверены и отобраны с необходимыми ограничениями на основе британских цензурных правил. Однако это обстоятельство не исключало деятельность американских цензоров. Если сообщение казалось сомнительным, они передавали его в редакции газет, но сопровождали предписанием о нежелательности его публикации. За некоторыми исключениями, газеты соглашались с такого рода наставлениями.

Наиболее жесткая цензура, не связанная с необходимостью столь категоричных ограничений, практиковалась во Франции и Италии: газеты должны были быть представлены для цензуры заранее. Как правило, французский цензор отмечал сомнительные строки, часто целые отрывки, а затем печатник должен был *écherper*, то есть вырезать из клише на печатных машинах цензурированные отрывки, которые затем появлялись в виде пустых мест на страницах газет. Французские цензоры применяли впечатляющий набор запретительных штампов: от «разрешено», «пропущено», «отложено», «не пропускать», «приостановлено», «запрещено» до «не

пропускать ни за какие деньги», «будет изъято в случае нарушения» и «должно быть изъято».

В сомнительных случаях французские цензоры могли изменить свое мнение и временно ограничить информацию до новых указаний вышестоящего начальства. Кроме того, во Франции и Италии информация из иностранных газет, даже из союзных стран, в основном не допускалась в местную печать.

В Италии в первые месяцы войны в периодических изданиях зацензурированный материал можно было встретить в виде прерывистых линий, называемых *zebrata* (как зебра). Иногда статьи подвергались такой жесткой цензуре, что не оставалось ничего, кроме заголовка или имени автора.

Некоторые австрийские газеты в знак протеста заполняли пустые места словами «цензура» или «полстраницы конфисковано». В Германии, кроме Баварии, пробелы были строго запрещены, так как, согласно предписаниям, население не должно было знать, что вся информация подвергается цензуре. Немецкие цензоры также давали специальные рекомендации: от «нежелательных» (фотографии толпы людей, стоящих в очереди за едой) и «которых следует избегать» (побег заключенных) до «публиковать с осторожностью» (освещение разного рода мирных инициатив) и «желательных» (разрушения Польши русскими) [6, p. 41].

«Белые пятна» в российской периодической печати времен Первой мировой войны также являлись результатом деятельности военной цензуры, оказывая отрицательное влияние на общественные настроения, порождая недоверие к правительству [2].

Французы иронизировали по поводу пустых мест в газетах, объясняя их возникновение «экономией типо-

графской краски», шутили, что они предназначены для «людей, которые не умеют читать», либо, что они более гигиеничны, чем печатные части, и поэтому должны использоваться для особых нужд (как туалетная бумага). Однако вслед за юмористическим обоснованием причин, оставлявших пропуски в газетах, следовали и довольно жесткие заявления с требованием ограничить цензуру или даже полностью отменить «этот устаревший институт, напоминающий о временах инквизиции», поскольку она означала ни что иное как недоверие к читателям. Подобного рода настроения находили полную общественную поддержку [6, р. 43]. В вопросе о роли предварительной цензуры показателен случай, произошедший во время Первой мировой войны в Мюнхене: мюнхенско-аугсбургская вечерняя газета («Abend-Zeitung») была вынуждена, после резкой критики канцлера, принять одного из баварских цензоров в качестве директора [6, р. 45]. В случае повторных нарушений могли быть сделаны «замечания» или «строгие предупреждения», предусматривался вызов редакторов в цензурное отделение или регулярно вводилась бы превентивная цензура. В крайнем случае, все экземпляры газеты могли быть конфискованы и уничтожены, выпуск самой газеты приостановлен на неопределенный срок, а журналистам запрещалось писать, или они могли быть привлечены к уголовной ответственности.

Говоря о том, какие общие темы чаще всего подвергались превентивной цензуре в периодической печати стран-участниц Первой мировой войны, можно выделить следующие категории. Во-первых, с помощью цензуры уничтожалась критика армии и несанкционированных новостей о ее деятельности, особенно о военных

неудачах, мятежах и военных преступлениях. Иногда это приводило к странным результатам.

Например, когда немцы захватили форт Дуомон в битве при Вердене, французская цензура запретила эту информацию, а когда французы взяли его обратно, об этом успехе с гордостью сообщили в официальном коммюнике, но население было весьма удивлено, узнав, что он находился в руках немцев.

Британское командование также часто сообщало о «возвращении» мест, о которых не было известно, что они были потеряны. Поражения обходили молчанием или сводили к минимуму, и самые блестящие победы противника, такие как знаменитая битва при Танненберге, либо не освещалась в печати, либо значение ее преуменьшалось, определялось как «простая локальная удача».

Во-вторых, цензура удаляла информацию о количестве потерь на фронте. Так, с немецкой стороны в среднем погибало 1158 солдат в день. Число же жертв эпидемий – 20 000 смертельных случаев холеры в итальянской армии в 1915 г. и более 600 000 случаев «испанского гриппа» в 1918–1919 гг. – либо полностью замалчивались, либо масштабы были сведены к минимуму [6, р. 45].

Однако власти могли вполне убедительно обосновать свое решение: когда 14 ноября 1916 г. депутат Эмиль Констан спросил военного министра в Национальном собрании Франции, почему не публикуются полные списки потерь, в ответ был получен неделю спустя ответ в виде конфиденциальной записки: это позволило бы врагу подсчитать потери французской армии. В-третьих, цензурному ограничению подвергалась информация о шпионаже и контршпионаже.

В связи с ростом напряженности в 1917 г. цензура в союзных странах была усилена. Основной темой запре-

щенной к печати – была тема мира. В Италии, после голодных бунтов в Турине и катастрофы в Капоретто, был принят декрет Сакки от 4 октября 1917 г., который строго наказывал за пропаганду пораженчества. Члены Социалистической молодежной лиги были заключены в тюрьму на пять-шесть лет за публикацию антимилиитаристского манифеста, а две католические газеты были подвергнуты предварительной цензуре.

Но общественное требование мира было распространено не только среди противников Антанты, но и в странах-членах этого союза. Так, в 1917 г. в Великобритании было опубликовано постановление, в соответствии с которым, все статьи о войне и не менее острой проблемы заключения мира должны были проходить превентивную цензуру. Во Франции долгое время были запрещены статьи о мире (и даже само это слово). Еще в 1914 г. австрийский писатель Стефан Цвейг написал довольно критическую статью против истерии ненависти, он был весьма удивлен, когда ее опубликовала газета «Berliner Tageblatt» – было вырезано только одно предложение: «кто бы ни выиграл войну» [6, р. 48]. В Италии вывоз газет с объявлениями был запрещен, поскольку они могли содержать зашифрованные сообщения, предназначенные для вражеского шпионажа – уловка, использовавшаяся и в других местах, например, чешскими революционерами в пражских ежедневных газетах и, вероятно, в Вене. Итак, любые сомнения в победе полностью подавлялись.

Цензоры выпустили так много циркулярных ограничений, что иногда они противоречили сами себе. Согласно немецкой цензурной книге 1917 г., сообщения о плохом обращении с немецкими пленными или зверствах в отношении раненых немецких солдат должны

были либо приниматься с осторожностью, либо подвергаться предварительной цензуре; шутки о нехватке продовольствия должны были либо приниматься с осторожностью, либо запрещаться, в то время как в действительности такие шутки и карикатуры были в изобилии.

Таким образом, в соответствии с установленными цензурными правилами превентивная военная цензура периода Первой мировой войны во всех странах-участницах лишала читателей возможности знать «как это было на самом деле» ввиду запрета на разглашение государственной тайны о ходе и особенностях боевых действий на фронте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4. С. 7–15.

2. Алферова И.В., Блохин В.Ф. Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. С. 32–47.

3. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 152–165.

4. Блохин В.Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Волынь») // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. СПб., 2017. С. 169–186.

5. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. М., 2013.

6. Demm E. *Censorship and propaganda in World War I*. Bloomsbury academic: London, 2019. 326 p.

Sviridova Alina S. – Postgraduate student, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia),
E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

THE IMPACT OF PREVENTIVE CENSORSHIP ON THE PERIODICAL PRESS OF THE FIRST WORLD WAR

The article analyzes the materials of periodicals of the countries-participants of the First World War. A significant part of newspaper materials of this period was subjected to preliminary censorship, as a result of which many topics were removed from the press, leaving "white spots" on the pages of publications. The author of the article analyzes the influence of military censorship in terms of its preferences in selecting the topics of publications subjected to the greatest degree of deletions. An attempt is made to find out the reasons for the censors' actions, and the impact of the results of censorship on the periodicals of the First World War is shown. The article also analyzes which topics and for what reasons were most often subjected to preventive censorship among the periodical press of the countries-participants of the First World War.

Keywords: World War I, military censorship, preventive censorship, periodicals, "white spots".

REFERENCES

1. Alferova I.V. Military censorship practices during the First World War (on the materials of the Grand Duchy of Finland) // Bulletin of Bryansk State University. 2022. № 4. P. 7–15.

2. Alferova I.V., Blokhin V.F. The legend of administrative antiquity: "White spots" on the pages of Russian newspapers (the second half of the XIX century – 1917) // New Historical Herald. 2016. P. 32-47.

3. Batulin, P.V. Lists of military censorship 1912–1923 // Leningrad Law Journal. 2012. № 4. P. 152–165.

4. Blokhin V.F. Military censorship of the First World War and periodicals of "army districts" (on the materials of the newspaper "Volyn") // Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of scientific papers. Russian National Library. St. Petersburg branch of the Institute of the History of Natural History and Technology of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 2017. P. 169–186.

5. Patrusheva N.G. Censorship agency in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century. M., 2013.

6. Demm E. Censorship and propaganda in World War I. Bloomsbury academic: London, 2019. 326 p.

УДК 94(470)"1915/1917"(470.319)(476.14)

Устинова Ю.Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского (Россия).

Василенко В.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (Республика Беларусь).

«ХЛЕБНАЯ АНАРХИЯ» В ОРЛОВСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В 1915–1917 ГОДАХ*

В статье рассматривается проблема острой нехватки продовольствия, в частности хлеба, муки и других мучных изделий на территории Орловской и Могилевской губерний в 1915–1917 годах. Проанализированы причины, приведшие к ситуации дефицита, а также показаны особенности «хлебной» анархии в упомянутых губерниях.

Ключевые слова: обеспечение продовольствием, дефицит, инфляция, «хлебная» анархия, противопромышленные продовольственные мероприятия.

Продовольственная проблема в уездах Орловской и Могилевской губерний стала обозначаться уже в 1915 г. Для гражданского населения это выражалось в нехватке

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900) «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

продуктов питания первой необходимости. Дефицитными становились соль, пшено, разные виды круп, сельдь и др. Но наиболее ощутимым был недостаток хлеба, цены на который стали резко расти уже в начале 1915 г. [2, с. 12–16]. Также увеличились цены на муку.

Губернские власти предпринимали меры для борьбы с дефицитом продовольствия. Самая простая и распространённая – закупка и создание запасов нужных товаров народного потребления и продуктов питания. Но закупать продовольствие не всегда представлялось возможным. Все определялось наличием финансовых средств. В условиях военного времени местные налоги и сборы поступали в бюджет городов с задержками или в неполном объёме, что приводило к дефициту финансов. Такая ситуация еще и усугублялась ростом инфляции. С ухудшением экономической ситуации в государстве и увеличением расходов бюджета денег не хватало. Органы местного самоуправления традиционно обращались к вышестоящим инстанциям за предоставлением ссуд и кредитов.

На рубеже 1916–1917 гг. ситуация с поставками продовольствия еще больше обострилась: не только не хватало продуктов, но и не было средств в городской казне для их закупки, наблюдался рост цен. Городскими властями обсуждались меры по решению вопроса с дороговизной. Так, на собрании городской думы в Могилеве было решено ходатайствовать перед органами власти о выделении ссуды в 500 тыс. руб. для проведения продовольственных закупок. Это предложение поддержал могилёвский губернатор А.И. Пильц в телеграмме, отправленной на имя министра внутренних дел.

Просьбы городской думы были перенаправлены в Особое совещание по продовольственному делу, где бы-

ло принято решение о выделении городскому управлению Могилёва авансом 250 тыс. руб. для проведения продовольственных закупок. Деньги были перечислены сразу же [16, л. 2, 6, 12, 20]. Остальную часть средств городскому управлению обещали выделить после предоставления плана продовольственных закупок, сведений о численности населения города, финансовом положении, условий подвоза. Среди «хлебных» продуктов были закуплены: пшеничная мука – 6000 пудов, мука сеянка – 500, гречневая крупа – 1000, манная крупа – 500 и др. [4].

В 1915–1916 гг. кроме отсутствия финансов снабжение городов продовольствием напрямую зависело еще и от загруженности (пропускная способность) железных дорог, наличия подвижного состава (вагонов). Транспортировка военных грузов являлась первоочередной задачей и значительно увеличилась с 1914 г. в общем объёме всех перевозок [18, с. 209]. Приоритет в обеспечении всем необходимым, в первую очередь, отдавался армии. Приём гражданских грузов станциями был ограничен. Для регулирования поставок товаров первой необходимости и продовольствия по железной дороге действовал специальный «Распорядительный комитет». На каждый месяц им составлялся план перевозок. Согласно заявкам городов, под определённые объёмы грузов отпускалось соответствующее количество вагонов. Для каждого города план перевозок предусматривал доставку грузов с различных станций Российской империи. Основными были хлебные грузы [15, л. 4–5, 9, 11, 13].

Еще одной из причин, влиявших на обеспечение продовольствием населения, было уменьшение посевных площадей. Так, в Могилёвской губернии они уменьшились за 1914–1916 гг. на 15,6%. Сокращались посеы под рожь – на 20,6%, пшеницу – на 23,3%, картофель – на 37,7% [17, с. 202]. Уменьшение площадей и

недосев привели к снижению объёмов заготовки зерна и, как вследствие, уменьшение производства муки.

Наиболее злободневно проблема дефицита муки и изделий из нее проявилась в 1917 г., когда катастрофически перестало хватать готовых продуктов, а также сырья для их производства.

В 1917 г., в ходе Февральской революции, российская буржуазия пришла к власти в обстановке острого кризиса продовольственного снабжения, угрозы срыва мероприятий хлебозаготовок, падения государственного хлебного запаса. Непростая ситуация с продовольствием в стране подтолкнула Временное правительство к решению о необходимости введения в этом направлении принципов монополизации закупок, регламентации производства, нормировки потребления. Данное решение было продиктовано еще тяжестью продолжения международной борьбы и налаживания жизни страны в период революции.

Так, начиная с двадцатых чисел сентября почти прекратился подвоз хлеба в пределы Брянского уезда для продовольствия населения. Это объяснялось причинами двоякого рода. Во-первых, в половине июля наступила страдная пора уборки хлеба, производящих восточных уездов Орловской губернии, питающих Брянский уезд. Во-вторых, надеждой на урожай и возможностью обойтись некоторое время своим хлебом. Еще в начале июля стал очевиден неурожай хлебов Брянского уезда и особенно озимых. «В некоторых местах совсем нечего было убирать, а в других было хоть что-нибудь, средним урожаем нужно считать 4-5 копен на десятину, каждая же копна давала 1,5-2 меры. Таким образом, с десятины получалось 6-7 мер, для засева же десятины тратится минимум 8 мер. Так что тогда же

было обнаружено, что своего хлеба не хватит не только для потребления, но и на посев» [1]. И уже тогда «забили тревогу» в городской управе.

Схожая ситуация наблюдалась и в Могилевской губернии. Население рассматриваемых губерний считало ошибочным введение правительством хлебной монополии. В октябре 1917 г. по старым карточкам хлеб уже не давали, а новых карточек еще не было. И в Орле городская управа приняла рискованное решение о прекращении продажи хлеба по старым карточкам. Схожая проблема наблюдалась и с выдачей муки. Из Орла много вывозили хлеба. Но крестьяне его не продавали, поэтому и хлеба не было. «Орловская губерния в этом году может дать 3-4 млн. овса, ржи и пшеницы – 6-7 млн. пудов. Но запасы хлеба мизерны. В Брянском и Трубчевском уездах к середине осени уже констатируют голод. Только на октябрь для Орловской губернии нужно 1,3 млн. пудов хлеба. На имеющихся запасах крупных хозяйств можно было продержаться месяц, затем перейти на запасы мелких хозяйств. И подвоз хлеба был минимальный» [13]. По данным «Орловского вестника» от 03 октября 1917 г. хлеба оставалось только на два дня [13].

Положение было трагическим. Так как деньги обесценились, крестьяне не желали продавать хлеб по определенной цене, а цена на рынке – это дело случайное. С каждым днем «у булочных стояли большие хвосты публики «за хлебом» [14]. Хлеба в булочных не хватало. Печальной ситуация была не только с поставками и наличием хлеба, но и муки. Трудно было с мукой любого вида. Запас пшеничной муки на складах был, но ее берегли на случай недостачи ржаной муки. Так как хлеба выпеченного не было, горожанам отпускали пшеничную муку (решетилровку) по 1 ф. на душу. Мука

продавалась милицией. Но все равно каждый день приходили женщины с детьми, постоянно создавая очередь. Со второй декады октября вплоть до более благоприятных обстоятельств хлебный паек в Орле вместо 1 ф. уменьшен был до $\frac{3}{4}$ ф. на душу.

В такой ситуации городская дума указала населению на необходимость самоограничения, предлагая только такой вариант для улучшения ситуации. Власти нехватку хлеба объясняли тем, что немало его расходовалось на винокурение, а также тем, что раньше ели много [5]. Отныне решение всех «хлебных» дел Министерство передало в ведение местной администрации.

Сезонное похолодание и дефицит других продуктов первой необходимости, а не только хлеба, провоцировал население к более решительным действиям, нежели многочасовое стояние в очереди. Так, согласно ежедневным сводкам, 13 октября в городскую управу Орла явилась толпа женщин (50-60) и просила увеличить выдаваемый хлебный паек, также просила муки и сахару. Городской голова дал разъяснения, но женщины шумели, кричали и были настроены нервозно, что пришлось обратиться к помощи полиции, тогда женщины разошлись [6].

Чтобы не дать развиться ситуации, городской администрацией были приняты противопогромные продовольственные мероприятия [7]. Власть обратилась с воззванием к населению по продовольственной проблеме. Также планировалось принять меры по урегулированию вопроса по отпуску пшеничной муки, выпечке и продаже хлеба. Кроме этого, были разработаны и доведены до сведения населения Орла и окрестностей новые правила при получении рецептов и отдельных талонов на хлеб [8]:

1. При получении от доктора рецептов на пшеничную муку 1-го сорта и манную крупу должен быть указан род болезни и возраст больного;
2. В рецепт можно вписать только от 1 до 3 человек, не более, с указанием имен и фамилий;
3. Выдача производилась следующим лицам: 1) старше 10-летнего возраста выдавалось 15 фунтов на месяц, но по $\frac{1}{2}$ фунта в день, 2) лицам моложе 10-летнего возраста – 10 фунтов в месяц на месяц с расчетом $\frac{1}{2}$ фунта в день.

При получении пшеничной муки должны быть представлениены хлебные карточки на те лица, которым выданы рецепты. Выдача хлеба по отдельным талонам прекращалась, за исключением тех лиц, которые на данный момент не получили по какому-либо случаю продовольственных карточек за октябрь.

Следует отметить, что в рассматриваемое время в Орле, Могилеве и окрестностях наблюдался небывалый наплыв беженцев и эвакуированных из других городов. Данный факт в санитарном и продовольственном отношении отрицательно сказывался на жизни губерний. Беженцам и приходящим в город из деревень, не принадлежащих к городу, хлебные карточки не выдавались.

Ситуация с продовольствием в губерниях обострялась с каждым днем. Если сахар можно было заменить медом, картофель – брюквой, то заменить хлеб и муку было сложнее. Также сказывалось общее политическое напряжение, было повсеместное возмущение населения. К 22 октября в ряде городов стали возможны голодные погромы – местная власть пыталась регулировать ситуацию. Например, чтобы не допустить бунта, городской продовольственной управой города Трубчевск планировалось увеличить паек ржаного хлеба до 1 фунта на душу [8]. Председатель Летошницкого

общества потребителей Брянского уезда нанял крестьян деревни Летошники для перевозки 500 пудов хлеба, переданных продовольственной управой обществу потребителей. А возчики-крестьяне самовольно развезли хлеб по своим домам [3].

В телеграмме от директора Брянского завода сообщалось: «ни муки, ни ржи на заводе нет, отсутствие хлеба вызвало частичную приостановку работ. Волнение среди рабочих растет и может вылиться в форму голодного бунта. Просят прислать на завод муки или ржи, в количестве, которое предоставляется возможным» [8].

В Стародубском уезде и городе давно не было пшеничной муки. Хлеб дорогой – 25 руб. пуд. Продовольственные управы были бессильны в оказании помощи. Крестьяне грабили экономии. Наблюдались кражи повсеместно, что приобрело размах эпидемии [8].

Для стабилизации ситуации также предполагалось организовать распределение продуктов путем увеличения количества раздаточных пунктов. Для этого планировалось организовать раздаточные пункты в каждом квартале города, где каждый пункт будет обслуживать только определенный участок. Так, городской думой Орла были созданы 4 отдела для более четкого распределения работы: детского питания (важнейшая задача городского самоуправления, так как дети питались крайне скверно), хлебный и мучной, мясной, рыбный, жировой, овощной и отдел разных продуктов (сахар, чай, керосин, крупы разные, обувь, галоши, мануфактуры и проч.).

Между тем, пока шли организационные процессы, беспорядок, анархия ширились: грузы расхищались еще на пути следования к месту назначения. Выпечка хлеба велась на привозной муке, которая стоила дороже, так

как учитывался тариф и извоз. Это привело к очередному увеличению цен на хлеб [9]. Объемы поставок были настолько малы, что официальными властями высказано пожелание, чтобы врачи выписывали рецепты на пшеничную и манную крупу только в крайних случаях [10].

В сводках периодической печати сообщалось, что трудности добывания продуктов первой необходимости росли день за днем. Губернскую продовольственную управу население ежедневно осаждало с просьбой о хлебе. Результатом этого стали «форменная голодовка», увеличение заболеваемости населения, в частности, тифом. Это положение создало новый тип профессии – «торговцы из-под полы». Так продавали сахар, печеный хлеб и другие товары «по баснословно высоким ценам». За деньги и дорого все можно было найти и купить, но это позволить могли немногие, «тысячи же обречены на голодовку и всякие лишения» [12].

Хлеб был, но он не всегда «доезжал» до адреса. Часто можно было встретить скупщиков муки, которые перевозили товар по 2-3 пуда в качестве ручного багажа по железной дороге [11]. Крестьяне меняли хлеб на спирт у калужан. Брянские рабочие отказывались работать без появления хлеба.

И после революционных событий ситуация в губерниях не стала лучше. К имеющимся социально-экономическим проблемам, таким как неурожай, перенаселение, общее напряжение и возмущение населения, усталость от войны, отсутствие должных поставок хлеба и муки, спекуляция, добавился фактор политической нестабильности: мировая война шла уже четвертый год, при этом наблюдалось отсутствие централизованного управления на уровне губерний и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брянский рабочий. 1917. 28 сентября.
2. Василенко В.В. Борьба с дороговизной и решение продовольственного вопроса в Могилёве в 1915 г. // Вестн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гум. навукі : гісторыя, філасофія, філалогія. 2023. № 2 (62). С. 12–16.
3. Дело социал-демократа. 1917. 6 октября.
4. Могилёвский вестник. 1915. 5 ноября.
5. Орловский вестник. 1917. 11 октября.
6. Орловский вестник. 1917. 13 октября.
7. Орловский вестник. 1917. 14 октября.
8. Орловский вестник. 1917. 21 октября.
9. Орловский вестник. 1917. 22 октября.
10. Орловский вестник. 1917. 24 октября.
11. Орловский вестник. 1917. 26 октября.
12. Орловский вестник. 1917. 27 октября.
13. Орловский вестник. 1917. 3 октября.
14. Орловский вестник. 1917. 8 октября.
15. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 457. Оп. 1. Д. 381.
16. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 741.
17. Эканамічная гісторыя Беларусі: вучэбны дапаможнік / пад агул. рэд. В. І. Галубовіча; 2-е выд. дап. і перапрац. Мн. : НКФ «Экаперспектыва», 1995.
18. Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900–1917. Минск: АН БССР, 1963.

Yulia N. Ustinova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky (Russia).

E-mail: julija0404@rambler.ru

Vasiliy V. Vasilenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, A.A. Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus).

"BREAD ANARCHY" IN THE OREL AND MOGILEV PROVINCES IN 1915–1917

The article deals with the problem of acute shortage of food, in particular bread, flour and other flour products in the territory of Orel and Mogilev provinces in 1915-1917. The reasons that led to the situation of shortage are analyzed, and also the peculiarities of "bread" anarchy in the mentioned provinces are shown.

Keywords: food supply, deficit, inflation, "bread" anarchy, anti-pogrom food measures.

REFERENCES

1. Bryansk worker. 1917. September 28.
2. Vasilenko V.V. The struggle against high prices and the solution of the food issue in Mogilev in 1915 // Vesn. Magilevsk State University named after A. A. Kulashov. Series A. Hum. nauki: histories, philosophies, philology. 2023. № 2 (62). P. 12-16.
3. The case of the Social-Democrat. 1917. October 6.
4. Mogilev Vestnik. 1915. November 5.
5. Orlovsky Vestnik. 1917. October 11.
6. Orlovsky Vestnik. 1917. October 13.
7. Orlovsky Vestnik. 1917. October 14.
8. Orlovsky Vestnik. 1917. October 21.
9. Orlovsky Vestnik. 1917. October 22.
10. Orlovsky Vestnik. 1917. October 24.
11. Orlovsky Vestnik. 1917. October 26.
12. Orlovsky Vestnik. 1917. October 27.
13. Orlovsky Vestnik. 1917. October 3.
14. Orlovsky Vestnik. 1917. October 8.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 457. Op. 1. D. 381.
16. RGIA. F. 457. Op. 1. D. 741.

17. Economic History of Belarus: educational guide / edited by V. I. Galubovich. V. I. Galubovich; 2nd ed. and paraprats. Mn. : NKF "Ekaperspektiva", 1995.

18. Economy of Belarus in the epoch of imperialism 1900-1917. Minsk: Academy of Sciences of the BSSR, 1963.

РАЗДЕЛ III РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1+021.2+316.7

Кунаев А.Г., ассоциация выпускников СПбГУ.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ ЦИФРОВОЙ БИБЛИОТЕКИ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматривается социокультурная миссия цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки. Затрагиваются основные проблемы социокультурной миссии на примерах крупнейших зарубежных и российских цифровых библиотек. Обозначены и описаны дальнейшие перспективы развития цифровых библиотек, в контексте данной социокультурной миссии.

Ключевые слова: социокультурная миссия, цифровая библиотека, цифровая периодика, цифровые публикации, медийное пространство, современная историческая наука.

В настоящее время цифровые электронные библиотеки являются обычным явлением нашей жизни. Говоря о социогуманитарных задачах цифровых библиотек, основной упор в своей статье постараюсь сделать на социокультурную миссию цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки.

Необходимо отметить, что социокультурная миссия современной цифровой библиотеки напрямую переключается с исторической веб-журналистикой, связанной в первую очередь цифровой исторической периодикой. Данное утверждение можно проиллюстрировать на примере крупнейших ведущих зарубежных и отечественных библиотек.

Так, например, в Библиотеке Конгресса США [1] которая представляет собой веб-сайт, открывающий доступ к информации об исторических газетах и избранных оцифрованных газетных страницах, выпускаемый Национальной программой цифровых газет. Данное партнерство между Национальным фондом гуманитарных наук и Библиотекой Конгресса Соединенных Штатов Америки представляет собой долгосрочную работу по созданию базы данных американских газет с возможностью поиска в Интернете с описательной информацией и оцифровкой страниц исторических газет. При поддержке Национальной программы оцифровки газет США данный большой цифровой ресурс будет развиваться и постоянно поддерживаться в Библиотеке Конгресса. Программа премий Национальной программы оцифровки газет предполагает и в дальнейшем финансировать оцифровку контента, во всех штатах и территориях США [2].

В отличие от Библиотеки Конгресса, в Нью-Йоркской публичной библиотеке [3] нет отдельной коллекции, посвященной цифровой периодике. В данной библиотеке оцифрованные периодические издания разбросаны по разным цифровым коллекциям электронной библиотеки Нью-Йоркской публичной библиотеки.

Так, например, оцифрованные газеты имеются в цифровой коллекции «Ранние американские рукописи»

на портале цифровых коллекций электронной библиотеки Нью-Йоркской публичной библиотеки [4].

В Президентской библиотеке им. Б.Н. Ельцина [5] представлена цифровая коллекция «Отечественная периодика в фонде Президентской библиотеки». Подборка включает 192 журнальных и 188 газетных наименований из фонда Президентской библиотеки. Представлены юридические, общественно-политические, литературные, географические, краеведческие, фронтовые и др. издания. Большая часть из них доступна в полнотекстовом режиме. Издания расположены в алфавитном порядке и снабжены аннотацией. Коллекция находится в режиме постоянного пополнения [6].

В Российской национальной библиотеке [7] также выложено много оцифрованных периодических изданий, газет и журналов, сгруппированных по разным тематическим цифровым коллекциям. В электронной библиотеке РНБ настоящее время имеется 330367 оцифрованных записей по периодическим изданиям [8].

Кроме того, цифровая коллекция «Периодические издания» РНБ сгруппирована по 5 цифровым подколлекциям: газеты, журналы, журналы мод, «Петровские Ведомости», «Пульс города на Неве» [9]. Также в электронной библиотеке РНБ представлен отдельный раздел в виде цифрового каталога «Календарь оцифрованных газет», в котором оцифрованные периодические издания выложены в хронологическом порядке по годам их выпуска [10].

В электронной библиотеке исторических документов на сайте Российского Исторического общества [11] в настоящее время представлено 1756 самых разных оцифрованных изданий. Названия всех изданий, упоминаемых в названиях документов и относящихся к их

тематике. Как правило, это периодические издания (газеты и журналы) [12].

В электронной библиотеке [13] на сайте Федерального архивного агентства (Росархива) [14] из оцифрованной периодики там представлен только в настоящее время оцифрованный справочник исторических документов, опубликованных в отечественной журнальной периодике в 1900–2000 гг. Справочник снабжен научно-справочным аппаратом (именным, предметным, хронологическим, географическим и другими указателями), облегчающими поиск опубликованных документальных первоисточников по теме, предмету, историческому лицу или хронологическому периоду исследования. Справочник предназначен для сотрудников архивных служб, преподавателей и студентов гуманитарного профиля.

Справочник представляет собой указатель архивных и историко-документальных публикаций, увидевших свет на страницах отечественной журнальной периодики за 100 лет (1900–2000 гг.). В нем сведена воедино информация о разбросанных по отечественным журналам публикациях архивных документов, воспоминаний, а также фото и других исторических материалов [15].

Следующий весьма важный аспект социокультурной миссии цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки – это цифровые публикации в исторических научных академических журналах. Справочник снабжен научно-справочным аппаратом (именным, предметным, хронологическим, географическим и другими указателями), облегчающими поиск опубликованных документальных первоисточников по теме, предмету, историческому лицу или хронологическому периоду. Сюда также можно отнести цифровые публикации цифро-

вых академических журналах. Например, в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.

Эта библиотека – крупнейшая в России электронная библиотека научных публикаций, обладающая богатыми возможностями поиска и анализа научной информации. Библиотека интегрирована с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) – созданным по заказу Минобрнауки РФ с бесплатным общедоступным инструментом измерения публикационной активности ученых и организаций.

Платформа eLIBRARY.RU была создана в 1999 году по инициативе Российского фонда фундаментальных исследований для обеспечения российским ученым электронного доступа к ведущим иностранным научным изданиям. С 2005 года eLIBRARY.RU начала работу с русскоязычными публикациями и ныне является ведущей электронной библиотекой научной периодики на русском языке в мире.

В настоящий момент посетителям eLIBRARY.RU доступны рефераты и полные тексты более 38 млн. научных публикаций, в том числе электронные версии более 5600 российских научно-технических журналов. Согласно статистике самой библиотеки, общее число зарегистрированных институциональных пользователей (организаций) – более 2800. В системе зарегистрированы 1,7 миллиона индивидуальных пользователей из 125 стран мира. Ежегодно читатели получают из библиотеки более 12 миллионов полнотекстовых статей и просматривают более 90 миллионов аннотаций. На сегодняшний день в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU свыше 4500 российских научных журналов размещены в бесплатном открытом доступе. Для доступа к остальным

изданиям предлагается возможность подписаться или заказать отдельные публикации [15].

Правда здесь стоит отметить, что система поиска и индексирования научных журналов в Российском индексе научного цитирования нуждается в серьезном улучшении и кардинальной доработке для удобства исследователей, пользователей и читателей данной библиотеки.

Еще одна научная электронная библиотека Киберленинка, представляет собой цифровую библиотеку, построенную на парадигме открытой науки, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, общественный контроль качества научных публикаций, развитие междисциплинарных исследований, современного института научной рецензии, повышение цитируемости российской науки и построение инфраструктуры знаний [16]. Следует заметить, цифровая инфраструктура в «Киберленинке» для пользователей реализована гораздо лучше и удобнее, чем в eLIBRARY.RU, но система поиска научных изданий и журналов все равно нуждается в доработке.

Еще один пример электронная библиотека периодических изданий, размещенной на сайте Санкт-Петербургского института истории Российской Академии Наук (СПБИН РАН) [17]. Предлагаемый проект предполагается как наиболее полное представление в электронном виде изданий, созданных в СПБИН РАН, начиная с деятельности Императорской Археографической комиссии XIX века. В основу библиотеки положены два принципа: хронологический и алфавитный.

Библиотека состоит из шести разделов: «Археографическая комиссия», «Институт книги, документы и письма», «Историко-археографический институт», «Ле-

нинградское отделение института истории Академии Наук СССР», «Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН», «Санкт-Петербургский институт истории РАН».

Дальнейшее развитие данной библиотеки предполагает, что каждый из них будет соответствовать определенному периоду истории Института. Разделы планируется предварять краткой исторической справкой. Оцифрованные издания в них предполагается размещать по алфавиту, сопровождать библиографическим описанием, аннотацией и ссылкой на полный текст в общедоступных форматах, снабжать интерактивным оглавлением [18]. Хочется надеяться, что данные планы по дальнейшему развитию электронной библиотеки периодических изданий Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук будут реализованы в ближайшем будущем.

Таким образом, в контексте социокультурной миссии цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки – оцифровка исторических материалов в данных библиотеках это только первый этап.

Дальше встает вопрос, а что делать с этими оцифрованными материалами, как ими пользоваться, как сделать их доступными как можно большему числу пользователей, включая и профессиональное научное сообщество историков, архивистов, музейных работников, библиотекарей и библиографов. Вот здесь и подходим к еще одному аспекту социокультурной миссии современной цифровой библиотеки.

Цифровые библиотеки должны в первую очередь идти навстречу пользователю и потребителю. В данном случае здесь подразумевается не только научное сооб-

щество историков, но максимально возможное количество и как можно большее число пользователей цифровых библиотек. Цифровые библиотеки должны быть обязательно доступны и удобны для всех пользователей с любых мобильных цифровых устройств и гаджетов, включая, в том числе планшеты и смартфоны.

В научной литературе данная проблема в настоящий момент затрагивается очень мало и в лучшем случае лишь ее отдельные аспекты. В качестве примера можно привести здесь журнал «Современная библиотека» – издание о библиотеках, чтении, книгах. Научно-практический журнал об актуальных проблемах развития библиотечно-информационных и образовательных учреждений, внедрении современных информационных телекоммуникационных технологий в библиотеках, школах, информационных и культурных центрах.

Главная заявленная задача журнала – обеспечение работников библиотек всех уровней, систем и ведомственной подчиненности, студентов, аспирантов и преподавателей профильных вузов профессиональными знаниями по библиотековедению, библиографоведению, информатике, телекоммуникационным технологиям, социально-культурной деятельности, социальному проектированию, социальному партнерству [19].

Цифровым библиотекам посвящен раздел ИКТ (Информационно-коммуникационные технологии). Всё о внедрении информационно-коммуникационных технологий в работу библиотечно-информационных учреждений: от начальной стадии автоматизации до современных проблем цифрового общества. В качестве иллюстрации можно привести свежий выпуск за 2023 год № 7 журнала «Современная библиотека». Открывается номер статьями об «Эстафете доброты» и о том, как чита-

тели серебряного возраста осваивают премудрости современных технологий.

Говоря об ИКТ, авторы статей ставят акценты на продвижении чтения в социальных медиа и культурного и исторического наследия в цифровой среде [20]. К сожалению, данная проблема здесь не раскрывается полностью, тем более в контексте социокультурной миссии цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки, и данный вопрос еще предстоит решать будущим исследователям.

Также социокультурная миссия цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки, так или иначе, затрагивается в научных периодических сборниках Президентской библиотеки, размещенных в специальном разделе на портале библиотеки. В разделе представлены сборники научных трудов (выходят с 2010 г. в рамках отдельных тематических серий) и издания документов, подготовленные специалистами Президентской библиотеки в сотрудничестве с научным сообществом [21]. Среди них представлена тематическая серия сборников научных трудов «Электронная библиотека» [22].

В качестве примера, можно привести содержание двенадцатого выпуска сборника: «Цифровое культурное наследие: сохранение и оптимизация доступа в библиотеках». Сборник посвящен общим проблемам цифровой трансформации деятельности библиотек, используемым в работе библиотек технологиям для сохранения объектов библиотечного культурного наследия. Неизменной остается тема формирования цифровых коллекций на базе национальных, крупных отраслевых и региональных библиотек. В самостоятельных раздел выделены публикации, посвященные современным практикам со-

хранения фотографического наследия архивов, музеев, библиотек, высших учебных заведений и частных коллекционеров. В сборник также вошли материалы круглого стола «Крестьянский вопрос в России и Европе в XIX в.: современные методы изучения в цифровой среде. К 160-летию отмены крепостного права» [23].

Также отдельные аспекты социокультурной миссии цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки затрагиваются в профессиональных библиотечных ассоциациях. Так, например, Национальная ассоциация библиотеки будущего (НАББ) зарегистрирована 4 февраля 2016 г. и является социально ориентированной некоммерческой организацией, объединяющей библиотеки, университеты, другие организации сферы образования, науки и культуры, а также совместного использования и продвижения научных идей, технологий, продуктов, услуг, разрабатываемых и предоставляемых как членам ассоциации, так и их партнёрам [24].

Заявленная миссия НАББ – содействие уверенному позиционированию и развитию в первую очередь библиотек и других организаций сферы культуры, науки и образования в информационном обществе и обеспечение их эффективного взаимодействия с другими субъектами рынка услуг и общества в целом. Ассоциация выступает организатором научных конференций, где затрагиваются аспекты социокультурной миссии библиотек в контексте информационных и компьютерных технологий.

Например, 19–24 ноября 2023 года в Суздале состоится Международная конференция и выставка «LIBCOM-2023» «Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек». На этой конференции представлены: состояние и перспективы развития совре-

менных информационных, компьютерных и интернет-технологий в библиотечной практике, федеральные проекты и программы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства культуры Российской Федерации, инновации в современных образовательных технологиях, правовые аспекты деятельности библиотек и производителей информации, электронные библиотеки и электронные информационные ресурсы, и ряд других направлений. Основная программа конференции будет основана на заказных и базовых докладах, специализированных семинарах, мастер-классах и дискуссионных группах [25].

Несколько более целостно и комплексно проблемы социокультурной миссии цифровой библиотеки в медийном пространстве поднимаются в Российской библиотечной ассоциации – крупнейшее библиотечное общественно-профессиональное объединение России, которое было основано в октябре 1994 года и официально учреждено 23 мая 1995 года. Членами РБА являются библиотеки всех уровней, типов и специализаций, библиотечные общества и ассоциации, учебные заведения, а также партнеры библиотек и другие организации, способствующие развитию библиотечного дела и культуры [26].

Целями данной Ассоциации заявлены: объединение усилий, поддержка и координация действий библиотек, библиотечных ассоциаций и школ в интересах сохранения и развития библиотечного дела в России, представительство и защита интересов российского библиотечного сообщества, повышение престижа библиотек и социального статуса библиотечной профессии. На сайте Российской библиотечной ассоциации представлены следующие секции, круглые столы и рабочие группы по направлениям библиотечной деятельности в цифровой среде:

- Секция по автоматизации, форматам и каталогизации.
- Круглый стол: «Фонды библиотек в цифровой среде».
- Секция «Электронные ресурсы и информационно-библиотечное обслуживание».
- Рабочая группа «Библиотеки и социальные медиа» [27].

Наконец, нельзя обойти вниманием такой интересный и достаточно важный аспект социокультурной миссии цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки, как проект дальнейшего развития электронной библиотеки исторических источников на портале Российского исторического общества.

В описании проекта по созданию электронной библиотеки исторических документов на сайте Российского Исторического общества говорится следующее: «За последние 25 лет в ходе архивной революции историками проделана огромная работа – выявлены и опубликованы десятки тысяч важных архивных документов. Эти публикации в основном существуют в бумажном виде, их небольшие тиражи (до 1000 экз.) разошлись по ограниченному кругу библиотек и научно-образовательных организаций. Поэтому для широкого круга исследователей и пользователей Интернета доступ к этим важным первоисточникам затруднен.

Задачей проекта является создание Электронной библиотеки исторических документов, в которой исследователи в открытом доступе смогут найти, в перспективе, все исторические документы, опубликованные в России с 1991 года. Постепенно к архивным документам будут добавляться комментарии и примечания из сборников, в которых они были опубликованы. Если документ опубликован более чем в одном издании, его тексты будут сверяться, а сам документ будет в результате содер-

жать комментарии, примечания и ссылки на издания, в которых он упоминается.

В дальнейшем эту коллекцию планируется пополнять библиографической, биографической и другой справочной информацией, а также методическими материалами, облегчающими использование архивных документов в средней и высшей школе. В первой версии Электронной библиотеки пользователи смогут читать документы на экране компьютера, делать по ним полнотекстовой поиск, а также просматривать с помощью системы Указателей (Название документа, Автор, Архив/Фонд, Дата, Имена, Организации, География, Тематика и т. д.).

В последующих версиях планируется реализовать возможность для пользователей комментировать документы, составлять собственные подборки материалов и делиться ими в социальных сетях, а также подписываться на обновления к электронной коллекции документальных первоисточников по интересующей их тематике или персоналиям.

В процессе дополнения Электронной библиотеки будут появляться возможности в области применения геоинформационных систем (создание наглядных электронных карт исторических событий с привязкой к документам, создание многослойных карт с наложением исторической и статистической информации), систем визуализации информации (навигация по документам с помощью временной шкалы исторических событий, графики статистической распространенности документов), компьютерных способов анализа текстовой информации и других инструментов из области Цифровых гуманитарных наук.

Таким образом, Электронная библиотека исторических документов будет способствовать применению компьютерных технологий в исследованиях и образовании, а также

служить лабораторией для изучения перспективных технологий электронной публикации и работы с первоисточниками, их интеграции с социальными сетями и другими информационными ресурсами, новых возможностей в области дистанционного описания и изучения российского документального исторического наследия» [28]. Данный проект положен в основу стратегии развития электронной библиотеки исторических документов на портале Российского исторического общества с 2021 по 2031 гг.

Подводя итоги рассмотрения проблем и аспектов социокультурной миссии цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки хочу отметить, что архивы, библиотеки, научно-исследовательские и академические учреждения, а также сообщества профессиональных историков должны совместными усилиями создавать репозитории цифровых библиотек.

В качестве примера здесь можно привести создаваемое в настоящий момент сообщество «Digital History Library» «Цифровые Исторические Библиотеки» по созданию такого репозитария, обобщающего деятельность и последние тенденции развития ведущих цифровых библиотек как российских, так и зарубежных [29]. Таким образом, в настоящий момент проблема социокультурной миссии цифровой библиотеки в медийном пространстве современной исторической науки еще ждет своего решения, прежде всего со стороны профессионального научного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека Конгресса США [Электронный ресурс] URL: [Главная Библиотека Конгресса США \(loc.gov\)](https://www.loc.gov/) (дата обращения 28.10.2023).

2. Хроника Америки: исторические американские газеты / Библиотека Конгресса США [Электронный ресурс] URL: [Хроника Америки «Библиотека Конгресса \(loc.gov\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

3. Нью-Йоркская публичная библиотека [Электронный ресурс] URL: [Нью-Йоркская публичная библиотека \(nypl.org\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

4. Цифровой проект «Ранние американские рукописи Нью-Йоркская публичная библиотека [Электронный ресурс] URL: [Проект «Ранние американские рукописи» – Цифровые коллекции NYPL](#) (дата обращения 28.10.2023).

5. Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс] URL: [Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

6. Отечественная периодика в фонде Президентской библиотеки [Электронный ресурс] URL: [Периодические издания. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

7. Российская Национальная Библиотека [Электронный ресурс] URL: [Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург \(nlr.ru\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

8. Электронная Библиотека Российской Национальной Библиотеки [Электронный ресурс] URL: [Электронная библиотека Российской национальной библиотеки \(nlr.ru\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

9. Периодические издания на сайте Электронной Библиотеки РНБ [Электронный ресурс] URL: [Периодические издания – Российская Национальная Библиотека \(nlr.ru\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

10. Календарь оцифрованных газет на сайте Электронной Библиотеки РНБ [Электронный ресурс] URL: <https://primo.nlr.ru/primo->

[explore/jsearch?vid=07NLR_VU1](#) (дата обращения 28.10.2023).

11. Электронная библиотека исторических документов на портале Российского Исторического Общества [Электронный ресурс] URL: [Указатели | Издания \(historyrussia.org\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

12. Российское Историческое Общество [Электронный ресурс] URL: [Российское историческое общество - Российское историческое общество \(historyrussia.org\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

13. Электронная библиотека на сайте Федерального Архивного агентства [Электронный ресурс] URL: [Электронная библиотека | Федеральное архивное агентство \(archives.gov.ru\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

14. Федеральное Архивное агентство [Электронный ресурс] URL: [Официальный сайт Федерального архивного агентства \(Росархива\) \(archives.gov.ru\)](#) (дата обращения 28.10.2023).

15. Открытый архив-3: Справочник исторических документов, опубликованных в отечественной журнальной периодике в 1900–2000 гг. / авт.-сост. И.А. Кондакова. М.: РОССПЭН, 2013. 830 с. / Федеральное архивное агентство (Росархив) [Электронный ресурс] URL: <https://archives.gov.ru/library-oun.shtml> (дата обращения 28.10.2023).

16. Научная электронная библиотека «eLIBRARY» [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp?ref=urirank&ysclid=lo4bwfck5p711820938> (дата обращения 28.10.2023).

17. Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/?ysclid=lnxe3y0v9i260185545> (дата обращения 28.10.2023).

18. Электронная библиотека изданий Санкт-Петербургского института истории РАН [Электронный ресурс] URL: [Электронная библиотека изданий Санкт-Петербургского института истории РАН \(elibspbiiran.ru\)](http://elibspbiiran.ru) (дата обращения 28.10.2023).

19. Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии Наук [Электронный ресурс] URL: [Главная – Санкт-Петербургский институт истории \(spbiiran.ru\)](http://spbiiran.ru) (дата обращения 28.10.2023).

20. Интернет-портал «Современная библиотека» [Электронный ресурс] URL: [Журнал "Современная библиотека" \(modern-lib.ru\)](http://modern-lib.ru) (дата обращения 28.10.2023).

21. Современная библиотека. 2023. № 7. [Электронный ресурс] URL: <https://modern-lib.ru/vishel-v-svet-zhurnal-sovremennaya-biblioteka-7-2023> (дата обращения 28.10.2023).

22. Сборники Президентской библиотеки [Электронный ресурс] URL: [Сборники Президентской библиотеки. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](http://prlib.ru) (дата обращения 28.10.2023).

23. Серия Электронные библиотеки [Электронный ресурс] URL: [Серия "Электронная библиотека". Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](http://prlib.ru) (дата обращения 28.10.2023).

24. Национальная Ассоциация Библиотеки Будущего [Электронный ресурс] URL: [Главная страница \(nabb.org.ru\)](http://nabb.org.ru) (дата обращения 28.10.2023).

25. XXVII Международная конференция и выставка «LIBCOM-2023» [Электронный ресурс] URL: [Двадцать седьмая Международная конференция и выставка LIBCOM-2023 \(gpntb.ru\)](http://gpntb.ru) (дата обращения 28.10.2023).

26. Российская Библиотечная Ассоциация [Электронный ресурс] URL: Российская библиотечная ассоциация (rba.ru) (дата обращения 28.10.2023).

27. Секции и круглые столы Российской Библиотечной Ассоциации [Электронный ресурс] URL: Секции и круглые столы РБА (rba.ru) (дата обращения 28.10.2023).

28. Проект создания и развития электронной библиотеки исторических документов на портале Российского исторического общества [Электронный ресурс] URL: О проекте (historyrussia.org) (дата обращения 28.10.2023).

29. «Digital History Library» «Цифровые Исторические Библиотеки» [Электронный ресурс] URL: https://t.me/+tzq-mBZcLgBhNTZi (дата обращения 28.10.2023).

Alexander G. Kunaev

St. Petersburg State University Alumni Association.

E-mail: kunaevaleksandr@yandex.ru

SOCIOCULTURAL MISSION OF THE DIGITAL LIBRARY IN THE MEDIA SPACE MODERN HISTORICAL SCHOLARSHIP

The article examines the socio-cultural mission of the digital library in the media space of modern historical science. The main problems of the socio-cultural mission are touched upon using the examples of the largest foreign and Russian digital libraries. Further prospects for the development of digital libraries are outlined and described in the context of this socio-cultural mission.

Keywords:

Socio-cultural mission, digital library, digital periodicals, digital publications, media space, modern historical science

УДК 908

Шадоба К.С., магистрант 2 курса Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (Россия)

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА БРЯНЩИНЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В РАМКАХ ТРАНСГРАНИЧЬЯ

Данная статья имеет своей целью осветить достижения историографии по вопросу революций (1917 г.) и гражданской войны (1918–1922 гг.) в России на Брянщине, указать пути возможного дальнейшего изучения темы и ознакомить читателя с материалами до этого не использованными в научной литературе. Помимо этого, целью данной статьи является освящение особых условий изучения истории края в рамках современной политико-территориальной действительности.

Ключевые слова: Брянщина, трансграничье, ГАБО, историография.

Изучение истории установления советской власти на местах началось вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, этой деятельностью руководили отделы истории партии (истпарты).

Такая работа разворачивалась и в Брянском крае. В начале 20-х годов здесь вышли книги и статьи по истории Великого Октября, в частности, «Сборник памяти Игната Фокина (к пятой годовщине Октябрьской революции)» [22]. В эту брошюру вошли тексты директивных документов, подписанных Фокиным и поступавших Фокину, воспоминания его жены, письма, фотографии. В

1922 г. вышла в свет статья З. Табакова «Октябрьская революция в Черниговщине» в журнале «Летопись революции», органа Истпарта ЦК КП(б) Украины. 1922 № 1 [10, с. 143–170]. В этой работе освещались военно-революционные события в таких центрах современного Брянского края как Мглин, Новозыбков, Стародуб, Сураж. Автор показал борьбу местного населения с немцами и его стремление перейти под власть советов.

К 10-й годовщине революции губернское бюро Истпата ВКП(б) выпустило первый сборник по истории установления советской власти в Брянской губернии – «Борьба за Октябрь в Брянской губернии» (Брянск, 1927). Выпуск работ не прекращался и в 30-е гг. В журнале «Коммунар» были опубликованы статьи К. Кошевича «На подступах к Октябрю в Брянске», «Отражение июльских и августовских событий (корниловских) в Брянске», «Октябрьский переворот в Брянске» [15] и др.

Достоинство работ, вышедших в 1920–1930-х гг. состояло в том, что в них был собран фактический материал «по горячим следам», сделаны первые попытки обобщения и систематизации накопленного материала, показаны основные этапы борьбы на местах. Примечательно, что в указанных работах были использованы воспоминания современников описываемых событий. В этих источниках были освещены факты, не отразившиеся в официальных документах. Другой группой источников, которые были привлечены авторами, были газетные статьи. На этой базе и были в основном построены работы 1920–1930-х гг.

В то же время эти работы имели описательный характер, что было неизбежно в начале исследования темы. Можно отметить и скудость источниковой базы. В этих трудах не рассматривается влияние общероссий-

ских процессов на события, происходившие на Брянщине в эти годы. Деятельность местных советских органов как бы оторвана от деятельности партии и центральной власти. Давая общую оценку литературе 20–30-х гг. стоит отметить, что она носит скорее пропагандистский, нежели исследовательский характер.

В 1940-х гг. произошел перерыв в исследовании темы. События Великой Отечественной войны отвлекли внимание историков в другие области. Поэтому только в начале 1950-х годов, в связи с приближающейся годовщиной революции, возобновилась работа по изучению революционных событий на Брянщине. В 1951 г. в Московском государственном университете М.Ф. Силаев написал диссертацию «Большевики в Орловской губернии в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции и утверждению Советской власти». В ней автор ввел в научный оборот большое количество архивного материала. Это были воспоминания партийных работников, делопроизводственные документы. Автор уделил особое внимание деятельности брянских большевиков, считая их более активными, чем орловские. Для своего времени это была прорывная работа [24].

Накануне 40-летия установления советской власти началось формирование и издание сборников документов, «Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний» [19], «Борьба трудящихся орловской губернии за установление советской власти» [4]. В них отражалась роль коммунистической партии в преобразовании страны и в борьбе с интервенцией и антисоветскими силами внутри страны.

Эти собрания источников были наполнены освещением партийной работы, победными реляциями об успехах Красной Армии. Собранные к тому времени

воспоминания были изданы в незначительном количестве. Публикуемые источники показывали работу партийных конференций, деятельность советских органов, резолюции и постановления профсоюзов и рабкомов, письма партийных организаций, воспоминания и т.п.

К 50-летию советской власти были выпущены новые сборники документов и материалов, среди которых особенно ценным является многотомная серия «Великая Октябрьская социалистическая революция», подготовленная большой группой научных сотрудников института истории АН СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главного архивного управления при Совете Министров СССР. В сборнике было помещено свыше 110 документов и материалов, посвященных Брянщине. В этих материалах дается освещение роли ЦК и областного бюро РСДРП(б), отражается возникновение и деятельность советов, динамика рабочего и крестьянского движения в 1917 году в нашем крае [5].

Революционное движение в Орловской и Черниговской губерниях получило освещение в обобщающих трудах по истории Октябрьской революции: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. М., Политиздат, 1967, 1968; История гражданской войны в СССР. Т. 3. М., Госполитиздат, 1957; Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х томах, М.: «Наука», 1967–1973; Совокин А.М. В преддверии Октября (Подготовка победы вооруженного восстания). М.: «Мысль» 1973 и другие, а также в работах по отдельным вопросам данной проблемы: Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М.: «Наука», 1970; Егорова А.Г. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март-октябрь 1917 г.). М.: Профиздат, 1960; Николаев П.А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России

в борьбе за победу Октябрьской революции (март-ноябрь 1917 г.). М.: Изд. ВПШ и АОН, 1960 и другие.

В работе Г.А. Трукана «Октябрь в Центральной России» внимание уделено подготовке Октябрьской революции в 13 центральных губерниях России, однако Орловской губернии посвящено всего 5 строчек, хотя в работе всесторонне и подробно исследуется подготовка Октябрьской революции. В исследовании В.Ф. Морозова подробно анализировался процесс установления советской власти в трех губерниях: Орловской, Пензенской и Тамбовской, были введены в оборот до того не известные документы.

Очень важной, на взгляд автора, является работа Ольги Васильевны Шестопаловой, написанная в 1975 г. в Москве. Тема диссертационной работы «Развитие промышленности в Брянской области в переходный период от капитализма к социализму». Важность этой работы заключается в нехарактерном освещении революционных процессов и Гражданской войны на Брянщине, в то время как другие авторы пишут политическую историю, обращаясь к вопросам экономики лишь в общих чертах и «дежурными» фразами, работа Ольги Васильевны наоборот делает акцент именно на экономической стороне вопроса, дается объемное представление о социально-экономическом положении региона в период потрясений, влияние экономики и деятельности народных масс в создании нового общества в тяжелейших условиях, не на основе только лишь догматического представления о прогрессивности рабочего класса, а на конкретных примерах самоорганизации. К сожалению эта работа осталась не замечена будущими авторами и, казалось бы, столь важное освещение данного периода с точки зрения марксизма, как на основе экономического базиса,

не применялось в других работах, что, по мнению автора, является существенным упущением.

В период 1960–1970 гг. И.Е. Яненко становится главным исследователем данной темы в Брянске вплоть до 1990-х годов, под его авторством или редакцией вышли труды как обобщающего, так и узконаправленного содержания. В «Истории партийной организации Брянщины (в иллюстрациях)» (1972 г.) и «Брянщина в годы Гражданской войны» (1969 г.) дается краткое изложение научных изысканий автора, снабженное обильным иллюстративным материалом, фотокопиями документов и портретов видных деятелей революционной истории.

Монография И.Е. Яненко «Борьба большевиков за победу и упрочение советской власти на Брянщине (март 1917–1918 гг.)» (1977 г.) являлась первой работой, исследующей события в городах Брянске и Бежице, на территории современной Брянской области. В основу труда автором были положены делопроизводственные документы, директивы и распоряжения центральных и местных органов, воспоминания. В своей книге автор дал подробный политико-экономический обзор региона в период до и сразу после свержения самодержавия, указал экономические причины победы Октября на Брянщине, обобщенно показал процесс формирования советских органов власти в Брянске, Бежице и других уездных городах, выявил особенности, характерные для местных процессов борьбы за установление советской власти [26].

Материалы своей работы Яненко использовал в коллективном труде «Очерки истории Брянской организации КПСС» (1982 г.). Картина военно-революционных событий 1917–1921 гг. в этой работе представлена так, что авторы явно идеализировали действия новой власти

и результаты ее деятельности, замалчивали провалы в работе, обошли молчанием тяжелое материальное положение народа.

В 1987 г. вышла в свет брошюра «Великий Октябрь на Брянщине». В ней была дана хронология событий, в центре которых была деятельность большевиков. В целом же этот труд может служить хорошим подспорьем для исследователей темы.

В 1973 г. выходит брошюра Ю. Носова «Полк имени Ленина», посвященная боевому пути первого добровольческого полка красной гвардии, сформированного из рабочих Брянска и Бежицы. Этот полк воевал с 1918 по 1922 г. в разных регионах страны. Как и в других работах той поры, внимание автора посвящено политическим аспектам жизни, да и те даются лишь отчасти, отражая только важные, на взгляд автора, события в жизни той поры [17].

Итак, в советский период отечественной истории изучение революционных событий в Брянском крае носило ярко выраженный политико-идеологический отпечаток. Превозносились дела партии большевиков, в тени оставалась деятельность иных политических партий и организаций. Подбор освещаемых фактов был довольно тенденциозным. Вместе с тем нужно признать, что довольно большой исторический материал был систематизирован. В оборот было введено большое количество источников, ранее никем не использованных.

С ликвидацией монополии КПСС, с потерей ею руководящей роли в жизни страны, с наступлением поры плюрализма мнений и политических оценок начался новый период в изучении темы. В 1995 г. вышел в свет сборник статей «Материалы юбилейной историко-краеведческой конференции, посвященной 50-летию

победы в Великой Отечественной войне и образованию Брянской области». В нем истории революции и Гражданской войны в Брянском крае посвящены работы Гееца, Бирюкова и Трошиной. Примечательно, что в сборнике отразился процесс героизации антибольшевистских участников Гражданской войны. В российскую литературу в это время входят герои Белого движения, в частности, организатор добровольческой армии Корнилов, которому была посвящена статья «Разгром текинского конного полка на территории Брянщины в ноябре 1917 года» Н.Я. Гееца и С.Н. Бирюкова. В статье указывается, что новый материал, полученный из архивов Брянска, Москвы, Гомеля и Чернигова, ранее не был использован в других исследованиях [12].

Также в этом сборнике вышла статья «К вопросу об организационной работе в Брянской деревне членов РКП(б) в годы Гражданской войны» Л.Г. Трошиной, где на основе делопроизводственных документов, воспоминаний и газет была дана характеристика настроений крестьянства и его отношения к советской власти и работе советских органов. Автор впервые характеризует антисоветские настроения крестьянства и освещает эволюцию его отношения к большевикам от негативного к нейтральному с октября 1919 г., когда крестьянство Брянщины ощутило на себе все особенности правления белых.

В 2010-е гг. в Брянске выходит целый ряд статей под авторством М.В. Брянцева: «Борьба за советскую власть весной-осенью 1918 г.», «Борьба большевиков с политическими оппонентами в 1919–1921 гг.», «Анархисты Брянска в конце 1917–1918 гг.», в которых автор обращается к отдельным вопросам политической истории, во многом опираясь на периодические издания, тем самым изучая известные вопросы с нетрадиционной точки зрения.

Его учеником Е.А. Кляченковым в это же время была написана диссертация «Организационная деятельность социалистов и анархистов на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917 – вторая половина 1920-х гг.)», в которой автор показывает неоднородность левых сил в борьбе за установление советской власти, указывает на противоречия в проводимой политике, дает более красноречивую и объемную картину политической жизни региона, в сравнении с традиционными оценками советского периода.

Однако автор вынужден признать, что, даже находясь в разных партиях, политические деятели которые старались привести жизнь в регионе в нормальное русло в конце концов вступали в партию большевиков, во многом из-за того, что политика центрального правительства отвечала их чаяниям на местах. И наоборот те, кто был не готов мериться с большевиками в Москве переходили на нелегальное положение и отказывались от созидательной деятельности. Эта работа в первую очередь интересна тем что вносит в «политическую палитру» региона означенного периода новые «краски» [16].

По теме революции и Гражданской войны на Брянщине было прочитано ряд докладов, вошедших в 2012 г. в сборнике «III Тихановских чтений». В нем была помещена статья М.В. Брянцева на совершенно не характерную до того момента тему «Партия и народ: представления населения о коммунистах-большевиках в годы гражданской войны (1918–1922 гг.)» [1]. Как уже отмечалось, Трошина в своей работе затронула аспекты отношения крестьянства к советской власти, однако в работе Брянцева дана более подробная характеристика этих взаимоотношений. Историк основывался на делопроизводственных источниках и воспоминаниях. В своей работе автор явно тенденциозен, обращая основное

внимание на негативные стороны советско-крестьянских, советско-мещанских отношений и недостаточно показывая иное восприятие крестьянами советской политики и советских деятелей.

В этом же сборнике была опубликована работа А.А. Шувалова «Выступления против власти в период гражданской войны на Брянщине» [1], в которой автор называет причинами народного недовольства в основном экономическое состояние региона, в то время как Брянцев причину негативного отношения к большевикам видит в деятельности самих большевиков. Однако стоит отдать должное автору, поскольку он впервые на основе краеведческого материала обозначил проблему социального взаимодействия разных слоев общества, и наметил направление для возможной работы будущих исследователей.

Последней, на данный момент крупной работой по теме установления советской власти на Брянщине и Гражданской войны является работа Брянского автора Ю.П. Соловьева «Афонина армия». Во второй её части анализируются события марта 1919 г., рассказывается о восстании частей брянского гарнизона против советской власти. Книга изобилует ссылками на источники, однако явная ангажированность и симпатии автора антибольшевистским силам искажают события.

За последние десятилетия акцент в изучении данной темы сместился с политической истории в социальную сферу. Однако экономическая основа тех событий в работах всех периодов или представлено выборочно, как в работах Яненко, или не представлена вовсе, даже в работе Шувалова, который именно в экономке видит причину народного недовольства. Это несмотря на то что в Брянском областном архиве в фонде № 9832, есть 3 ста-

тьи О. Шестопаловой, которая в своих статьях «Ленинским путем» [7, с. 65–77], «Осуществление декрета о земле и развертывание социалистической революции в деревне на Брянщине» [9, с. 78–92], «Организация распределение и обмена предметов потребления на этапе проведения и победы Великого Октября в уездах Брянска» [8, с. 93–104] дает всестороннюю подробную картину экономического положения города и деревни в Брянском уезде в период с 1916 по начало 1920-х гг. Работы Шестопаловой позволяют понять причины экономической неустроенности и недовольства населения, являются важным элементом для выстраивания полноценной картины проходивших социальных и политических процессов. Однако они до настоящего времени не были представлены в исследованиях по теме, и автор обращается к ним впервые [25].

Также темой, на которую автор хотел бы обратить внимание будущих исследователей, является вопрос об участии в событиях революции и Гражданской войны китайский добровольцев из числа рабочих Брянского завода. Указание на их причастность встречалось в работах прежде, но после 1957 года, подобная информация перестает использоваться в исследованиях историков. Вероятнее всего это было вызвано охлаждением советско-китайских отношений. Однако, по мнению автора статьи, изучение этого вопроса представляет собой живейший интерес, особенно в современных геополитических условиях, тем более, что есть документы, отражающие участие выходцев из Китая в событиях Гражданской войны. [6, с. 13].

Главной проблемой современной историографии выступает то, что Брянщина является пограничьем: уездные, городские, губернные архивы в течение всего

XX века вынуждены были менять свою локацию, большое количество материала было утеряно в огне В.О.В., еще больше документов затерялось в постоянных переездах, многие фонды прибывают в состоянии «с 1945 года не доставали из коробки» и современному исследователю очень сложно даже просто понять где еще могут быть материалы по теме.

Документы по периоду первых лет советской власти в нашем регионе хранятся в Брянском, Орловском, Московском, Санкт-Петербургском, Гомельском, Черниговском архивах. Современная политическая ситуация также не способствует изучению проблемы.

Как уже отмечалось, в советский период создавались труды, направленные на изучение региональной истории, в том числе и исследователями из сопредельных территорий, в частности из Чернигова, территории которого в период революционных событий вошли в состав Брянского уезда. Однако в постсоветский период такие исследования прекратились, а с недавних пор, архивы сопредельных государств для исследователей из России по понятным причинам закрыты. При это остаются нераскрытыми многие темы. Например, как проходил процесс присоединения новых областей к Брянщине. В 1919 г. Брянский обком получает права губкома, которые он реализовывал фактически с осени 1917 г., несмотря на то, что формально Новозыбковский, Стародубский и Клинецовский уезды отошли к Гомельской губернии. В 1919 г. и в течение всех бурных лет Гражданской войны эти уезды подчинялись Брянским советским органам. Каковы были настроения населения, экономические и политические последствия подобных действий, насколько непредвзяты исследования по этим темам, написанные в советский период? Однако на данный момент освещение этих и других вопросов во многом недоступно нашим исследователям.

ЛИТЕРАТУРА

1. III Тихановские чтения: материалы краеведческой научно-практической конференции, 26 ноября 2008 г. Брянск : Брянская обл. науч. универсальная б-ка, 2012.
2. Егорова А.Г. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март-октябрь 1917 г.). М., Профиздат, 1960.
3. Совокин А.М. В преддверии Октября (Подготовка победы вооруженного восстания). М.: «Мысль», 1973.
4. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917-1918 гг.: (Сборник документов). Орел: Орловская правда, 1957.
5. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 4 томах / В. В. Кутузов (сост.), Л.М. Гавралов, П. Макарова, К.М. Первухина, В.В. Фарсобин. М.: Академия Наук СССР, 1957-1961.
6. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 9832. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАБО. Ф. 9832. Оп. 1. Д. 2 // «Ленинским путем».
8. ГАБО. Ф. 9832. Оп. 1. Д. 2 // «Организация распределения и обмена предметов потребления на этапе проведения и победы Великого Октября в брянском уезде».
9. ГАБО. Ф. 9832. Оп. 1. Д. 2 // «Осуществление декрета о земле и развертывание социалистической революции в деревне на Брянщине».
10. Табаков З. Октябрьская революция в Черниговщине // Журнал Комиссии по изучению Истории Октябрьской Революции и Коммунистической Партии (большевиков) Украины. Харьков: Государственное издательство Украины, 1922.
11. Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х томах, М.: «Наука». 1967-1973.
12. Из истории Брянского края. Материалы юбилейной историко-краеведческой конференции, посвященной

50-летию образования Брянской области и 50-летию Победы в Великой Отечественной войне / отв. ред. Крашенинников В.В. Брянск, 1995.

13. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. М.: Политиздат, 1967–1968.

14. История партийной организации Брянщины: (В иллюстрациях). Тула : Приок. кн. изд-во, 1972.

15. Кошевич К. «На подступах к Октябрю в Брянске». «Коммунар». Брянск: Брянское губ. бюро Истпарта, 1927.

16. Кляченков Е.А. Оппозиционная деятельность социалистов и анархистов на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917 г. – вторая половина 1920-х годов): Дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2014.

17. Колосов Ю.Б. Полк имени Ленина. Тула : Приок. кн. изд-во, 1973.

18. Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М.: «Наука», 1970.

19. Октябрь на Брянщине: Сборник документов и воспоминаний. Брянск: Брянский рабочий, 1957.

20. Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула: Приок. кн. изд-во, 1968.

21. Николаев П.А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март–ноябрь 1917 г.). М.: Изд. ВПШ и АОН, 1960.

22. Сборник памяти Игната Фокина (К пятилетней годовщине Октябрьской революции). Брянск: Брянское губ. Бюро Истпарта, 1922.

23. Силаев М.Ф. Большевики Орловской губернии в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции и утверждения Советской власти: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1951.

24. Соловьев Ю.П. Афонина армия. Брянск: Новый проект, 2020.

25. Шестопалова О.В. Развитие промышленности Брянской области в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.): Дисс. ... канд. экон. наук. М., 1975.

26. Яненко И.Е. Борьба большевиков за победу и упрочение советской власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.). Тула : Приок. кн. изд-во, 1977.

Shadoba Kirill S.

2nd year master of BSU named after. I.G. Petrovsky
Bryansk

Historiography of the revolution and civil war in the Bryansk region. Specific conditions for studying history within the framework of transborder areas.

Annotation. This article aims to highlight the achievements of historiography on the issue of revolutions (1917) and civil war (1918-1922) in Russia in the Bryansk region, to indicate ways for possible further study of the topic and to acquaint the reader with materials not previously used in the scientific literature. In addition, the purpose of this article is to highlight the special conditions for studying the history of the region within the framework of modern political and territorial reality.

Key words: Bryansk region, transborder region, GABO, historiography.

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Сборник статей по итогам научной конференции
17 октября 2023 г.

Подписано в печать 24.10.2023. Формат 60x84/16
Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. П.л. 10,8. Тираж 100 экз.

РИСО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского.
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14.

Отпечатано в РИСО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского.
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14.